

КЛУБ



СТУЛЬЕВ

КЛУБ



12 СТУЛЬЕВ

Дорогие
Миша, Реня,
Маташа и Вова!
Любите книгу —
мушкет

подарок!
В. Владис
25/XI-73г.



«Искусство»
Москва
1973

КЛУБ



Сборник
составили:
администрация
«Клуба ДС»
и ЕВГ. САЗОНОВ

Анатолий
Васильевич
Луначарский
«Будем
смеяться»

5 — 6

Редакторы-состави-
тели: Сузлов И.
Васеловский В.В.



Ироническая
проза

7 — 109



Ироническая
поэзия

110—119



Оформление
В. Королькова

Рисунки
В. Бахчаняна,
В. Иванова,
В. Пескова



«Чудаки»,
«Рога
и копыта»
стенгазета
Клуба

120—136



СТУЛЬЕВ



«Лавка
букиниста»

137 — 164



«Пересмешник»

219 — 230



«Чудаки»,
«Бумеранг»

165 — 180



Подражания

231 — 248



Архив
Клуба ДС

181 — 197



«Чудаки»,
Фразы

249 — 260



Переводы

198 — 218



Сазониада

261 — 302

Этот сборник составлен по материалам «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты».

Клуб был создан в 1967 году. В нем сразу же стали сотрудничать сатирики разных возрастов и направлений.

Надеемся, что читатель с удовольствием прочтет этот сборник Клуба.

А. В. Луначарский

Будем смеяться

Я часто слышу смех. Мы живем в голодной и холодной стране, которую недавно рвали на части. Но... в нас есть большой запас силы, ибо смех есть признак силы. Смех не только признак силы, но сам — сила. И раз она у нас есть, надобно направить ее в правильное русло.

...Смех — признак победы.

...Пока человек слаб перед врагом, он не смеется над ним, он ненавидит его; если порою саркастическая, полная ненависти улыбка появится на его губах, то это — смех, отравленный желчью, смех, звучащий неуверенно. Но вот пригнетенное растет, и смех раздается громче, тверже. Это — смех негодующий, это ирония, кусательная сатира. В этом смехе слышен свист бича и порою раскаты грядущего грома борьбы. Так начал смеяться, еще не осушив слезы на глазах, Гоголь, и так смеялся, дрожа от негодования, Салтыков.

А дальше?

А дальше смех становится все более презрительным, по мере того как новое чувствует свои силы. Этот презрительный смех сверху вниз, веселый, уже чувствующий свою победу, уже знаменующий отдых, необходим как самое настоящее оружие. Это осиновый кол, который вгоняется в только что убитого мрачного колдуна, готового вернуться из гроба, это вколачивание прочных гвоздей в черный гроб прошлого.

...Смех — великий санитар. Сделать что-нибудь смешным — это значит нанести рану в самый жизненный нерв. Смех дерзок, смех кощунственен, смех убивает ядом отравленных стрел.

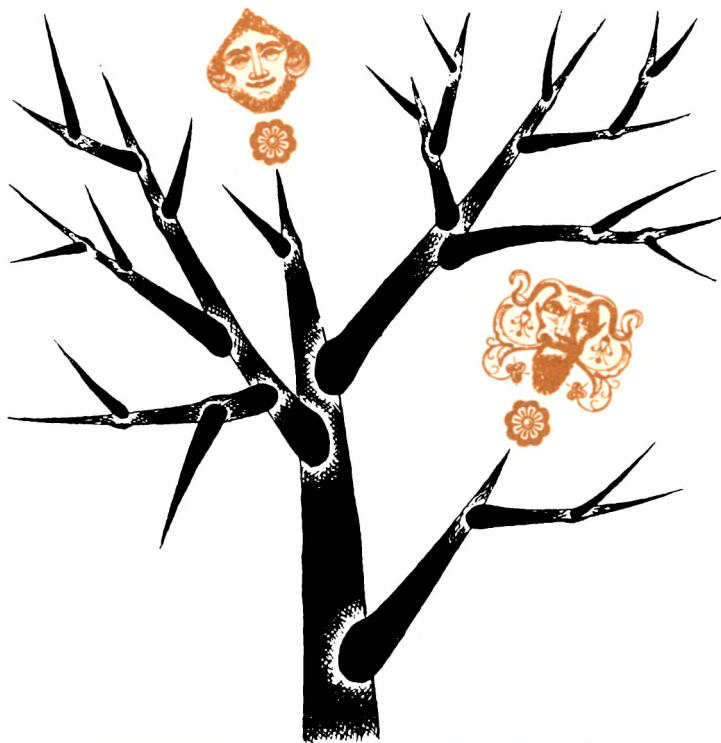
...Да здравствуют шуты его величества пролетариата! Если и шуты когда-то, кривляясь, говорили правду царям, то они все же оставались рабами. Шуты пролетариата будут его братьями, его любимыми, веселыми, нарядными, живыми, талантливыми, зоркими, красноречивыми советниками.

Неужели этого не будет? Неужели на ярмарках, на площадях городов, на наших митингах не будет появляться, как любимая, фигура какого-то русского

Петрушки, какого-то народного глашатая, который смог бы использовать все неистощимые сокровища русских прибауток, русского и украинского языков с их поистине богатырской силищей в области юмора?

...Вступайте смело на этот путь, молодые артисты сцены, слова, кисти. Вас благословляют тени Свифтов и Генрихов Гейне; где-то в траве под забором, забытый, лежит богатырский свисток Добролюбова. Отыщите его, и пусть он звенящими трелями рассыплется над головами пробужденного народа и еще таящих надежды, едва повергнутых врагов его.

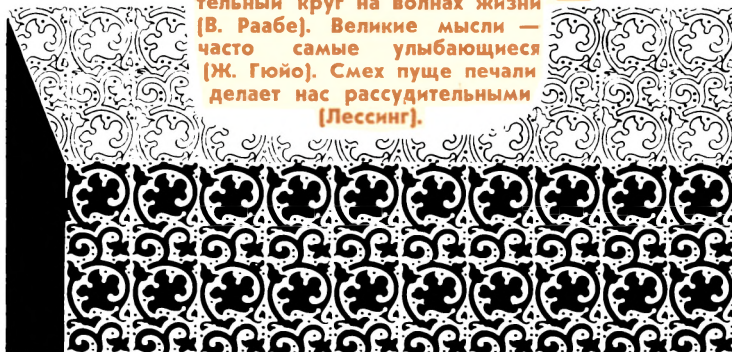
Из статьи «Будем смеяться», 1920 г.



ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

1934
РАССКАЗЫ

Если что сказано в шутку, того не обращай в серьезное [Плавт]. Юмор — это спасательный круг на волнах жизни [В. Раабе]. Великие мысли — часто самые улыбающиеся [Ж. Гюйо]. Смех пуще печали делает нас рассудительными [Лессинг].



Василий Аксенов

Поэма экстаза

С двенадцати лет я начал очень бурно развиваться физически. Мое физическое развитие стало пугать родителей. Они повели меня к врачу, и врач, голубоглазая тетенька, даже вздрогнула, когда я стащил через голову свитер.

— Феноменальный мальчик,— сказала она очень красивым голосом.

Мне почему-то не хотелось уходить из медицинского кабинета, но папа взял меня за руку и увел.

Папа был уже ниже меня на полголова. С каждым годом он становился все меньше и меньше, но я все-таки уважал его и любил, пальцем никогда не тронул, хотя очень сильно обогнал его в своем физическом развитии. Кстати, именно такое отношение к родителям я рекомендую всем начинающим спортсменам.

Мое умственное развитие значительно отставало от физического. Вообще-то я был абсолютно на уровне своих одноклассников, в отличники, конечно, не лез — зачем? — но что касается теоремы Пифагора, бинома Ньютона или там «Кому на Руси жить хорошо», то все эти премудрости у меня от зубов отскакивали. Однако физическое мое развитие ушло далеко вперед по сравнению с умственным. Иногда меня даже смех разбирал при взгляде на моих сверстников, но я, конечно, сдерживал смех, по мере возможности старался не выделяться. Глупо кичиться своим физическим развитием. Не рекомендую этого начинающим спортсменам.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, стал я что-то такое баловаться. Поломал все динамометры в кабинете физического воспитания, в спирометр дунул разок — он распаялся, о силовых аттракционах в парке культуры нечего и говорить. А однажды в школьном коридоре, не отдавая себе отчета, поднял завуча Валериана Сергеевича, посадил его к себе на плечи и так, с завучем на плечах вошел в класс. Итог: исключили на десять дней из школы.

Ну, от класса я, конечно, не отстал. Ежедневно пять часов занимался по программе, неясные воп-



росы консультировал с Мишей Гурфинкелем по телефону. Учебу запускать нельзя, а то окажется, что ты топчешься на месте, а все уже ушли вперед.

Странный инцидент с завучем многому меня научил. Я стал задумываться о своей дальнейшей жизни. Было о чем подумать: невероятное развитие мускулатуры и внутренних органов сделало меня совсем другим человеком. Подумайте сами: ведь очень многие мальчики хотят посадить себе завуча на плечи, но далеко не все могут это сделать, а я

вот захотел — и сделал. При наличии такого физического развития мысли, свойственные очень многим мальчикам, а может быть, и всем, могли меня и окружающих привести к нежелательным последствиям.

Взвесив все «за» и «против», я решил обратиться к спорту. Поделился своими планами с родителями. Папа сказал:

— Это правильное решение. Направив избыток своей энергии в спорт, ты, Геннадий, избежишь конфликта с обществом.

Итак, решение было принято. Оставалось только выбрать вид спорта. Смешно, конечно, было мне заниматься легкой атлетикой, когда я уже в шестом классе на уроках физкультуры брал высоту 216, сотку пробегал за 10,3, ядро толкал на 19 метров, и все это без всякого труда, а если честно говорить, то и без удовольствия. Может быть, плавание? Плавать я не умел и учиться не собирался. Зачем?

Предаваясь раздумьям о выборе жизненного пути, я гулял по улицам, поглядывал на прохожих, выбирал мужчину поздоровее, знакомился, сжимал ему руку, глядел ему в застывшие от боли глаза, подталкивал плечом, потом, пристыженный, убегал. Не знаю уж, чем бы все это кончилось, если бы не попал я в секцию бокса.

Помню своего первого спарринг-партнера, массивного мастера спорта лет сорока.

— Не бойся, сынок, я легонько,— шепнул он мне перед началом встречи. Примерно минуту он молотил как хотел, но мне его крюки и апперкоты были как слону дробинка. На второй минуте я разглядел все премудрости этого вида спорта, сделал финт, да как дам прямым — старик упал. Так я получил путевку в жизнь.

Мне очень нравился бокс. Очень нравилось за секунду до гонга стоять в своем углу, скромно опустив длинные пушистые ресницы, с румянцем на нежных щеках, а при гонге вскинуть длинные пушистые ресницы, открыть большие голубые глаза, улыбнуться сверкающей улыбкой, заглянуть в сузившиеся от страха глаза партнера, обрушить на него шквал ударов. Обычно до второго раунда не доходило.

Пришла слава. Ежедневно получаю от пятидесяти до шестидесяти писем от молодежи. Аккуратно

отвечаю на все письма. Вопрос: «Как стать таким сильным, как вы?» Ответ: «Только упорным трудом». Вопрос: «Как вы смогли добиться таких успехов в спорте?» Ответ: «Только упорным трудом». Вопрос девушки: «Почему вы такой красивый?» Ответ девушке: «Только упорным трудом».

Следует сказать, что я успешно сочетал спорт с учебой, от класса не отставал. Каждую свободную минуту использовал для занятий по программе.

Однажды перед боем сижу в раздевалке уже в трусах, в перчатках, учу наизусть цитаты из «Луча света в темном царстве» — к сочинению. Заходит журналист Илья Слонов с фоторепортером. Фотарь покрутился вокруг меня, пощелкал.

— Испарись, Эдюля,— сказал ему Слонов, подсел ко мне и говорит:— Нравится мне ваш бокс, Мабукин.

Я даже покраснел. Я всегда был скромным и сейчас являюсь скромным. В этом смысле я тоже пример для начинающих спортсменов.

— Нравится, но не до конца,— говорит Слонов.

Вот тут я заволновался.

— Все у вас есть,— продолжает Слонов,— сила, реакция, техника на высоте. Нет только творческого духа.

— Как так нет? — спрашиваю.

— Возьмите, к примеру, Кассиуса Клея...— говорит Илья Слонов.

При имени Кассиуса у меня даже селезенка задрожала. Ох, как хочется мне познакомиться с этим товарищем, поработать с ним за милую душу.

— ...абсолютный чемпион мира и в то же время тонкий лирический поэт,— продолжает Слонов.— Уверяю вас, что он задавил Сонни Листона прежде всего своим интеллектом.

— Современный боксер — прежде всего творческая личность, — продолжает Слонов. — Бокс — это поэма. Поэма экстаза. Бокс — это симфония или, если хотите, симфоджаз. Бокс — это холст сюрреалиста. Бокс — это вдохновение, порыв, пластическая fuga, ассонанс или диссонанс.

Сказав это, он посмотрел в потолок, и в темных бархатных его глазах проплыли маленькие огоньки.

— Вы вообще-то книжки читаете, Мабукин? — спросил он.

— Да вообще-то читаю. Вот... «Луч света в темном царстве», — показал я.

— Ну а кроме хрестоматии? «Процесс» Кафки читали? С поэзией Велимира Хлебникова знакомы?

Так началась наша дружба, которая продолжается и по сей день.

Вскоре на обложке «Огонька» появился мой портрет в перчатках и с хрестоматией. «Мастер спорта Геннадий Мабукин — страстный книголюб».

В это время наша команда готовилась к крупнейшим соревнованиям на кубок Сиракузерса в Южной Америке. Слонов ежедневно приезжал к нам на загородную базу, привозил книги, пластинки, альбомы репродукций. В короткий срок под его руководством я одолел «Процесс» Кафки, «Мастера и Маргариту» Булгакова, «Траву забвения» Катаева, прочел «Кентавра», «Детей капитана Гранта» (вот это книга!), разобрался во французском антиромане, Сартра, конечно, проштудировал (без этого сейчас нельзя), выучил наизусть несколько стихов Аполлинера, Велимира Хлебникова — «усадыба ночью чингисхань!.. а небо синее, роопсь!..», прослушал с прегомным удовольствием Баха, Малера, Прокофьева, «Модерн джаз-квартет», ознакомился с творчеством Василия Кандинского, Сальвадора Дали, Джакометти и многих других. Особенно мне понравились натюрморты Моранди. Как сказал Эренбург, «при всей их философской глубине в них нет рассудочности, сухости — они взывают к миру эмоций». Постепенно для меня стало проясняться истинное лицо современного бокса.

Гуляя по подмосковным лесам, рощам, перелескам, опушкам, взгорьям и низинам, я сочинял стихи. Помню первое свое стихотворение:

«Мое лицо

глядит из тьмы болот

Устало, одиноко,

непреклонно.

Глаза и лоб,

любви моей оплот...

Я не Нарцисс,

но все-таки влюбленный».

Наш главный тренер как-то сказал Слонову:

— Что ты парню голову мутишь? Ему, может быть, в финале с Хорхе Луисом Барракудой работать, а у того правая знаешь какая!

Слонов тут же отпарировал:

— Как вы не понимаете? Гена практически непобедим. Кубок Сиракузерса у него в чемодане, как и все остальные кубки в мире, но я хочу из него вылепить боксера нового типа, творца, художника!

— Может, ты шпион, Слонов? — хмуро спросил тренер.

И вот мы приехали в Южную Америку, в очень большой город, то ли Буэнос-Айрес, то ли Рио-де-Жанейро, сейчас уже не помню. Начались соревнования на кубок Сиракузерса. Что там было! Мои тренировки фотографировали от пятидесяти до шестидесяти репортеров, телевидение показывало меня с утра до ночи по всем двенадцати каналам. Ежедневно пятьдесят-шестьдесят писем от южноамериканской молодежи. «Как стать таким сильным, как вы?» — «Только упорным трудом». «Как стать таким красивым, как вы?» — «Только упорным трудом». «Правда ли, что вы поэт?» — «Правда».

В одной шестнадцатой я должен был работать с венгром. Тренер венгра снял. «Это олимпийская надежда нашей страны, и мы не можем им рисковать», — заявил тренер газетам. В одной восьмой англичанин тоже отказался от боя. «Я отец пяти детей, на фигу мне уродоваться», — заявил он газетам. В четвертьфинале итальянец тоже не вышел на ринг: «Жизнь дороже». В полуфинале спасовал и японец: «Бронза есть, и ладно».

Свободного времени у меня было много, и мы с Ильей проводили его на художественных выставках, симфонических концертах, в подвальчиках местной богемы. Таким образом, мы продолжали формировать мою личность боксера нового типа. Между тем главный мой соперник Хорхе Луис Барракуда в жестоких боях пробивался к финалу.

И вот финал настал. Перед боем ко мне зашел сам Адольфус Селестина Сиракузерс, миллионерско-топромышленник, массивный дяденька с бычьей шеей, с седым бобриком волос на шишковатой голове, в пунцовом жилете, на пальце — бриллиант, в ухе — рубин.

С удовольствием глядя на меня, он сказал представителям печати:

— Узнаю. Узнаю свою молодость.

И вот я вышел на ринг и впервые увидел Барракуду. Очень большой, очень черный, очень пожилой — лет тридцати — человек стоял в противоположном углу. Он сильно волновался, кажется, у него даже дрожали колени. А я скромно стоял в своем углу, опустив длинные пушистые ресницы, и сквозь длинные пушистые ресницы смотрел на него, ласково улыбаясь.

— Руки длинные. Навязывай ближний бой. Берись правой, — прошептал мне тренер.

Чудак мой тренер. Он даже не знал, что я решил провести этот бой, как симфоническую поэму, как пластическую фугу в сюрреалистическом ключе на ассонансах и диссонансах. Ближний бой, дальний бой — что за ерунда! Бокс — это поэма экстаза!

Я разыграл все как по нотам. Барракуда с его отчаянием и упорством был в моих руках отличным инструментом, словно скрипка Страдивариуса. Этот бой впервые принес мне истинное высокое эстетическое наслаждение, потому что теперь я был уже боксером нового типа, боксером-интеллектуалом.

В третьем раунде Барракуда неожиданным апперкотом бросил меня на канаты. В пустоте и тишине звенящая божественная боль пронизала меня. Задышавшись от восхищения, я смотрел на приближающееся лицо Барракуды с трясущейся челюстью и алмазно сверкающими глазами. Наступал момент истины. Последний штрих, последняя трепетная нота. Голова Барракуды, словно кегельный шар, стукнулась о помост.

Ответив на пятьдесят-шестьдесят вопросов, я попросил журналистов оставить меня одного. Попросил и своего друга Илью очистить помещение. Когда все ушли, включил магнитофон с записью концерта Рахманинова, открыл альбом Моранди и томик стихов Иннокентия Анненского.

Глубокой ночью, когда воцарилось безмолвие, я вышел из Дворца спорта. На ступеньках сидел Хорхе Луис Барракуда. Он плакал.

— Отчего вы плачете, Барракуда? Неужели из-за поражения? — спросил я.

— А из-за чего же еще? — ответил он.

- Вы вообще-то книжки читаете, Барракуда?
— Да читаю, читаю.
— Значит, недостаточно читаете. Больше нужно читать, слушать музыку, смотреть картины.
— Да знаю, знаю, все про вас знаю. Подражаю, а что толку?
— Моранди вам нравится, Барракуда?
— Да нравится, нравится.
— А «Модерн джаз-квартет»?
— Ну.
— Тогда у вас все впереди, Барракуда. Не плачьте. Пока.
— Уходи, пока цел, — буркнул он.
Я не стал с ним спорить.

Что могу сказать о своем питании? Утром я выпиваю стакан сока, съедаю два яйца. За обедом: кусочек сельди, полтарелки бульона, кура. Полдник: стакан молока и кекс. За ужином отвожу душу: икра, семга, балык, грибы в сметане. Филе на вертеле, шашлычков пару порций, крем-брюле, клубника в сметане, торт, мороженое и так далее. Рекомендую этот рацион всем начинающим спортсменам.

Кем я был раньше? Паровым молотом.
Кто я теперь? Художник удара.

Виталий Аленин

Скупым языком цифр

— Вот вы, извините, прессу для чего читаете? Ну там журналы, газеты? Для чего? Для интереса? В смысле — хочу все знать? Этого недостаточно! Не по-хозяйски! Недоиспользуете кпд, или, говоря популярнее, коэффициент полезного действия, который заключен в газетных и журнальных рубриках, разделах и жанрах. Это же кладезь! Золотая жила! Я вам сейчас на конкретных примерах поясню.

В прошлом месяце я в шестой раз опоздал на работу и в шестой раз, по настоянию общественности, признал в стенной газете свои ошибки. Я обещал сделать необходимые выводы, извлечь уроки и не повторять ничего подобного...

Потом я опоздал в седьмой раз. Запыхавшись, я вбежал в контору и быстренько набросал седьмую заметку в стенгазету, обосновав, как всегда, недопустимость, сделав выводы и дав обещания...

— Хватит, — сказал редактор стенной газеты, когда я вручил ему свою повинную, — надоело... Общие слова, обтекаемые формулировки. Общественность возмущена. Дай оценку своему поступку, отвечающую, так сказать, духу времени, или пусть с тобой решают по административной линии.

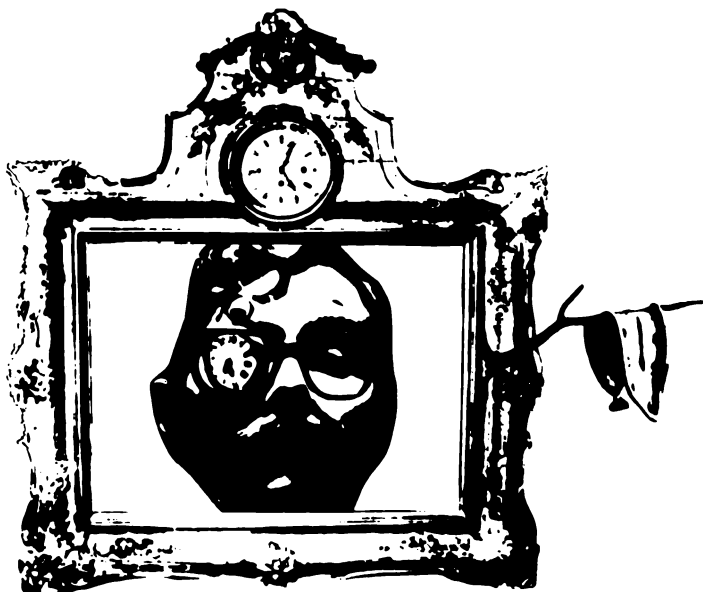
— Слушай! — испугался я. — Ведь я уже в седьмой раз опаздываю. Пока я буду искать, извиняюсь, новые средства самовыражения, меня же могут старым методом...

И я, согнув ногу в колене, показал, что они могут со мной сделать.

— Вполне допустимо! — сказал редактор. — Тем более ищи быстрее. У тебя есть стимул.

Я стал искать. Сначала написал о себе разоблачительный очерк, но он меня не устроил: форма не новая, очерки писались и до меня, не хотелось идти проторенными путями. Потом я сочинил о себе смешной фельетон, но вовремя вспомнил, что смешной фельетон сегодня — это архаика и жанровая отсталость.

Порвав фельетон, я продолжал искать. И, можете себе представить, нашел. В одном журнале. Это было свежо и современно. Рубрика называлась «Ску-



пым языком цифр». Теперь оставалось только приспособить ее к конкретным обстоятельствам, и уже на следующий день наша общественность могла ознакомиться с моим саморазоблачительным материалом.

«Итак, опоздав на работу в седьмой раз — на 18 минут, — я наконец задумался: много это или мало? Глубокий анализ этой цифры потряс меня. Восемнадцать минут! За это время в нашей области перегорает около 12 тысяч 749 электролампочек; более чем 91 человек из числа неисправимых курильщиков бросают курить, а 97 процентов от этого количества начинают снова; взыскивается более 147 рублей пени за просроченную квартплату...

Вот вкратце, что заключают в себе те восемнадцать минут, на которые я позволил себе опоздать. Спрашивается: можно ли равнодушно проходить мимо этого?»

Внизу стояла моя подпись.

Сотрудники толпились у газеты. Редактор хлопал меня по плечу. А наш директор, пригласив меня в кабинет, уважительно сказал:

— Здорово! Глубоко взял! И где ты цифры такие убедительные нашел? Ты, брат, этот... интеллектуал... — И он бросил в корзину проект приказа, где моя фамилия соседствовала с какой-то статьей КЗОТа.

Я понял, что избрал правильный путь. Через два дня, когда бухгалтеру Колокольчикову позвонила жена и он уговаривал ее приготовить на ужин пирог с капустой, я, отложив текущие дела, подготовил для очередного номера нашей газеты новый материал под уже устоявшейся рубрикой «Скупым языком цифр»...

«Семь минут рабочего времени ушло у товарища Колокольчикова, чтобы уговорить по телефону свою жену приготовить пирог с капустой... Семь минут! Много это или мало? За это время в нашем городе продается до 12 тонн кильки; три и четыре десятых владельца индивидуальных автомобилей теряют ключи от зажигания; за семь минут только один человек со средним образованием может зачеркнуть до 394 клеточек в карточках «Спортлото», причем характерно, что если клеточки будут зачеркивать два человека, то эта цифра соответственно удваивается, за семь минут жители только лишь одного небольшого населенного пункта могут вымести до 12—14 килограммов сора из избы; за это же время на огородах может вырасти бузины в 2 и 7 десятых раза больше, чем в Киеве дядек. Вот что означают, товарищ Колокольчиков, те семь минут, которые вы отняли у своего рабочего дня».

После этого бухгалтер Колокольчиков стал вздрагивать при каждом телефонном звонке и не брал трубку даже тогда, когда его вызывали из управления.

А я с головой ушел в цифры, и когда опоздал в восьмой раз, то сказал директору, что восемью восемь — шестьдесят четыре, а это в два раза больше, чем тридцать два. Вот что значит по-хозяйски использовать золотую жилу журнальных рубрик.

Магомед-Загид Аминов

Васалам-вакалам

Васалам-вакалам хоть и похоже на салам-алейкум, но означает совсем другое. Васалам-вакалам — это порядок, будь здоров, все в норме, все в ажуре! Вот такое слово.

Добился успехов — получай премию. Васалам-вакалам! Я так думаю. А жена на другом стоит: пусть из ягненка хоть мамонта выпасет, не давайте, ради аллаха, ему никаких премий. — это для нас слишком большая роскошь!

Васалам-вакалам... Может, жена и права?

Дали мне премию. Вручили торжественно. Колхозный клуб трещал по швам, как пиджак сына на спине отца. Народу набралось — папаха к папахе. На сцене за столом — колхозные хакимы. А над столом — председатель.

— Гусейнов Али, — председатель говорит, — награждается ручными часами «Победа». Эта «Победа» за его победу. Славную победу парень одержал: сто двадцать ягнят от ста овцематок получил!

Гусейнов Али — это я. Встаю, иду к сцене. Голова гудит, как бочонок с брагой. Еще бы: от сладких речей и не такие крепкие головы сдавали. А председатель продолжает:

— Всю зиму без выезда был на кутане. Растил овец, как родных детей. Хранил отару от лютой стужи, от волчьей пасти. Молод, как огурец, но давно не зеленый!

А что? Верно говорит. Не украл я эту победу, трудом с палкой чабаньей в руках ее добыл. Васалам-вакалам!

Из клуба домой вернулся поздно. Жена спит.

— Проснись, говорю, ставь графин, твой муж уже герой! — И часы показываю.

— Премия...

Жена вскочила, стол накрыла, все мигом, все по делу. У меня жена — васалам-вакалам!

Утром вышел на годекан, где люди сидят. Премия, конечно, на руке. Васалам-вакалам. Стою в сторонке, жду поздравлений. Действительно, каждый меня поздравляет.



Подошел и председатель Ага.

— Еще раз поздравляю! — Потом своим девяти-месячным животом боднул меня в бок. — Обмыть полагается...

Я не жадный. Сразу — папаху оземь, пусть пыль идет столбом.

— Эй, — кричу на весь годекан, — приглашаю всех на обмывку премии!

Пришли ко мне в саклю, сдвинули два стола, расселись. Пьем. Тамада — Ага. Без его разрешения нельзя говорить. А его самого остановить некому.

— Васалам-вакалам!

Васалам-то вакалам, но не совсем вакалам... Все опьянели. Я раньше всех. Потому что хаким Ага поднял тост и за мое здоровье, и за мои трудовые успехи, и еще за одну будущую премию мою, и за родственников моих, и за соседей моих, и за крышу дома моего, и за племянницу моей жены, и за ее учебу, и за ее учителя, и за его жену, и за ее козу, и за... и за... И заплетаться язык стал. Тогда стали пить без слов.

После обеда проводил я дорогого Агу до конторы, пожал еще раз руку, иду домой. Откуда ни возьмись — навстречу бухгалтер Аслан. Обнял меня.



— Поздравляю, говорит, от души. Без меня бы тебе премию ни за что не дали. Надо, говорит, обмыть. Обмыть так обмыть! Хотел сразу — папаху оземь. Только смотрю — папахи нету. Я ее где-то оставил.

Обмыли премию с бухгалтером Асланом. Распрощались как лучшие друзья. Я сразу уснул.

Утром проснулся, оделся, умылся. «Ну, думаю, пора к моим овцематкам идти. Васалам-вакалам!» Тут без стука заходит старший чабан Салих, мой прямой начальник.

— Ты почему дома сидишь? В горах чабаны надрываются, а ты прохлаждаешься?

— Я премию получил, говорю.

— Вот именно! Премию получил — и молчишь. С начальством пьешь, а чабаны — не люди?

— Обмоем, — говорю. — Что за вопрос? Васалам-вакалам!

Старший чабан Салих выпил за мое здоровье, за здоровье собак наших чабанов, за здоровье наших замечательных овцематок и за высококалорийные корма.

Вышел я его проводить. Дошли до годекана. Сидят мужчины, на меня смотрят. Чувствую — сейчас

кто-нибудь зацепится. А у меня вина нет, денег нет, часов нет. (Часы жена продала, чтобы вина купить.)

Подошел ко мне один. По глазам вижу — сейчас зацепится. Так и есть.

— Ну, как дела?

— Как сажа бела...

— Эй, люди, смотрите: премию получил и уже зазнался. Я к нему как человек, а он твякает, как пес!

— Псы бывают такие, как ты, говорю.

— Что?!

Тут он на меня и кинулся. Еле-еле разняли нас. Прибегает Рамазан, поселковый милиционер. Ведет меня куда следует.

— В чем дело? Почему буянишь?

— Да вот, — говорю, — премию мне дали.

— Премию? За что?

— А я... от ста ягнят сто двадцать овцематок получил!

— Так это обмыть надо, — Рамазан говорит.

Разлили на два стакана. Я выпил — бац на пол.

Рамазан крутит ручку, звонит в больницу.

Не прошло и трех минут, вбегает сам Раджаб, главврач.

— Что случилось?

— Да вот, выпил всего полстакана и упал...

Раджаб трубку вынул, меня послушал.

— Плохи его дела, — говорит. — Но, может, еще денек протянет... А почему вы решили пить?

Рамазан говорит:

— Премию ему дали. Там, высоко в горах, он от множества овцематок получил тысячи овцедеток. И всех вырастил. Всю зиму с ними в горах просидел, день за днем.

— Вай-вай-вай! Тысячу баранов вырастил? Какой шашлык! Верно это?

— Нет, — чуть слышно шепчу я, лежа на полу, потому что у меня для голоса дыхания не хватает. — Сто двадцать ягнят от ста овцематок...

— Сто двадцать тысяч ягнят? — Главврач удивляется. — Мировой рекорд! Это надо обмыть!

Достает чистый медицинский спирт, разливает на троих. Выпили мы, я умер. Меня на носилки — и в приемный покой.

Санитар Магомед, глубокий старик, спрашивает:

— Кого принесли?

— Пастуха Али.

— Помер?

— Помер...

— А от чего?

— Премию он получил.

— Какую?

— Не знаю, — главврач говорит. — Никто уже не знает. Давно это было. Наверно, автомашину «Волга».

— Ох, такую хорошую премию и обмыть не мешало бы, — говорит старик Магомед. — И кто же на ней теперь ездить будет, ведь у его жены прав нету...

Достали хурджин вина, разлили. Мне уже не наливают. Но я по привычке к стакану потянулся. Тут только и обнаружили, что я еще живой. Выпили мы за это дело, отправили меня домой.

Словом, васалам-вакалам!

Перевел с лакского
Георгий Фере

Лилие Зеленину отъ

Арк. Арканова

Л. Лилие

Рано утром после хорошего настроения...

Я проснулся. Надо мной было летнее утреннее небо, левее и ниже — немного размазанное летнее утреннее солнце и еще четыре белых летних утренних облака. Подо мною была летняя утренняя трава.

Через пятнадцать минут я сделал себе завтрак. Такой же, как это утро. Два яйца, сваренных вкрутую, каждое из которых разрезано пополам вдоль. Четыре желточных солнца, четыре белочных облака на голубой пластмассовой тарелке, зеленый лук вместо травы и черный хлеб вместо земли...

В этот день я не опоздал. Еще бы!.. Сегодня меня вызывал новый директор...

Пока секретарша докладывала о моем приходе, я засмотрелся в окно. За окном все еще было утро. И мне вдруг до головокружения захотелось выпрыгнуть из окна, распластаться навзничь на девственной траве, положить ладони под затылок и согнуть ноги в коленях.

И еще захотелось ощутить на лбу длинные тонкие женские пальцы. Впрочем, это желание я испытывал довольно часто, потому что пальцы, которые время от времени касались моего лба, были чуточку короче и чуточку толще тех, о которых я мечтал. И когда секретарша произнесла мою фамилию, я нехотя снял со лба длинные тонкие женские пальцы, потянулся и вошел в кабинет директора.

В кабинете все было так и все не так.

Стол с директором раньше был справа, теперь — слева. Сейф был раньше слева, теперь — справа...

Директор был настроен по-деловому:

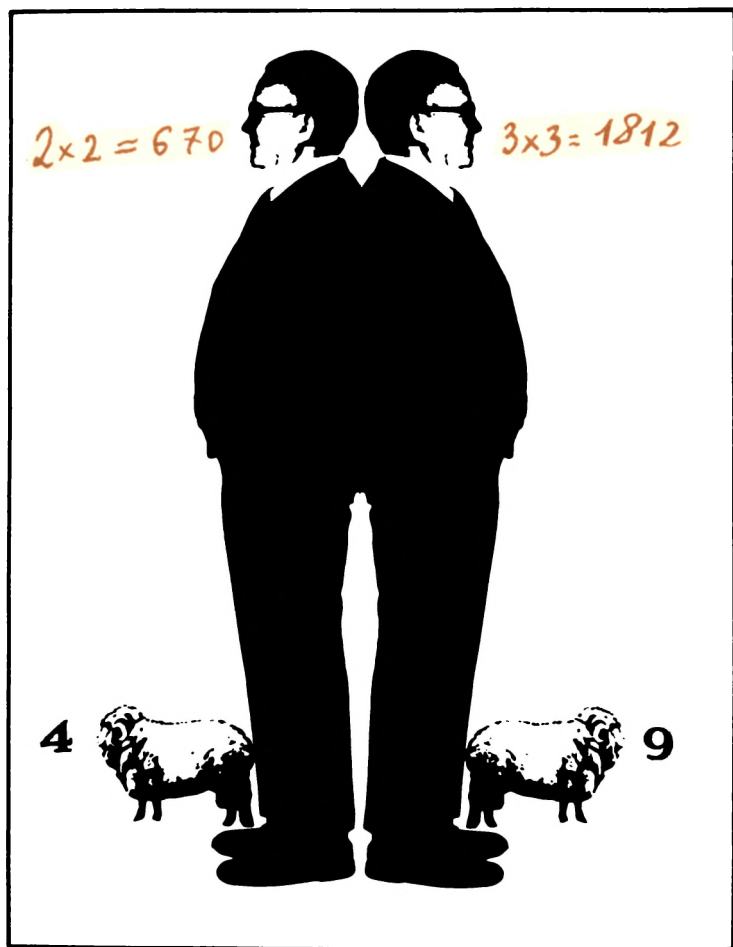
— Почему наше предприятие выпускает так мало крышечек для банок?

— Видите ли...

— Вы, кажется, главный инженер, кандидат физико-математических наук? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Стало быть, алгебра, «а» в квадрате, «б» в квадрате... Небось тоже разбираемся... Так вот... бу-



дем работать по-новому! Хватит мучиться по старинке... Верно я говорю?

— В общем-то верно, — согласился я, еще не понимая, в чем дело.

Он улыбнулся, довольный тем, что нашел во мне единомышленника.

В новом для себя кабинете новый директор держался так свободно, как будто он в этом кабинете родился и вырос.

— Значит, так, — приступил он, обсасывая каждое слово, — устраним главную причину недостатков — начнем ломать устаревшую таблицу умножения...

Я засмеялся и внутренне порадовался тому, что новый директор обладает чувством юмора. Он дал мне высмеяться и продолжал:

— Я внимательно ознакомился с таблицей умножения и понял, что прежние цифры устарели и тормозят наше поступательное движение вперед...

Нет, он положительно начинал мне нравиться.

— По этому поводу у меня есть предложение, — сказал я сквозь смех. — Дважды два будет девять, трижды три — четыре, пятью пять — восемьдесят один...

— Вряд ли этого будет достаточно, — сказал он, высморкавшись. — Я тут сам кое-что уже прикинул...

Директор достал из ящика своего стола листок, исписанный какими-то цифрами, и протянул его мне.

На листе была написана «новая» таблица умножения: «дважды два — шестьсот семьдесят», «трижды три — тысяча восемьсот двенадцать», «шестью семь — две тысячи девятьсот сорок девять». В последнем столбике фигурировали сплошные двенадцатизначные числа...

Я растерянно посмотрел на директора. Он не сводил с меня торжествующих глаз.

— Как вам понравилось «трижды три — тысяча восемьсот двенадцать»? А?..

— Не многовато ли? — спросил я, вяло улыбувшись.

— Может быть... Зато смело!.. Впрочем, вы как ученый кое-что поправьте... Через недельку принесите мне на подпись...

Директор встал из-за стола и протянул мне руку.

— Но... Ведь трижды три — девять, — вкрадчиво сказал я.

— А почему не тысяча восемьсот двенадцать? — сказал он. — Ведь все в мире относительно... Это еще Эйнштейн придумал.

— Но трижды три все-таки девять...

— Зато тысяча восемьсот двенадцать больше, чем девять. Я верно говорю?

— Верно...

— Вот видите... А вы спорите...

И директор сокрушенно покачал головой.

— Но поймите, — сказал я. — Если взять три яблока, потом еще три яблока и еще три яблока, то будет девять яблок...

Он слегка повысил голос:

— Фрукты-овощи здесь ни при чем!..

Я взглянул в окно и тоскливо посмотрел на зеленую траву... Мне вдруг показалось, что я уже больше никогда не смогу растянуться на ней и подложить под затылок ладони...

В кабинете неожиданно стало жарко, и между лопатками потекли у меня струйки пота... Я проглотил слюну и хрипло промолвил:

— Три крышечки, плюс три крышечки, плюс еще три крышечки — это девять крышечек.

— А по новой таблице — это тысяча восемьсот двенадцать крышечек, — отчеканил директор.

— Да... Но если взять три собаки и еще три собаки...

— Почему вы такой упрямый? — миролюбиво улыбнулся директор. — Вы скажите: у собаки есть бивни?

— Нет, — прошептал я.

— А у слона есть бивни. Я правильно говорю?

— Есть, — прошептал я.

— Так что же вы спорите? Идите и приступайте к делу...

Я вытер пот со лба и обнаружил шершавые, загибающиеся спереди спиральной рога... Я покосился в зеркало и увидел, что они серого цвета и вполне симметрично располагаются на моем лбу... «Надо будет купить высокую папаху, — подумал я, — а то с неприкрытыми рогами, как с лыжными палками, могут не пустить в метро...».

— Ну что же вы стоите? — произнес директор каким-то далеким голосом. — Неужели все еще непонятно?

Мне захотелось пить, и я кое-как просунул свою острую морду в графин настолько, насколько позволяли рога.

Холодная вода принесла мне облегчение. Я отфыркался и, с трудом подбирая слова, выдавил из себя:

— Э-э... если... э-э... взять три... э-э... хвоста... э-э... и еще... э-э... три хвоста и... э-э... еще три... э-э... хвоста, то будет девять... э-э... хвостов... э-э...

Он стал что-то доказывать мне, размахивая руками, но я понимал лишь отдельные слова.

У меня зачесалось в левом боку, и я с наслаждением стал тереться об угол стола, оставляя на нем клочья шерсти... «Э-э... — подумал я, — а ведь меня уже пора стричь...». После этого я проблеял три раза, потом еще три раза и еще три раза, потом проблеял девять раз...

Он что-то начал отвечать, но на совершенно непонятном мне языке...

Я почувствовал, что мне невероятно трудно стоять на двух ногах, и опустился на передние. Сразу стало легко, и я затопал копытцами по паркетному полу...

И тут я подумал: «А почему я здесь, когда вся моя отара на лугу?..»

Мне мучительно захотелось свежей травы, я боднул дверь и выбежал из кабинета...

Чабан гнал нас через узенький мосток на большую зеленую равнину, усыпанную желто-белыми ромашками...

Мне было приятно среди своих и беззаботно.

И вдруг молнией сверкнула какая-то чужая, непонятная мне мысль: «Теперь дома все покроется пылью...»

Сверкнула и погасла.

Я съел ромашку и стал пастись... Ромашки были очень вкусными.

Бахнов

Владлен Бахнов

Савушкин, который никому не верил

Часы в приходно-расходном отделе пробили девять. И тотчас торопливо застучала пишущая машинка, деловито защелкали счеты, заскрипел арифмометр и раздался первый телефонный звонок. Аппарат находился на столе у нашего плановика Марии Михайловны, на все звонки отвечать приходилось ей одной, и она смиренно несла этот крест ежедневно с девяти до шести с получасовым перерывом на обед. Вот и сейчас, сняв трубку, Мария Михайловна привычно и вежливо ответила:

— Слушаю. Ваклушина, к сожалению, нет. Он только что вышел.

Начался обычный трудовой день, и старший экономист Савушкин сварливо сказал:

— У нас в пригороде происходит черт знает что! Гуляю я вчера на своем дачном участке, вдруг вижу — прямо на меня лягушка скачет. Подскакала и говорит своим лягушачьим голосом: «Товарищ Савушкин, возьмите меня, пожалуйста, на руки». Я взял...

— Большая лягушка? — поинтересовался, не переставая крутить арифмометр, бухгалтер Николай Федорович.

— Нормальная. Но не в этом дело. Взял я ее на руки, а она говорит: «Товарищ Савушкин, у меня к вам огромная просьба: поцелуйте меня, пожалуйста». Представляете?

— А зачем это ей понадобилось? — спросила наша машинистка Оленька, закладывая в машинку новый лист.

— Да какая мне разница, зачем? — закричал Савушкин. — Как вообще можно обращаться с подобными просьбами? За кого меня эта лягушка принимает? Что я, болван какой-нибудь, что ли, чтобы целоваться с лягушками? Вы бы сами лягушку поцеловали бы?

— Лягушку — нет, но если бы она была кошкой или собакой, поцеловала бы. Я вообще люблю животных, — пояснила Оленька и снова учащенно застучала на машинке.

— Ну а что потом все-таки было? — спросил я.

— Ничего не было. Выбросил я ее — и все.

— Ах, я понимаю Евгения Севастьяновича! — проговорила, отрываясь от бумаг, Мария Михайловна. — У нас на даче в этом году тоже очень много всяких лягушек развелось...

Но тут зазвонил телефон, и Мария Михайловна сказала:

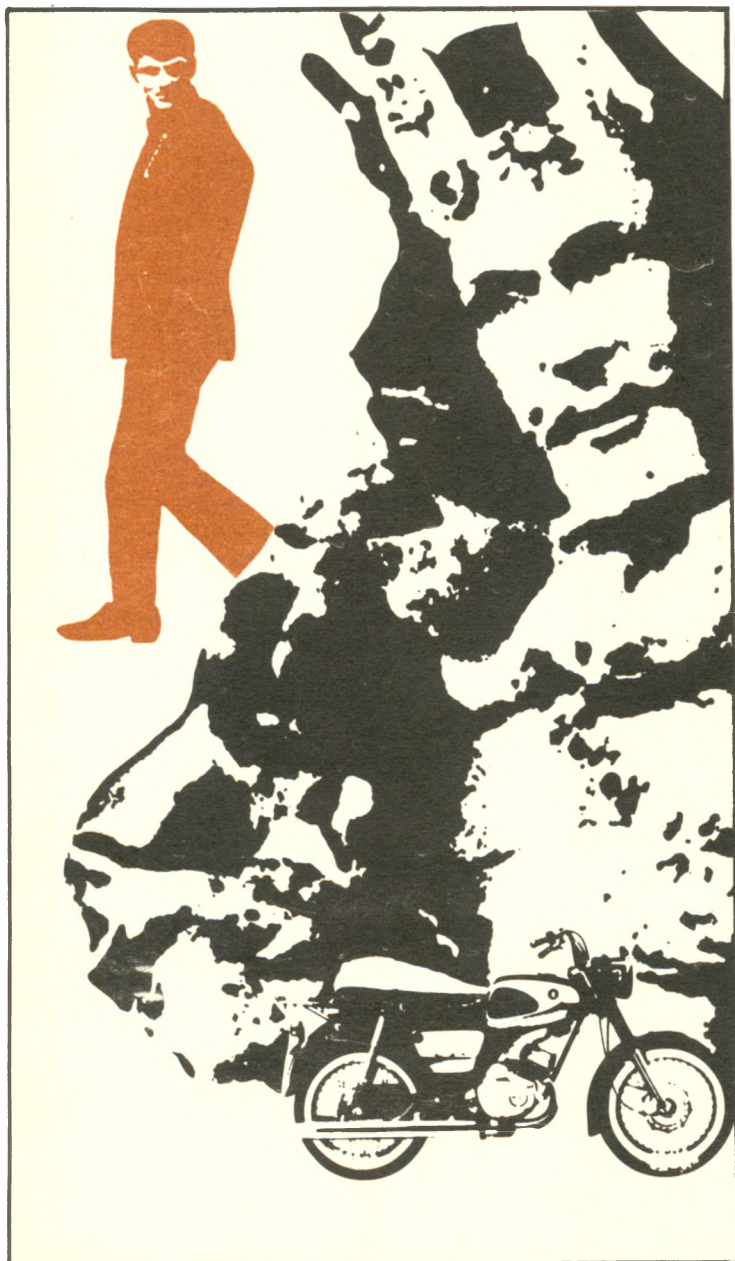
— Слушаю. Ваклушина, к сожалению, нет. Он только что вышел.

Мы продолжили свои занятия. Только Савушкин никак не мог успокоиться и отправился в отдел капитального строительства, где снова рассказал о наглой лягушке, которая, по-видимому, считала его законченным кретином, если надеялась, что он исполнит ее просьбу. Потом Савушкин перешел в плановый отдел, потом в отдел лимитов, и к концу дня вся наша контора была поставлена в известность, что старший экономист Савушкин отнюдь не такой дурак, как думают некоторые. Более того, из рассказов Савушкина получалось, что он каким-то образом ловко перехитрил эту лягушку и просто оставил ее в дураках. Одним словом, палец ему в рот не клади, он этого не любит, вот он какой!

А спустя неделю в газете «Малаховские новости» появилось сообщение о том, что некий работник общественного питания Свирелькин, проводя за городом свой воскресный досуг, случайно нашел лягушку, которая попросила ее поцеловать. Будучи человеком отзывчивым и добрым, Свирелькин эту просьбу исполнил. И каково же было его удивление, когда лягушка тут же превратилась в принцессу. Заметка называлась «Благородный поступок» и кончалась уведомлением, что свадьба работника общественного питания и принцессы состоится в ближайшую субботу.

Весь наш приходно-расходный отдел сочувствовал старшему экономисту Савушкину. А он, кровно обидясь на неблагодарную лягушку, всем своим видом показывал, что ему нет дела ни до принцессы, ни до счастливчика Свирелькина.

— Все-таки эта лягушка могла бы как-то намекнуть Евгению Севастьяновичу, что она не просто лягушка, — сказала, быстро шелкая на счетах, Мария Михайловна.



— Ха! — презрительно воскликнул Савушкин. — Намекнуть! Вы полагаете, я сам не догадывался, что она принцесса?

— А чего ж ты в таком случае растерялся? — спросил я. — Сейчас бы мы на твоей свадьбе гуляли...

— Ха! — повторил Савушкин. — Да если хотите знать, я потому и не стал целовать ее, что не хочу жеваться.

— Ну и глупо! — воскликнула, грохоча на машинке, незамужняя Оленька.

— Принцессы на улице не валяются, — объявил Николай Федорович и, покрутив раз десять ручку арифмометра, добавил: — На то они и принцессы.

— Ха! — только и смог сказать старший экономист.

— И правильно! Евгений Севастьянович еще молод. И в конце концов, не одна ведь принцесса на белом свете, — поддержала Савушкина сердобольная Мария Михайловна и, подняв телефонную трубку, ответила:

— Слушаю. Нет, Ваклушин только что вышел...

А в среду расстроенный Савушкин взял за свой счет недельный отпуск и исчез. Говорили, что он всю неделю с сачком в руках бегал по лугам и рошам, безуспешно целуя всех встречных лягушек. Но сам он об этих поисках умалчивал, и все мы видели, что он стал мрачным, задумчивым и еще более недоверчивым и нудным. Только один раз он развеселился. И было это тогда, когда он рассказал нам, как его пытались перехитрить, а он не попался.

— Забросил я удочки, сижу, вдруг вижу — клюет! Вытаскиваю рыбу, снимаю с крючка, а она мне говорит: «Савушкин, а Савушкин, отпусти ты меня обратно в речку!»

— А ты на что ловил, на червячка? — поинтересовался, крутя арифмометр, Николай Федорович.

— На мотыля. Но не в этом дело. «Отпусти меня, говорит она, а я за это исполню любое твое желание». Представляете?

— Буквально любое? — спросила Оленька.

— Ну да. А я ей говорю: «Нашла дурака! Я тебя выпущу, а ты — поминай как звали! Нет уж, сначала исполни мое желание, а там посмотрим». А она говорит: «Нет, я, к сожалению, умею исполнять желания»

только находясь в реке. Так что ты сначала выпусти меня, а потом — не пожалеешь».

— Ну и как, выпустил? — спросил я.

— Да что я, идиот, по-твоему, что ли? — закричал, обидевшись, Савушкин. — Что я, кретин, чтобы живую рыбу в речку выпускать?! Зажарил я ее в сметане и все!

— Вкусная рыбка? — деловито поинтересовался бухгалтер.

— Так себе. Костей много.

— В следующий раз вы, пожалуй, такую рыбу лучше сварите, — мягко посоветовала Мария Михайловна.

Разговор о жареной рыбе раздражил мой аппетит. Я достал из портфеля бутерброд. Как обычно, моя жена завернула его в «Малаховские новости». И теперь, разворачивая газету, я сразу же увидел напечатанное жирным шрифтом объявление: «Пропала говорящая рыбка. Особые приметы: исполняет чужие желания и собственные обещания. Нашедшего просим вернуть за крупное вознаграждение».

Я прочитал это объявление вслух. И тотчас умолкли счеты, стих арифмометр, резко оборвала очередь пишущая машинка... Мы молча смотрели на Савушкина. И небывалую тяжелую тишину нарушил только телефонный звонок и вежливый голос Марии Михайловны:

— Слушаю. Ваклушин только что вышел...

В тот же день Савушкин взял за свой счет двухнедельный отпуск и уехал.

Не знаю, чем он занимался эти две недели: то ли тщетно пытался поймать еще одну золотую рыбку, то ли, отдыхая, приходил в себя после страшного потрясения. А может быть, старший экономист просто вспоминал всю свою жизнь, пересматривая свое неправильное мировосприятие и недоверчивое отношение к окружающим...

И вскоре произошло новое событие, показавшее всему приходно-расходному отделу, как изменился наш Савушкин.

Случилось вот что. Ровно в полночь старшего экономиста разбудил громкий стук в дверь. Поспешно натянув полосатую пижаму, он выбежал из дачи и в неясном, призрачном свете луны увидел какого-то ко-

роля. Трудно объяснить, почему Савушкин решил, что перед ним именно король. Однако он не ошибся.

— Нас предали! — воскликнул король, устало опустившись на крыльцо и вытирая лоб кружевными манжетами. — Армия разбита, и мой верный конь пал, не выдержав бешеной скачки. Коня! Полцарства за коня!

— Сколько? — переспросил старший экономист.

— Пол.

— Но, знаете, у меня нет коня. У меня есть только мотоциклет «Ява».

— Ладно, подайте мне «Яву», — поспешно согласился король. — О небо, небо! — И, ловко вскочив на мотоцикл, он включил зажигание, дал скорость и скрылся в ночной тьме.

Все это Савушкин на следующее утро рассказал нам, страшно гордясь своей находчивостью и широтой натуры.

Бухгалтер Николай Федорович спросил только, в кредит или за наличные был куплен этот мотоцикл.

Оленька поинтересовалась, как король был одет.

Мария Михайловна похвалила Савушкина за то, что он помог попавшему в беду человеку.

А я сказал, что полцарства за мотоциклет «Ява» очень хорошая цена.

В общем, все мы одобрили Савушкина, а он отправился бродить по конторе, рассказывая в каждом отделе про свой благородный поступок и мешая работать, потому что все были заняты квартальным отчетом.

В обеденный перерыв мы попробовали прикинуть, что наш Савушкин сделает со своей половиной царства. Но оказалось, что у старшего экономиста есть уже конкретная идея. Он решил завести конный завод специально на тот случай, если и другим королям вдруг срочно понадобятся кони. Савушкин будет снабжать королей конями, а они с ним будут расплачиваться по стандартной таксе — полцарства за штуку.

Савушкин уже стал почитать специальную конную литературу и похаживать на бега. Но дни шли за днями, а король не подавал о себе никаких вестей. Савушкин начал нервничать и наконец заявил в милицию, что какой-то жулик угнал у него «Яву». В ми-

лиции обещали помочь. И в результате долгих поисков в каком-то овраге нашли совершенно разбитый мотоцикл.

Так мы узнали, что старший экономист Савушкин поплатился за свою доверчивость.

— Вот, не умеют ездить, а потом разбиваются! — в сердцах сказала Оленька и яростно затарахтела на машинке.

— Хоть мотоцикл твой разбили, а кредит с тебя все равно удержат, — не преминул напомнить Николай Федорович.

— Да вы, Евгений Севастьянович, не переживайте. Живут же люди и без мотоциклетов, — попыталась утешить Савушкина добрейшая Мария Михайловна.

И тут зазвонил телефон. И я подумал, что это опять звонит тот человек, который, веря в чудеса, надеется, несмотря ни на что, поймать неуловимого Ваклушина...

Но на этот раз звонил король. Звонил, чтобы узнать у Савушкина, куда принести причитающиеся ему полцарства.

Владимир Ассин

Владимир Волин

23.11.76

Обычный день

Ночью я отлично выспался: никто не ходил под окнами с гитарой и не ревел пьяными голосами «А нам все равно...». Я быстро побрился, ни разу не порезавшись, безопасным лезвием «Балтика». Тем более что горячая вода шла без перебоев.

В почтовом ящике лежал очередной том Собрания сочинений Есенина в приложении к журналу «Огонек»: том вышел вовремя.

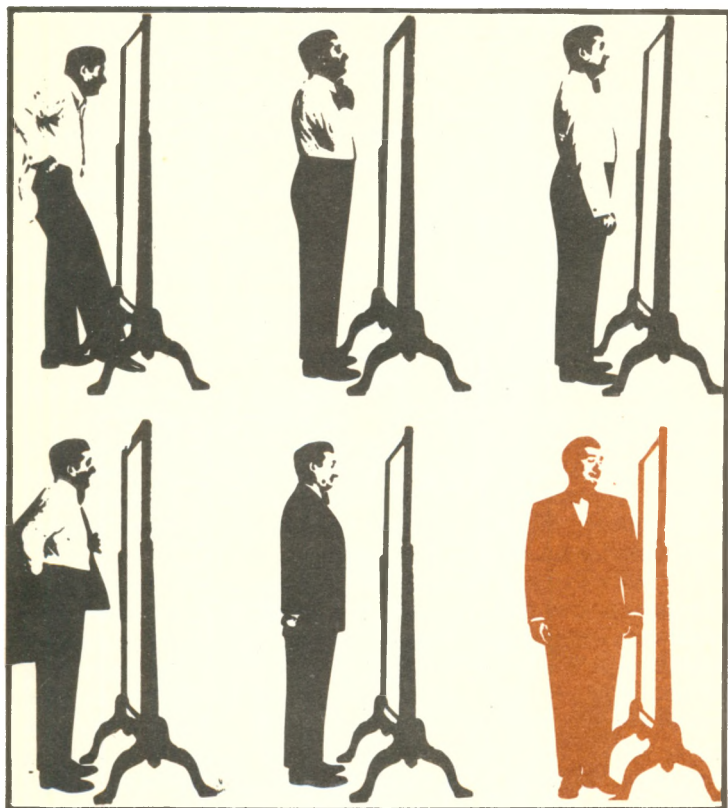
Я спокойно, без спешки, поехал на работу. Автобусы шли регулярно, один за другим, точно соблюдая интервалы. Пассажиры были настроены благожелательно уже с самого утра; динамик не хрипел, водитель отчетливо объявлял каждую остановку. Мне не отдавили ноги, и все пуговицы остались на своих местах.

На работу я не опоздал. За весь день ни разу не повздорил с начальством и сослуживцами. В перерыве я с аппетитом пообедал в центре города — почти без очереди, вкусно, с разнообразным выбором блюд. В книжном магазине без всякой давки я купил однотомник Экзюпери. По дороге успел зайти в «Оптику» и сменил разбитое стекло в очках: новое вставили тут же, при мне.

Я легко заказал по телефону билет на вечерний сеанс в кино. Шла новая комедия с участием лучших киноартистов — мастеров смеха. В фильме не было штампов, надуманных ситуаций, банальных шуток. Образы героев были жизненны и далеки от схемы, юмор — тонкий и свежий. В фойе кинотеатра продавались только что выпущенные пластинки и ноты с песнями из этого фильма. Играл слаженный оркестр, певица была одета скромно, со вкусом и даже обладала голосом.

Выйдя из кино, я позвонил по телефону-автомату; номер оказался занят, и автомат честно вернул монету. В вечернем кафе у предупредительно-любезного официанта я заказал бутылку простокваши и в уютной тишине сыграл партию в шахматы.

Купив в дежурной булочной свежий горячий батон, я пришел домой и, не отрываясь, смотрел телеви-



сионный «КВИ». Чувствовалось, что остроты веселых и находчивых ребят рождаются экспромтом, тут же, на сцене. Потом шла передача из Театрального общества; выступало много актеров и режиссеров, и никто из них ни разу не произнес слова «волнительно».

Спал я хорошо: во дворе не забивали «козла», не слышался стук костяшек. Сквозь стены блочного дома тоже не доносилось ни звука.

Это был обычный будничный день.

Не воскресенье.

Не праздник.

И даже не Первое апреля.

Вл. Влади́н

Ода „Н радости“

«На внешне спокойном лице полковника только глубоко посаженные с хитринкой глаза выдавали волнение за людей, чью жизнь он оберегал на своем посту».

Павел Петрович Двоекуров оторвался от книги и посмотрел в зеркало. Лицо было как лицо — и внешне спокойное и внутренне тоже. Двоекуров попробовал попереживать за людей, чью жизнь он оберегал на своем посту, но у него ничего не получилось.

Павел Петрович тяжело вздохнул и принялся читать дальше:

«Полковник прошелся по кабинету, подошел к столу, зачем-то перелистал лежащий там любимый томик Лермонтова, затем вынул из сейфа балалайку, и в тишине полились величавые звуки Девятой симфонии Бетховена...»

Двоекуров отложил книгу и снова задумался. Он давно уже чувствовал, что не только подчиненные, но и сам генерал, который иногда вставлял в разговор латинскую поговорку, косо посматривают на него. Конечно, Павлу Петровичу по чину латынь была не обязательна, но уж что-нибудь, скажем, острое, украинское, надо было бы непременно употреблять. Пробовал он вставлять «Не ходи, Грицю, тай на вечорницю» или «О це гарно!», но все как-то не к месту получалось. После долгих раздумий и чтения соответствующей литературы полковник успокоился на поговорке «Скоро только кошки родятся», за что рецидивисты дали ему прозвище «Акушер».

От всех этих мыслей Павел Петрович еще раз тяжело вздохнул.

Вскоре на столе у Двоекурова уже лежал томик Лермонтова, а в сейфе находилась новенькая балалайка. С большим трудом Павел Петрович освоил с помощью самоучителя несложную мелодию песни «Светит месяц», но до Бетховена было еще далеко. Двоекуров начинал нервничать. Восстановлению душевного спокойствия мешало еще и то, что генерал нет-нет, да и заявлял что-нибудь вроде:



— Учтите, Павел Петрович. Там скерцо в третьей части надо давать почти престо, не сбиваясь на анданте. И, конечно, в ре минорной тональности...

— Слушаюсь! — отвечал полковник и угрюмо брел в кабинет разучивать оду «К радости».

От всех этих горестей Двоекурову показалось, что начало пошаливать сердце, однако врачи ничего не нашли и даже не возражали против курения. Но все-таки он стал курить тайком, правда, так, чтобы все видели, что он курит тайком. При этом лейтенант Курочкин подыгрывал ему как по нотам.

— Вам же нельзя, товарищ полковник, — говорил он преданно.

— Ничего, Вася, — задумчиво отвечал Двоекуров, — вот закончим с Федоровым, тогда и на отдых можно — мотор подремонтировать.

Федоров, или Федыка Интеллигент, находился под следствием по делу о краже со взломом. Два месяца бился с ним Двоекуров, и все без толку. Вот и сейчас предстоял очередной допрос матерого домушника, который славился тем, что никогда не колотся — настоящий вор, «в законе»!

— Введите, — по возможности устало сказал полковник.

Допрос начался как обычно.

— Ну, так будем говорить или по-прежнему в молчанку сыграем? — сурово спросил Двоекуров.

— А чего говорить, гражданин следователь? Не имею я отношения к этому делу. И не слушайте вы Петю Косого — он на меня инсинуацию возводит. Да и с точки зрения презумпции здесь абсолютный нонсенс. Вы попробуйте абстрагироваться...

— Нечего мне абстрагироваться, я уже два месяца с вами абстрагируюсь. Кроме вас, никто не мог. Ни Пете Косому, ни Академику в голову не придет забрать у профессора папирус. И по древнеегипетски никто, кроме вас, читать не может...

— Академик тоже малость лопочет...

— Бросьте заливать. Он и персидский-то с грехом пополам знает. Кишка у него тонка для древнеегипетского. И полотно Боттичелли вы сперли — больше некому.

... — Не Боттичелли вовсе, а Джотто — тут ваш профессор ни хрена не смыслит...

— Уж побольше вашего. Подлинный Боттичелли.

— Какой же Боттичелли, ежели фактура и фон в точности, как у Джотто. И мазок резкий.

— Больно умные стали. Да и откуда вы знаете, что Джотто, если не брали?

— А я статью итальянского искусствоведа Антонио Брюкки штудировал. Там полотно и упоминается. Брюкки на Боттичелли собаку съел.

— Ну хорошо. Кого же тогда мог заинтересовать подлинник партитуры Фантастической симфонии? Может, Хромую Катюку?

— Катюка точно не могла. У нее сейчас Барток в голове. Ну и меня увольте — я романтиками не интересуюсь. Последнее время меня Дебюсси и Равель волнуют...

— Ах, Дебюсси! — побагровел полковник. — Уведите!

Двоекуров в гневе метался по кабинету.

— Сосунки! — бормотал он. — Равеля им подавай! Ну, я ему дам Равеля! А «О, никогда я так не жаждал жизни!» не хочешь?! Ты у меня еще арию с колокольчиками запоешь! Ишь, разговорился!.. А уж Бетховена, наверное, и вовсе не считают...

При мысли о Бетховене Павел Петрович вдруг резко затормозил. А что, если?.. Да, в этом что-то есть... Ну, конечно, отличная идея!

На очередном допросе Двоекурова было не узнать. Он улыбался, поил Федуку чаем, угощал папиросами и вообще вел себя, как радушный хозяин на вечеринке. О деле полковник не поминал — боялся спугнуть.

— Послушайте, Федор Иоаныч, — ласково спросил Двоекуров, — а ведь Третья симфония Бриттена во второй части чем-то напоминает Вторую симфонию Гершвина в третьей части...

— Эх куда хватили, гражданин следователь! У Бриттена вялое аллегретто, а здесь фортиссимо и как можно скорее...

— Ну уж и скорее...

— Обязательно скорее. Иначе мощь пропадет.

— Ничего не скорее. Скоро только кошки родятся...

При упоминании о кошках Федька насторожился. Он понял, что его хотят завлечь в какую-то западню. Поэтову, придав своему голосу как можно больше достоинства, домушник спокойно сказал:

— И напрасно вы это все, гражданин следователь. Не участвовал я в деле.

Федька был тверд, как постовой милиционер. В жизни его и не так покупали, да все без толку.

— Федя, — нежно сказал полковник, — я ж не об этом. Вы лучше скажите, Бетховен труден для исполнения?

— Это смотря что. Лучше немецкого дирижера Абендрота его никто не может... А к профессору я все равно не лазил.

— Ну хорошо, а, например, Девятая симфония?

— Хрестоматийно. Сейчас и ребенок на губной гармошке сыграет. Насчет Джотто вы не по адресу — Академика потрясите.

— Ладно. А финал, эта самая ода «К радости», легко осваивается?

— Раз плюнуть... Да и вообще у меня полное алиби. Я в этот день на выставку Пиросманашвили ходил...

— Слушай, Федор, — как-то уж совсем вкрадчиво сказал полковник, — а ты бы мог научить? И на решение суда благотворно повлияет, участь смягчит... Как за искреннее признание...

— Да не брал я ваши египетские папирусы! Не брал! Их и не толкнешь никому... Что вы ко мне прицепились...

— Успокойся, Феденька... Ну не брал, и бог с нами, с папирусами! Ты лучше скажи, а на балалайке можно?

— Что на балалайке?! — затравленно заорал Федя. — Бетховена? Может, вам и Баха на ксилофоне? Профанация в бога мать! Вы меня на гоп-стоп не возьмете! Все равно не расколете!

— Федь, да не нервничай ты так. — Двоекуров нежно погладил его по щеке. — Ты лучше сюда глянь-ка...

Павел Петрович подошел к сейфу и, пересиливая себя, как перед прыжком в воду, вынул балалайку. И, уже совсем сжигая мосты, охрипшим от волнения голосом бухнул с мольбой:

— Как человека прошу, научи Бетховену! Надо, Федя...

Федька Интеллигент обезумел. С минуту он смотрел остекленелыми глазами на Двоекурова, державшего инструмент, как подаяние, потом уронил голову на стол и измученно сказал:

— Ладно, ваша взяла, пишите всё...

Гр. Горин
Болезнь Рябцева

*Мне
от
Афанасия!
125.000
3 с
Мир**

<i>Фамилия, и. о.</i>	<i>Рябцев Николай Степанович.</i>
<i>Возраст</i>	<i>50 лет.</i>
<i>Профессия</i>	<i>Продавец мебельного магазина.</i>
<i>Общее состояние</i>	<i>Больной возбужден, нервозен, часто вскакивает с постели, хватается за карманы, вскрикивает, всхлипывает, жалуется на свою судьбу.</i>

— ...Вот так, доктор, жил я — не тужил и не думал, что в один прекрасный день сломаю себе всю нервную систему, напялят на меня эту пижаму и станут перед моими глазами чертики прыгать... Во какие дела! А ведь раньше никогда ничем не болел. Для журнала «Здоровье» снимали меня рентгеновским аппаратом... Ладно, ладно, не буду отвлекаться! Расскажу все по порядку...

Работаю я много лет, как вы знаете, продавцом мебельного магазина. Работа хотя и трудная, но, чего там скрывать, прибыльная. Не то чтоб я с покупателей лишнее брал — сами давали! Кто трешку сунет, кто пятерку, кто и крупнее... Растет жизненный уровень народа, вот он и норовит всем в руку сунуть... А уж мебель-то всегда нарасхват, читали небось в газетах про новостройки?

Вот, значит, работал я так и работал. А тут стукнуло мне пятьдесят лет, и стала меня совесть мучать. Мучает и мучает! Как-то ночью ангел приснился. Симпатичный такой ребеночек, беленький, с крылышками... Сел возле меня, ручонки ко мне тянет и говорит:



— Сукин ты сын,
Рябцев,
взятки берешь!
Не стыдно?

— Стыдно, ангел, —
говорю я, —
а что делать?

— А не брать, говорит,
и точка!



Очень меня этот сон разволновал, и решил я начать новую жизнь. Сразу решил начать, с понедельника. Прямо без всякой подготовки! Вот это меня, между прочим, и погубило, потому что к такому перелому у меня организм не был подготовлен...

Короче, пришел я в понедельник на работу и всем объяснил:

— Конеч, ребята! Больше с людей ни копейки не беру — перехожу на новую систему обслуживания!

По-разному сослуживцы на это отреагировали: одни плечами пожали, другие похвалили, однако запретить никто ж не может... Словом, работаю честно! Час работаю, другой... На душе светло, птички поют.

Только тут поступают в наш магазин румынские софы. Хорошие софы, двухспальные! Понятное дело, очередь громадная, потому как соф всего двадцать штук, а спать-то хотят сотни и даже тысячи...

И сразу начинают вокруг меня всякие подозрительные типчики крутиться.

Один парень в дубленке уже хочет мне в карман чего-то сунуть, но я его по рукам бью.

— Устрой, дядя,
нам софу,
мы тебя
не обидим!

— Отойди, негодяй,
встань в очередь,
не дави на психику
честному человеку!



Ладно! Выписываю я чеки, продал все двадцать штук, а двадцать первой стоит в очереди такая симпатичная женщина в платочке. Когда перед ней продажа кончилась, она расстроилась и прямо взмолилась:



— Устройте, товарищ продавец, ради бога, мне софу — у меня брешь в интерьере! — и сама мне глазами выразительные знаки делает.

Я говорю:
— Оставьте, гражданка, свою мимику. ничем не могу помочь...

Только тут подают со склада еще одну софу. Дополнительно.

Я говорю:
— Радуйтесь, гражданка, вам повезло! — и выписываю ей чек.



Ну, она, понятное дело, ликует, затем чего-то мнетя, трется, обнимает меня и идет к кассе. Я руку в карман пиджака сую, а там — десятка!

Вспыхнул я, затрясся, бегу за этой женщиной.



— Вы что это, гражданка, себе позволяете? — кричу. — Взятку мне сунули?

Она бледнеет, краснеет, бормочет что-то непонятное:

— Нет, нет, это не я...

— А кто же? — ехидно так я спрашиваю, потому что горд за свое поведение. —

Кто же мне десятку положил, а? Господь бог?!!

Она смутилась ужасно.

— Да я... Да мы...

Ах, паверное, я ее обронила! Тогда я ей так по-царски десятку отдаю и говорю:

— В следующий раз, женщина, роняйте деньги на пол, а не в карман работнику торговли! —

и отошел независимо...



Ну, в магазине сразу шум, аплодисменты. Люди на меня смотрят, улыбаются, матери детей на руки поднимают, чтоб меня показать.

Только тут телефон зазвонил, меня просят. Подхожу — жена.



— Коля, — говорит жена, —
сегодня к нам брат
в гости придет,
не забудь купить
вина и закуски.

Я говорю:
— Это на какие же шиши,
милая?

Она говорит:
— Как это — на какие?
Я же тебе утром
специально
в карман десятку положила...



Во ерунда какая! Покраснел я, поежился, однако иду к этой женщине в платочке.



— Извините, — говорю, —
гражданочка,
но произошла ошибка.
Эта десятка оказалась
из моего семейного
бюджета, прошу вернуть.
Она чего-то мнетса, трется
и говорит:

— Ой,
а я на нее уже
вешалку купила...

Я говорю:
— Еще раз извиняюсь,
конечно, но я не миллионер,
чтоб всем гражданам вешалки
покупать. Придется вернуть!



Возвращает она чек в кассу, отдает мне десятку, я благодарю, отхожу в сторону.

А тут опять телефон звонит, опять — жена.



— Коля, — говорит жена, —
ты в каком пиджаке.
на работу пошел?

Я говорю:
— В черном пиджаке, а что?
— Ой, — смеется жена, —
я ведь сдуру тебе деньги
в серый пиджак положила...



Чего я ей ответил — не важно, несущественно это... Только потемнел весь с лица и решительным шагом иду к той гражданке в платочке. А она уже софу из магазина выносит.



Я кричу:
— Стойте,
бесчестная
вы женщина!
Заберите
свою десятку!

Она вся аж затряслась-
задергалась.
— Вы чего, — плачет, —
надо мной издеваетесь?
Отцепитесь
со своей десяткой!

Я говорю:
— Десятка ваша!
И вы ее лучше заберите,
пока я милицию не вызвал!..



Ладно! Берет она десятку, руки у нее дрожат, и так бочком-бочком от меня отходит.

А я тоже разнервничался, вспотел, подошел к окну, закурил...

Тут подходит ко мне этот гадкий тип в дубленке, что вначале возле меня крутился, и шепотом спрашивает:



— Ну как?

Я говорю:
— Чего — как?
— Как насчет софы? —
шепчет он.

— Какой еще софы? —
говорю я.
— Вали отсюда!

— То есть, как это — вали? —
обижается он. —
Хорошенькое дело!
Я ж вам
десять рублей дал,
а вы говорите «вали»!



Как это я папироску не проглотил, это для меня сейчас загадка... Вдох у меня получился какой-то необыкновенный... Закричал я дурным голосом и бегу во двор, а там эта женщина уже свою проклятую софу на машину грузит.



— Стойте, гражданка, — кричу я, а у самого зубы лязгают. — Верните десятку, а мы сейчас одного типа в милицию сдадим и протокол составим!

Тут она заревела в голос, по-бабы так, и стала с себя платок срывать...

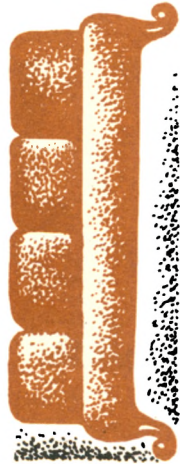
— Ой! — кричит. —

За что мне такие муки?! Уберите этого психа! —

И сама пытается спрятаться под софу.

Я хочу объясниться, она не слушает, ревет, а потом как швырнет в меня десяткой.

— Подавись, жулик!



От этих слов, доктор, мне совсем дурно сделалось... Раньше я, может, и стерпел бы, а теперь мне, честному человеку, эти слова хуже смерти... Схватил я десятку, вбегаю в магазин, а того типа в дубленке уже нет. Спрятался, видно...



Я ору:
— Не выпускать никого из магазина!
Проверить все шкафы и серванты! Найду мерзавца — убью!!!

Меня уж продавцы за руки хватают, сдерживают:
— Успокойся, Рябцев, на тебе ж лица нет!
Ушел этот в дубленке, смылся!
Возьми ты себе эту десятку, не мучайся...

Я плачу:

— Не могу, ребята! Нет! Я ж честным стать решил...

Я слово себе дал...

Порву ее лучше!!!



Вижу, юноша на меня какой-то смотрит. Худенький такой, маленький, в очках, с тетрадками под мышкой — студент, одним словом...

Подхожу к нему, протягиваю десятку и говорю:



— Возьми,
МАЛЬЧИК,
эти деньги
и купи себе на них
мороженое...

А он вдруг говорит:
— КАКОЕ ЕЩЕ
МОРОЖЕНОЕ?

Я —
РАБОТНИК ОБХСС!
И вы за свои манипуляции
С ЭТОЙ ДЕСЯТКОЙ
ОТВЕТИТЕ!



Тут у меня совсем затмение наступило. Стал я почему-то по магазину с воем бегать и из мебельных гарнитуров ручки выдергивать... А потом уж ваши подъехали, в белых халатах...

Вот и вся история. Теперь я уже отошел, чувствую себя хорошо... Видения бывают, но редко...



ТОЛЬКО
ВЫ
НАПРАСНО,
ДОКТОР,
ХОТИТЕ
МНЕ НЕЗАМЕТНО
ГРАДУСНИК
СУНУТЬ...
НЕ ВОЗЬМУ,
ХОТЬ
УБЕЙТЕ...



Георгий Гулиа

Чудак



Олень был съеден. Женщины убрали кости.

В гостиную принесли холодную воду, подслащенную диким медом. Вода аппетитно булькала в мешке из медвежьей шкуры.

Комната была вырублена в скале. Густо пахло дымом, подгоревшим мясом и шкурами, которыми была устлана гостиная. В общем, это жилище вполне соответствовало тому высокому положению, которое занимал Ахаун — вождь мудрого и живучего племени. Это племя обосновалось в небольшом уголке на том самом месте между Тигром и Евфратом, где за пять тысяч лет до этого счастливо коротали свой век Адам и Ева.

Ахаун — мужчина лет тридцати — неторопливо обсасал пальцы своих рук, только что беспощадно ломавших оленьи ребра. Хитровато улыбнулся и сказал гостям:

— Как видно, всем понравился олень...

Здесь находились только лучшие: лучший зверолов, лучший метатель камней, лучший охотник на барсов, лучший следопыт, лучший скороход...

— Да, да, да! — гаркнули гости в один голос.

— Червячка заморили? — спросил хозяин.

— Да, да, да! — сказали гости.

— А там жарится еще один, — порадовал хозяин.

Гости оскалили зубы.

Ахаун сказал:

— Но прежде я хотел бы, чтобы вы послушали одного чудака...

— Чудака? — спросил зверолов.

— Чудака...

— Как это — чудака? — словно бы не расслышал лучший метатель камней.

— Вот так — чудака! — Вождь племени чуть не продырявил себе указательным пальцем висок, чтобы показать, какой же это непроходимый, мягко вырражаясь, чудака...

Охотник на барсов вышел из пещеры, чтобы пригласить этого чудака.

Ахаун сказал:

— Вы сейчас услышите нечто, но вы не смейтесь. Изю всей мочи крепитесь. Не вздумайте хохотать. Вы меня поняли? Слушать с серьезным видом!

— Поняли,— сказали гости.

— То есть и вида не показывайте, что он порет чепуху...

— Трудно, но постараемся,— сказал первый борец.

Вождь посмеивался. Поглаживал бороду и посмеивался. Предвкушал удовольствие. Он ткнул пальцем в грудь зверолова.

— Слушай, — сказал Ахаун, — ты не смотри на меня, когда этот чудака начнет говорить.

— Почему же не смотреть?

— Умру со смеху.

— И ты не гляди на меня.

Вдруг стало темно — это охотник на барсов вел за собой чудака и загородил вход в пещеру.

Ахаун откашлялся. Напустил на себя важную хитрость. Остальные последовали его примеру.

Вслед за охотником в гостиную вошел худой, обросший волосами человек. Он был немолод — уже за шестьдесят. На боках у него можно ребра пересчитать. Глаза впалые, горят, как звездочки в ночи. Острый нос, оттопыренные уши, седая голова. Он постоял немного, а потом присел на корточки возле стены.

Стало тихо. И в той, смежной комнате тоже не было слышно женских голосов. Вождь смекнул: они притаились и подслушивают мужской разговор.

Ахаун сказал:

— Уакаст, здесь собрались наши лучшие люди. Тот коротко кивнул.

— Они хотят выслушать тебя...

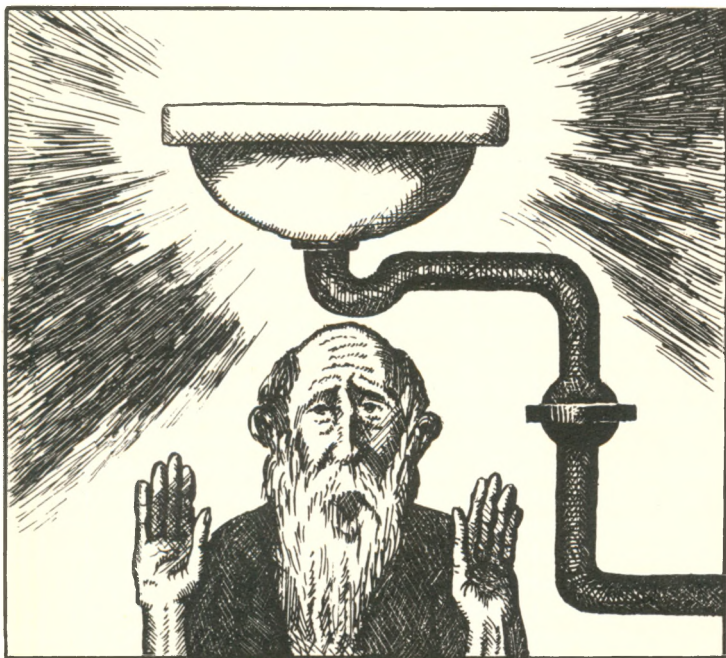
Снова короткий кивок.

— Им не терпится узнать, что ты задумал.

Гости прорычали что-то невнятное, но, по-видимому, одобрительное: да, они желают послушать этого человека. Который у стены. Который на корточках.

— Говори,— сказал Ахаун.— Мы слушаем.

Уакаст задумался. Кашлянул. Почесал кончик носа. И начал, упершись взглядом в земляной пол:



— Я готов был умереть ради выяснения истины...

— Чего? Чего?— перебил его зверолов.

— Истины.

— Это еще что такое?

— Истина?

— Да, эта самая!.. С чем ее жрут?!

Уакаст пожал плечами:

— Одним словом, я не спал много ночей: ходил и думал. Наяву, а будто бы во сне...

— Постой-постой! — промычал следопыт.— Как это — во сне?

— Этого не бывает?

— Со мной не бывает этого самого.

— Верю. Я верю тебе. А со мной это случается, и довольно часто...

«Сейчас они начнут хохотать»,— подумал вождь, едва сдерживая себя. Поэтому он ни на кого из своих гостей не глядел.

— Да, со мной это случается, — продолжал Уакаст, — особенно в последнее время, когда я пришел к твердому убеждению...

— К чему? К чему? — разом выкрикнули гости.

— К твердому убеждению.

— Слова-то какие! — проворчал метатель камней.

— Говори дальше, — предложил вождь.

— Чтобы не занимать вашего внимания, я скажу покороче. Значит, так: наблюдая человека в его повседневной жизни, я пришел к заключению, что...

Уакаст умолк, глубоко вздохнул, словно готовясь к большому прыжку.

«Да говори же... Говори же ты...» — подумал вождь и в сердцах вырвал волос из бороды.

— ...я пришел к заключению, что очень важно мыть руки в воде. Мытье рук, особенно в проточной воде, многим продлит жизнь и значительно улучшит состояние здоровья...

— Чего? Чего? — спросил метатель камней, хотя он отлично слышал каждое слово Уакаста.

Уакаст спокойно и неторопливо повторил:

— Значительно улучшит состояние здоровья...

— Мытье рук?

— В проточной воде?

— При чем здесь руки?!

— И при чем вода?

— Да, — невозмутимо продолжал Уакаст, — я точно установил это. Я много голодал на своем веку. И много холодал. Порою глина была мне пищей. Очень часто голова моя находилась под уступом скалы, в то время как по телу моему хлестал дивень. Но я все сносил в надежде, что открою нечто, что будет полезно для всех, для всего мира между Тигром и Евфратом...

Вождь остановил его. Он потребовал полной тишины. Чтобы и мухи не слышно было.

— Уакаст, — сказал вождь, — значит, так: я мою руки, и здоровье мое улучшается.

— Если угодно, то да!

— Значит, так: я помыл руки, и дни моей жизни продлились?

— Да!

И тут вождь не выдержал: покатился на землю,

хохоча, исходя слезами от хохота. За ним, не выдержав, последовали все гости, все до единого! Они катались, как дети. Они ошалело смеялись, визжали, пищали, гоготали. Каждый на свой особый манер.

Уакаст еще больше побледнел. Он стал желтее глины. И звездочки в его глазах погасли.

Вождь едва перевел дух. Едва пришел в себя.

— Вы слышали этого чудака? — проговорил он не без труда. — Нет, вы слышали?! Вон отсюда, несчастный! Чтобы ноги твоей не было здесь! Надувай кого-нибудь, кто поглупее! Вон! Вон! Вон!

Откуда-то из глубины пещеры полетели в Уакаста обглоданные оленьи кости.

— Нет, вы слышали? — неистовствовал вождь. — Пришел несчастный чужак и стал молотить чепуху, точно перед ним дети!

Все смеялись над чужаком. Измывались над его бредовыми мыслями. Над его словами. Над его руками. И водой, которая, дескать, столь целебна.

— Охо-хо! Аха-ха! Хи-хи-хи! Хэ-хэ-хэ! Го-го-го!

Гора содрогалась от этого могучего смеха...

Так был осмеян первый чужак. С тех самых пор, говорят, и повелся род чужаков на земле.

В. Дворцов

Жуков

Иван Жуков, 30-летний ассистент физмата, посланный две недели тому назад на уборку картошки в дальнюю деревню, в ночь под выходной не ложился спать. Дождавшись, когда бригадир, к которому был определен на постой, его домочадцы и гости крепко заснули, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать.

Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный угол, по обе стороны которого были развешаны фотографии экзотических стран, вырезанные из «Огонька», и прерывисто вздохнул.

«Милый Вы наш декан, Константин Макарович! — писал он. — Поздравляю Вас с праздником и желаю всего самого лучшего».

Жуков перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечи, и живо вообразил себе декана факультета Константина Макаровича. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом. Днем он сидит у себя в кабинете или балагурит с хорошенькими студентками, которых в пединституте масса, вечером же, надев тренировочный костюм, бегают у себя в Тропареве трусцой. За ним вдогонку мчатся его любимые псы — старая Каштанка и кобелек Вьюн.

Жуков вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчера был мне выговор. Бригадир велел отвезти картошку в хранилище, а я лошадь плохо запряг — никак не научусь, — по дороге она распряглась и убежала на конюшню. Остался я горевать на досуге, сам чуть не околел от стужи и всю картошку поморозил. Теперь грозят вычесть у меня ее стоимость из зарплаты. А на неделе хозяйка велела мне слазить в подпол, достать сметаны и молока, а там темно и сыро, с непривычки я все перебил и разлил. Неудобно получилось, и бригадирова жена ругалась. Местные на работе надо мной насмеваются, какой же, говорят,

ты профессор, если и силос толком заложить не умеешь. Спать мне велят в снях, а когда ребенок ихний плачет, я и вовсе не сплю, никак к этому не привыкну.

Милый Константин Макарович, сделайте божескую милость, отзовите меня отсюда, нету больше никакой моей возможности... Кланяюсь Вам в ножки и буду вечно бога молить, вызволите меня из этой деревни, а то помру...»

Жуков покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я согласен на любой учебный план, не буду возражать против самого неудобного расписания. Дорогой декан, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было в город сбежать, да боюсь, ректорат и общественные организации не поймут и строго накажут. Жена телеграфировала, что ВАК утвердила мою кандидатскую диссертацию. Может, впоследствии стану я доктором наук, но и тогда буду Вас вечно помнить и в обиду никому не дам.

Константин Макарович, там наверняка пришли для меня новые журналы и оттиски из Америки и Франции, возьмите их, пожалуйста, и спрячьте в зеленый сундучок у себя в деканате. И одиннадцатый номер «Кемикал физикс леттерс» попросите в библиотеке барышню Ольгу Игнатьевну для меня отложить, скажите — для Жукова.

Большой привет Вашей верной заместительнице Ольге Егоровне. А мои семинарские занятия в ноябре никому не отдавайте. Остаюсь ассистент Вашего факультета, теперь кандидат физико-математических наук Иван Жуков».

Жуков свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он приклеил марку, а потом умакнул перо и написал адрес: «Деканат. Константину Макаровичу».

Виктор Драгунский
Волшебная сила
искусства

— Здравствуйте, Елена Сергеевна!

Старая учительница вздрогнула и подняла глаза. Перед нею стоял невысокий молодой человек. Он смотрел на нее весело и тревожно, и она, увидев это смешное мальчишеское выражение глаз, сразу узнала его.

— Дементьев,— сказала она радостно.— Ты ли это?

— Это я, — сказал человек. — Можно сесть?

Она кивнула, и он уселся рядом с нею.

— Я вас сразу узнал,— сказал он,— и даже волновался, прежде чем окликнуть, а вдруг вы меня не узнаете...

— Нет, я тоже сразу, что ты... Глазищи-то те же. Ну и ну, встретились! А какой тебе теперь годик?

— Двадцать шестой миновал, Елена Сергеевна.

— Ай-ай-ай, а мне кажется, что ты вчера только пришел ко мне в класс, лохматый, и шнурки развязаны...

— Да. А было это около двадцати лет тому назад, дорогая Елена Сергеевна,— сказал Дементьев.

И оба они вздохнули и поглядели друг на друга с любовью и грустью.

— Как же ты поживаешь, Дементьев, милый?

— Работаю,— сказал он,— в театре. Я актер.

— Доволен?

— Ну, не все, конечно, сбилось... Чацкого не играю, Гамлета тоже почему-то не дают. Актер на бытовые роли, то, что называется «характерный». А работаю много!

— Я очень рада за тебя.

— Спасибо. Ну а вы? Как вы-то поживаете?

— Я по-прежнему,— бодро сказала она,— прекрасно! Веду четвертый класс, есть просто удивительные ребята. Интересные, талантливые... Так что все великолепно!

Она помолчала и вдруг сказала упавшим голосом:



— Мне комнату новую дали... В двухкомнатной квартире... Просто рай...

Что-то в ее голосе насторожило Дементьева.

— Как вы это странно произнесли, Елена Сергеевна, — сказал он, — невесело как-то... Что, мала, что ли, комната? Или далеко ездить? Или без лифта? Ведь что-то есть, я чувствую.

— Дементьев, — сказала учительница тихо, — откуда в людях хамство? И когда оно прекратится? Когда хамство перестанет калечить человеческие души, уродовать, отравлять отношения?

— Так, — сказал Дементьев, — я прав. Кто же вам хамит? Директор школы? Управдом? Соседи?

— Соседи, да, — призналась Елена Сергеевна. — Понимаешь, я живу как под тяжестью старого чугунного утюга. Мои соседи как-то сразу поставили себя хозяевами новой квартиры. Нет, они не скандалят, не кричат. Они действуют. Выкинули из кухни мой столик. Сказали, что от раковины рукой подать до подоконника, что он широкий, и пусть он мне заменяет столик. А два столика — тесно и некрасиво. Они запирают дверь на цепочку, и, когда я прихожу из театра, я бываю вынуждена звонить, долго и унижительно. Однажды не дозвонилась и поехала ночевать к подруге. Когда ко мне приходят ученики — а они ведь живые, бывает, и пошумят, — мои соседи стучат мне в стенку — они ложатся в восемь. В ванной заняли все вешалки и крючки, нигде повесить полотенце. Газовые горелки всегда заняты их борщами, бывает, что жду по часу, чтобы вскипятить чай... Ах, милый, ты мужчина, ты не поймешь, это все мелочи, но получилось, что я живу, как надоевшая квартирантка, в доме, который мне дало мое же государство. Тут все в атмосфере, в нюансах, не в милицию же идти? Не в суд же. Я не умею с ними справиться...

— Все ясно, — сказал Дементьев, и глаза у него стали недобрými. — Вы правы. Хамство в чистом виде...

— И вот поди ж ты, — сокрушенно проговорила Елена Сергеевна, — мне бы жить да радоваться, а у меня понижается интерес к жизни, апатия, понимаешь?

— Угу, — сказал Дементьев коротко, — понимаю. А где же это вы проживаете, адрес какой у вас?

Ага. Спасибо, я запомнил. Я сегодня вечером к вам зайду. Только просьба, Елена Сергеевна. Ничему не удивляться. И полностью мне во всякой моей инициативе помогать! В театре это называется «подыгрывать»! Идет? Ну, до вечера! Попробуем на ваших трюках волшебную силу искусства!

А вечером раздался звонок. Звонили один раз.

Мадам Мордатенкова, неспешно шевеля боками, прошла по коридору и отворила. Перед ней, засунув ручки в брючки, стоял невысокий человек, в кепочке. На нижней, влажной и отвислой его губе сидел окурок.

— Ты, что ли, Сергеева? — хрипло спросил человек в кепочке.

— Нет, — сказала шокированная всем его видом Мордатенкова. — Сергеевой два звонка.

— Наплевать. Давай проводи! — ответила кепочка.

Оскорбленное достоинство Мордатенковой двинулось в глубь квартиры.

— Ходчей давай, — сказал хриплый голос, — ползешь как черепаха.

Бока мадам зашевелились порезвей.

— Вот, — сказала она и указала на дверь Елены Сергеевны. — Здесь!

Незнакомец, не постучавшись, распахнул дверь и вошел. Во время его разговора с учительницей дверь так и осталась неприкрытой. Мордатенкова, почему-то не ушедшая к себе, слышала каждое слово развязного пришельца.

— Значит, это вы повесили бумажку насчет обмена?

— Да, — послышался сдержанный голос Елены Сергеевны, — я...

— А мою-то конуренку видели?

— Видела.

— А с Нюрой, женой моей, разговор имела?

— Да.

— Ну что ж... Ведь я же так скажу. Я же честно: я бы сам ни в жисть не поменялся. Сама посуди: у мне там два корешка. Когда ни надумаешь, всегда на троих можно сообразить. Ведь это удобство? Удобство... Но, понимаешь, мне метры нужны, будь они неладны, метры!

— Да, конечно, я понимаю, — сдавленно сказал голос Елены Сергеевны.

— А зачем мне метры, почему они нужны мне, соображаешь? Нет? Семья, брат, Сергеева растет. Прямо не по дням, а по часам! Ведь старшой-то мой, Альбертик-то, что отмочил? Не знаешь? Ага! Женился он, вот что! Правда, хорошую взял, красивую. Зачем хаять? Красивая — глазки маленькие, морда — во! Как арбуз!!! И голосистая... Прямо Шульженко. Целый день «ландыши-ландыши»! Потому что голос есть — она любой красноармейский ансамбль перерорет! Ну прямо, Шульженко! Значит, они с Альбертиком-то очень просто могут вскорости внука отковать, так? Дело-то молодое, а? Молодое дело-то или нет, я бе спрашиваю?

— Конечно, конечно, — совсем уже тихо донеслось из комнаты.

— Вот то-то и оно! — хрипел голос в кепочке. — Теперь причина номер два: Витька. Младший мой. Ему седьмой пошел. Ох, и малый, я бе доложу. Умница! Игрун. Ему место надо? В казаки-разбойники? Он вот на прошлой неделе затеял запуск спутника на Марс, чуть всю квартиру не спалил, потому что теснота! Ему простор нужен. Ему развернуться негде. А здесь? Ступай в коридор и жги чего хошь! Верно я говорю? Зачем ему в комнате поджигать? Ваши коридоры просторные, это для меня плюс! А?

— Плюс, конечно.

— Так что я согласен. Где наша не пропадала! Айда коммунальные услуги смотреть!

И Мордатенкова услышала, что он двинулся в коридор. Быстрее лани метнулась она в свою комнату, где за столом сидел ее супруг перед двухпачечной порцией пельменей.

— Харитон, — просвистела мадам, — там бандит какой-то пришел насчет обмена с соседкой. Пойди же, может быть, можно воспрепятствовать!..

Мордатенков пулей выскочил в коридор. Там, словно только его и дожидаясь, уже стоял мужчина в кепочке и прилипшим к губе окурком.

— Здесь сундук поставлю, — говорил он, любовно поглаживая ближний угол. — У моей маме сундучок есть, тонны на полторы. Здесь мы его поставим, и пускай спит. Выпишу себе маму из Смоленской обла-

сти. Что я, родной матери тарелку борща не налью? Налью! А она за детьми присмотрит. Тут вот ейный сундук вполне встанет. И ей спокойно, и мне хорошо.

— Вот здесь у нас еще маленький коридорчик, перед самой ванной, — опутив глаза, пролепетала Елена Сергеевна.

— Игде? — оживился мужчина в кепочке. — Игде? Ага, вижу, вижу.

Он остановился, подумал с минуту, и вдруг глаза его приняли наивно-сентиментальное выражение.

— Знаешь чего? — сказал он доверительно. — Я бе скажу, как своей. Есть у меня, золотая ты старуха, брательник. Он, понимаешь, алкоголик. Он всякий раз, как подзашибет, счас по ночам ко мне стучится. Прямо, понимаешь, ломится. Потому что ему неохота в отрезвиловку попадать. Ну, он, значит, колотится, а я, значит, ему не отворяю. Мала комнатенка, куды его? С собой-то ведь не положишь? А здесь я кину на пол какую-нибудь тряпку, и пушай спит! Продрыхнет-ся, и опять смирный будет, ведь он только пьяный скандалит. «Счас, мол, вас всех перережу». А так ничего, тихий. Пушай его тут спит. Брательник все же... Родная кровь, не скотина ведь...

Мордатенковы в ужасе переглянулись.

— А вот тут наша ванная, — сказала Елена Сергеевна и распахнула белую дверь.

Мужчина в кепочке бросил в ванную только один беглый взгляд и одобрительно кивнул:

— Ну что ж, ванна хорошая, емкая. Мы в ней огурцов насолим! Насолим на зиму! Ничего, умываться и на кухне можно, а под первый май — в баньку. Ну-ка, покажь-ка кухню. Игде тут твой столик-то?

— У меня нет своего стола, — внятно сказала Елена Сергеевна, — соседи его выставили. Говорят — два стола тесно.

— Что? — сказал мужчина в кепочке грозно. — Какие такие соседи? Эти, что ли?! — Он небрежно ткнул в сторону Мордатенковых. — Два стола им тесно? Ах, буржуи недорезанные! Ну погоди, чертова кукла, дай, Нюрка сюда придет, она тебе глаза-то живо выцарапает, если ты только ей слово поперек пикнешь!

— Ну, вы тут не очень, — дрожащим голосом сказал Мордатенков, — я попросил бы соблюдать...

— Молчи, старый таракан, — прервал его человек в кепочке, — в лоб захотел, да? Так я брызну! Я могу! Пушай я в четвертый раз пятнадцать суток отсижу, а я тебе брызну! А я-то еще сомневался, меняться или нет. Да я за твое нахальство из принципа переменюсь! Баушк! — Он повернулся к Елене Сергеевне. — Пиши скорее заявление на обмен! У меня душа горит на этих подлецов! Я им жизнь покажу! Заходи ко мне завтра утречком. Я бе ожидаю.

И он двинулся к выходу. В большом коридоре он, не останавливаясь, бросил через плечо, указывая куда-то под потолок:

— Здесь корыто повешу. А тут мотоциклет. Будь здорова. Смотри, не кашляй.

Хлопнула дверь. И в квартире наступила мертвая тишина. А через час...

Толстый Мордатенков пригласил Елену Сергеевну на кухню. Там стоял новенький сине-желтый кухонный столик.

— Это вам, — сказал Мордатенков конфузьясь, — зачем вам тесниться на подоконнике. Это вам. И красиво, и удобно, и бесплатно! И приходите к нам телевизор смотреть. Сегодня Райкин. Вместе посмеемся...

— Зина, солнышко, — крикнул он в коридор, — ты смотри же, завтра пойдешь в молочную, так не забудь Елене Сергеевне кефиру захватить. Вы ведь кефир пьете по утрам?

— Да, кефир, — сказала Елена Сергеевна...

— А хлеб какой предпочитаете? Круглый, рижский, заварной?

— Ну что вы, — сказала Елена Сергеевна, — я сама!..

— Ничего, — строго сказал Мордатенков и снова крикнул в коридор: — Зинулик, и хлеба! Какой Елена Сергеевна любит, такой и возьми! И когда придешь, золотко, постираешь ей что нужно...

— Ох, что вы!.. — замахала руками Елена Сергеевна и, не в силах больше сдерживаться, побежала к себе. Там она сдернула со стены полотенце и прижала его ко рту, чтобы заглушить смех. Ее маленькое тело сотрясалось от хохота.

— Сила искусства, — шептала Елена Сергеевна, смеясь и задыхаясь, — о, волшебная сила искусства!..

Як. Зискинд

Улыбка Фортуны

Ну, к делу.

Жил-был известный киноактер Антон Гусев. Жил спокойно и нормально. Снимался и бывал в простое. Читал периодическую литературу и смотрел телевизионные передачи. И вдруг ему позвонили из киностудии и попросили завтра к двум часам быть в комнате номер такой-то.

Приехал.

В комнате сидели двое. Один, которого он сразу узнал, — известный итальянский кинорежиссер, неоднократно приезжавший в Москву, другой — неизвестный молодой человек в очках, как позже выяснилось — переводчик.

Едва Гусев вошел в комнату номер такой-то, известный режиссер вскочил, сказал с акцентом «здравствуй!», пожал Гусеву руку и произнес темпераментный монолог по-итальянски. Переводчик перевел. Перевод (приблизительно) такой:

— Синьор Гусев — прекрасный артист! Умный! Талантливый! Красив как бог! Его работа давно нравится режиссеру, а сейчас режиссер снимает фильм о минувшей войне. В фильме есть одна роль, и лучшего исполнителя этой роли, чем синьор Гусев, природа не создала. Режиссер умоляет синьора Гусева сняться в этой роли. Если Гусев согласится, режиссер будет самым счастливым человеком во всей Италии.

Синьор Гусев покраснел и после паузы сказал:

— Конечно, а...

Но переводчик перебил Гусева и добавил, что этот вопрос с киностудией согласован и артист может совершенно спокойно подписать контракт, потом прочесть сценарий и ждать вызова в Рим. Режиссер надеется, что эта работа заберет у синьора Гусева не так уж много времени, и, если он согласен, вот контракт и вот вечное перо.

С этого дня Гусев жил в том состоянии, которое боксеры называют «гrogги».

Находиться в состоянии «гrogги» Гусев имел все основания. Он прочитал сценарий, огорчился, что роль невелика, но подсчитал: он появляется в трех декора-

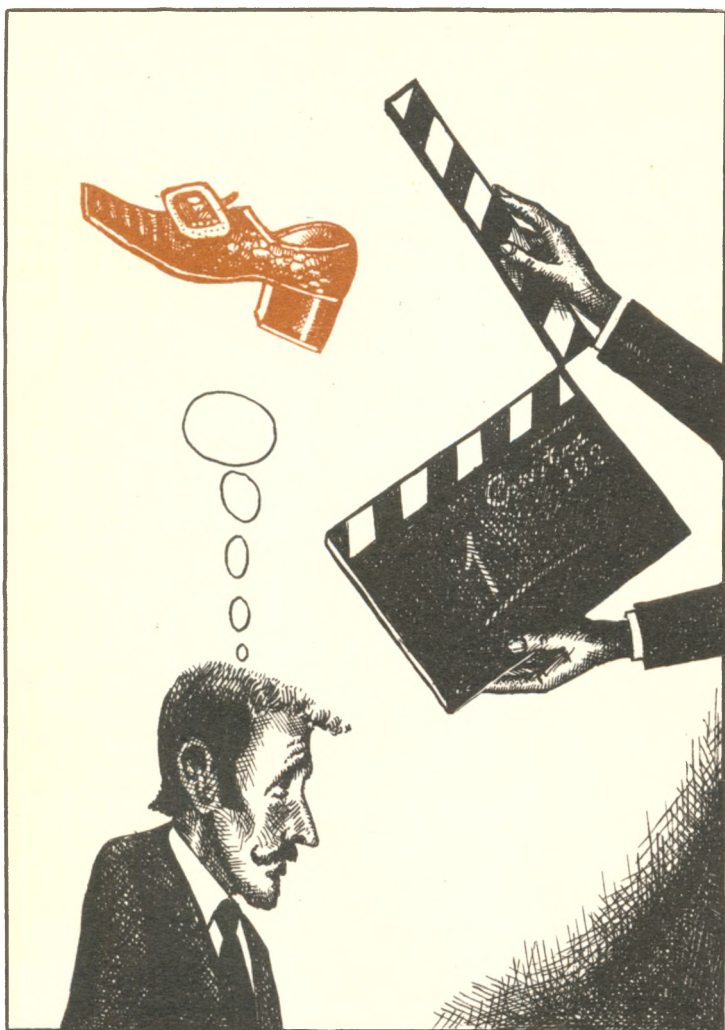
циях. В одной декорации кадров пятнадцать — значит, два съемочных дня; в остальных декорациях еще два дня — значит, уже четыре. До съемок обычно бывает освоение декорации — еще три дня. После съемки следует подождать результатов обработки пленки в лаборатории — еще два дня. Просмотр материала! Обсуждение! Разборка снятых декораций и постройка новых! Выходные дни!.. Словом, как ни считай — работы актеру минимум дней на десять-двенадцать! А десять-двенадцать дней в Риме — это и есть улыбка Фортуны!

«Повезло! Здорово мне повезло! — думал счастливый Гусев. — Свободное время будет? Будет! Посмотрю музеи, картинные галереи, памятники старины...».

Наконец пришел вызов, и ранним утром Гусев вылетел в Рим. В его лучшем чемодане лежали два лучших костюма, лучшие рубашки и лучшие галстуки, а в боковом кармане — фотография и основные габариты жены, столь необходимые для покупки ей сувениров.

Ровно в одиннадцать утра Гусев уже не спеша выходил из самолета. У трапа его встретили двое давно нестриженных молодых людей. Один из них схватил чемодан Гусева, а другой, расталкивая толпу встречающих, поспешил к выходу с аэродрома. Через пять минут все трое уже мчались в маленьком «фиате» по загородному шоссе на киностудию. Рассмотреть дорогу, поглядеть на прекрасный Рим Гусеву не удалось, так как один из молодых людей оказался гримером, и прибыл Гусев на студию уже в гриме. Здесь его доставили в костюмерную, где в мгновение ока для него подобрали соответствующий костюм. Тут же подкатили небольшой столик, на котором стояла еда, именуемая в авиации «легкий завтрак» и включающая даже небольшую бутылочку кианти. Гусев поспешно поел и выпил, и его бегом доставили в съемочный павильон. Режиссер очаровательно улыбнулся, переводчик перевел его улыбку, сообщив, что к съемке все готово, и нестриженные молодые люди ввели Гусева в кадр.

Через десять минут первый кадр был снят, и режиссер перешел к другому аппарату, чтобы снять следующий кадр с новой точки.



- А дубль? — робко спросил Гусев.
— Синьор Гусев хочет сыграть по-другому? Ему не нравится режиссерский вариант?
— Нет, что вы... Я думал — для «страховки».
— «Страховка»? А что это «страховка»?
— Ну мало ли что? Вдруг пленка плохая.

— Почему плохая? Пленка не может быть плохая. Фирма гарантирует...

— А вдруг подведет лаборатория?

— А почему лаборатория должна подвести? Там специалисты.

— А... — начал Гусев.

— Синьор Гусев, все разговоры потом, — твердо сказал режиссер. — Прошу в кадр. Репетируем...

Короче: к одиннадцати вечера все сцены были сыграны и все декорации отсняты. Усталый Гусев впервые за весь день опустился на стул. К нему подошел режиссер, расцеловал его, поблагодарил за отличную, профессиональную работу и сказал, что, как ему кажется, синьор Гусев потратил на его фильм не так уж много времени.

В четверть двенадцатого двое нестриженных доставили артиста в отель при аэродроме, сообщили, что самолет в Москву вылетает в восемь утра, вручили конверт с гонораром и, пожелав спокойной ночи и счастливого рейса, исчезли...

На следующий день в одиннадцать утра Гусев был дома.

Увидев мужа, который вернулся с такой космической быстротой, жена всплеснула руками:

— Что случилось, Антоша? Отменили съемку?

— Нет.

— Закрыли картину?

— Да нет...

— Переделывают сценарий? Твою роль превратили в женскую?

— Да нет же, Маша. Сняли!

— Режиссера?

— Да нет же, просто сняли! Все сняли!

— Все?! За один день?

— Все за один день! — убитым голосом сказал Гусев и вместе с конвертом, в котором лежал гонорар, вынул листок с основными габаритами жены.

Герберт Кемоклидзе

Истина

Не каждому удастся найти истину, но мне повезло. Истина лежала в коробочке, перевязанная ленточкой, и ждала, когда я ее преподнесу. Но чтобы преподнести истину, нужно утверждение комиссии из пяти специалистов.



**СПЕЦИАЛИСТ
ПО ВКУСУ
ЛИЗНУЛ**

мою истину
языком и сказал:
— Сахарком бы ее капелку сдобрить,
а то горьковата,
сердешная...
О, теперь я понимаю,
прелесть!



**СПЕЦИАЛИСТ
ПО ЦВЕТУ
ПОСМОТРЕЛ**

на мою истину и сказал:
— Что-то она у вас как-
кая-то прозрачная.
Нужно подсыпать
в нее немножко голу-
бого и чуть-чуть розо-
вого.
Вот теперь
другое дело!



**СПЕЦИАЛИСТ
ПО СЛУХУ
ПРИНИК**

к моей истине ухом,
потряс ее
и сказал:
— Не звонкая она у вас,
дружище.
Давайте-ка навесим
на нее пару побрякушек.
Так. Ну, чудо как стало
хорошо!



**СПЕЦИАЛИСТ
ПО ЗАПАХУ
ПОНЮХАЛ**

мою истину и сказал:

— Да, милейший,
с душком она у вас,
с душком.

Но мы на нее одеколон-
чиком попрыскаем.

Р-р-р-раз!

Р-р-р-раз!

Ах, как райский сад!

**СПЕЦИАЛИСТ
ПО ОСЯЗАНИЮ
ПОТРОГАЛ**

мою истину, пощупал,
побарабанил
по ней пальцами и ска-
зал:

— А твердости все же
недостает. Ну-ка мы в нее
стали подбавим.

Подержите. Вот.

Да вы только посмотрите!
Замечательно!



— Так можно уже преподносить? — грустно спросил я, стараясь распознать в улучшенной истине свою находку.

— Ни в коем случае! — воскликнули члены комиссии. — Нужно еще проверить ее на прочность.

И они стали пинать мою истину ногами, садить по ней кулаками, швырять ее из угла в угол, топтать ее и колотить.

— Вот теперь можете преподносить.

и

Я

**ПРЕПОДНЕС
ИЗБИТУЮ**

ИСТИНУ

Л. Каминский

Графоман

В дверь робко постучали.

— Да-да, — сказал редактор, — войдите!..

В комнату вошел лысый человек в длинном коричневом пальто. На розовом носу неуклюже висели круглые очки. Одной рукой человек застенчиво мямлил зеленую шляпу, другой бережно прижимал к груди потрепанный «тонкий» журнал с вложенной в него пачкой бумаги. Человек остановился перед столом редактора и откашлялся.

— Здравствуйте, — тихо сказал он. — Разрешите представиться. Я Афанасий Дмитриевич. — Человек сделал паузу и добавил: — Графоман...

— Что-о? — Редактор удивленно поднял брови. — Графоман? Простите, это что — такая фамилия?

— Нет, я же сказал — фамилия моя Дмитриевич. Похоже на отчество, только с ударением на «е». Правда, у меня и отчество Дмитриевич. С ударением на «и»... Такое уж совпадение... Полностью выходит — Афанасий Дмитриевич Дмитриевич... А Графоман — это меня так прозвали. В редакциях. Кличка вроде... Видите ли, я очень люблю писать... И вот поэтому... Ничего, я даже привык.

Редактор тяжело вздохнул и тоскливо посмотрел в окно. Звенели трамваи. Падал снег. Время шло к обеду...

— Я все понимаю, — сказал Графоман. — Я сейчас уйду. У меня только убедительная просьба... — Он стал раскрывать журнал, доставая пачку исписанных листов бумаги.

У редактора пересохло во рту.

— Не бойтесь, — ласково сказал Дмитриевич и дружески посмотрел на редактора. — Я вас не задержу... Я прошу прочесть только первый листок рукописи. Если это вас никак не заинтересует, я сейчас же уйду. Я уже привык...

Редактор вздохнул, взял листок бумаги и стал читать. Шариковой ручкой красного цвета было аккуратно выведено:

«ГРАФОМАН» (рассказ).

В дверь робко постучали.

— Да-да, — сказал редактор, — войдите!..

В комнату вошел лысый человек в длинном коричневом пальто. На розовом носу неуклюже висели круглые очки. Одной рукой человек застенчиво мял зеленую шляпу, другой бережно прижимал к груди потрепанный тонкий журнал с вложенной в него пачкой бумаги. Человек остановился перед столом редактора и откашлялся.

— Здравствуйте, — тихо сказал он. — Разрешите представиться. Я Афанасий Дмитриевич. — Человек сделал паузу и добавил: — Графоман...

— Что-о? — Редактор удивленно поднял брови...».

Редактор удивленно поднял брови. Некоторое время он растерянно смотрел на лысого человека. Тот добродушно кивнул:

— Читайте, читайте дальше...

«...— Графоман? Простите, это что — такая фамилия?

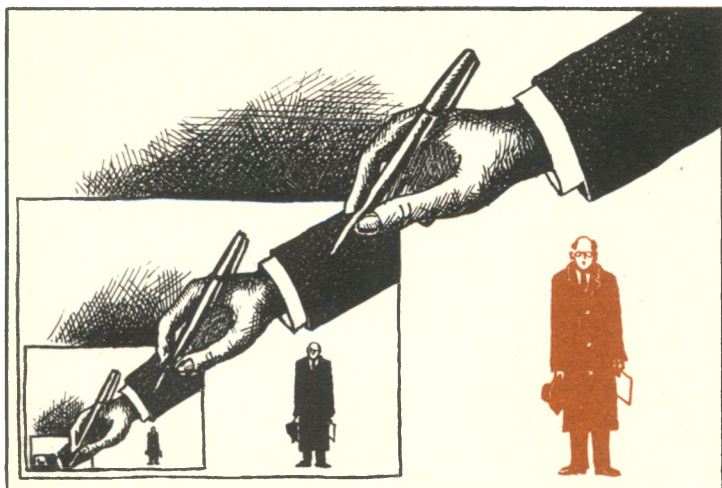
— Нет, я же сказал — фамилия моя Дмитриевич. Похоже на отчество, только с ударением на «е». Правда, у меня и отчество Дмитриевич. С ударением на «и»... Такое уж совпадение... Полностью выходит — Афанасий Дмитриевич Дмитриевич. А Графоман — это меня так прозвали. В редакциях. Кличка вроде... Видите ли, я очень люблю писать... И вот поэтому... Ничего, я уже привык.

Редактор тоскливо посмотрел в окно. Звенели трамваи. Падал снег. Время шло к обеду...».

Редактор отложил листок в сторону. Почесал подбородок, побарабанил пальцами по столу. Снял телефонную трубку, подержал ее и положил на место. Потом снова придвинул к себе листок и стал читать дальше.

«...— Я все понимаю, — сказал Графоман. — Я сейчас уйду. У меня только убедительная просьба... — Он стал раскрывать журнал, доставая пачку исписанных листков бумаги. У редактора пересохло во рту.

— Не бойтесь, — ласково сказал Дмитриевич и дружески посмотрел на редактора. — Я вас не задержу. Я прошу прочесть первый листок рукописи. Если это вас никак не заинтересует, я сейчас же уйду. Я уже привык...



Редактор вздохнул...».

Редактор вздохнул.

— Знаете что, — сказал он, — оставьте мне рукопись... Что-то здесь есть. Не исключено, что это мы используем...

Лысый человек положил потрепанный журнал с рукописью на стол, попрощался и исчез.

Редактор задумчиво походил по комнате, закурил. Потом быстро подошел к столу и положил листок рукописи. Там шариковой ручкой красного цвета было аккуратно выведено:

«...Знаете что, — сказал он, — оставьте мне рукопись. Что-то здесь есть. Не исключено, что это мы используем...

Лысый человек положил потрепанный журнал с рукописью на стол, попрощался и исчез».

Мне Генки - приятное
обеденное перерыва.

А. Курляндский, А. Хайт

Обеденный перерыв

12/11-237. Курляндский

В обеденный перерыв вызывает меня начальник:

— Сережа, у меня к вам дело небольшое. Был я сейчас в столовой и в ужас пришел. Народу — тьма, все кричат, ругаются, никто поесть не успевает. Вот я и подумал: а что, если для нашего отдела обед передвинуть. Сделать или раньше, или позже других.

— Верно, говорю, многие так думают.

— Вот и чудесно. Тогда возьмите лист бумаги, обойдите людей и соберите, так сказать, общественное мнение.

Сказано-сделано.

Взял я чистый блокнот, ручку и — прямо к столовой. Внутрь, конечно, пробиться невозможно, поэтому я у дверей встал. Смотрю, вылезает из дверей наш техник, Степан Петрович. Красный как рак, в руках пирожок, а на брюках повидло.

— Приятного аппетита, говорю. Ну как пообедали?

Степан Петрович покосился на мой блокнот, галстук поправил и говорит:

— В тот момент, когда весь отдел борется за выполнение плана, проблема питания, как никогда...

— Минуточку, говорю, вы меня не так поняли. Я же не для стенгазеты спрашиваю.

— А чего ты блокнот достал?

— Потому что я мнения выясняю.

— Понятно. Стало быть, в колхоз посылают.

— При чем здесь колхоз?

— А что? Уборка территории?

— Какая уборка? Устраивает вас время обеда или нет?

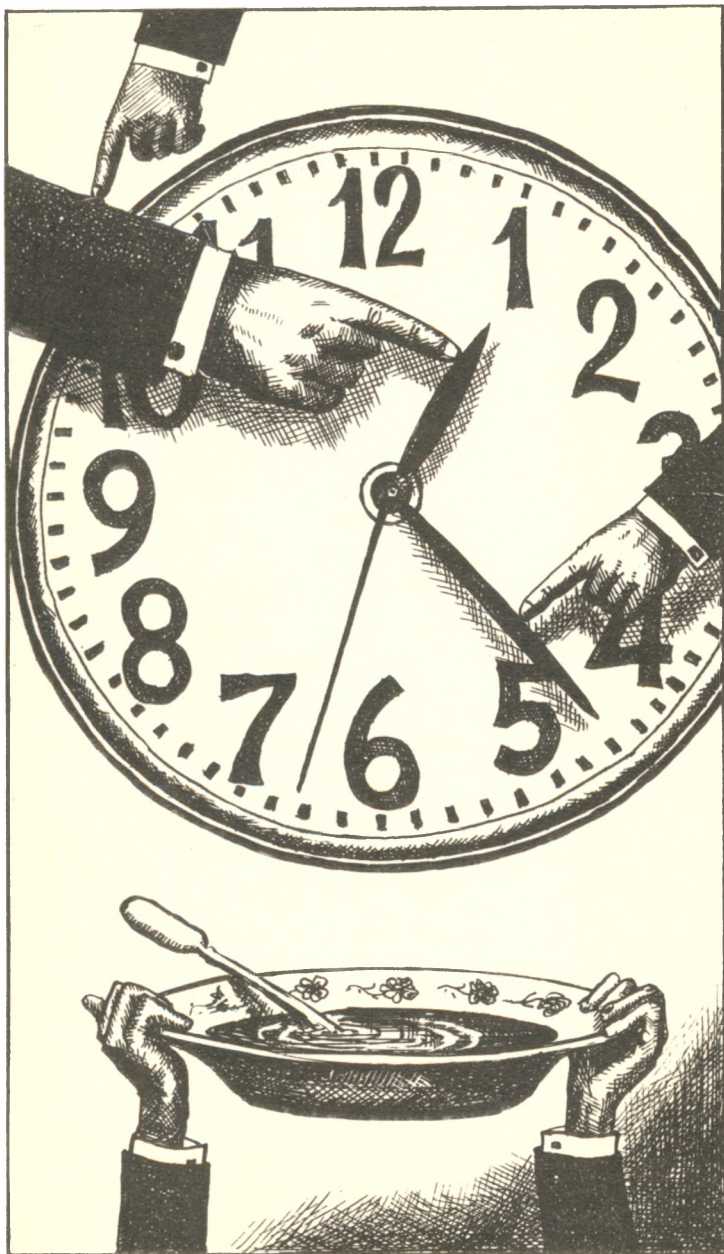
— А-а, вот в чем дело. Некого в командировку послать.

— Фу ты, господи! Да я правда насчет обеда.

— Обед, говоришь. Ой, хитер! Ну ладно, обед обедом. А вообще-то... чего тебе надо?

— Не надо мне ничего! Было надо, а теперь не надо.

— Понятно, — говорит он, — стало быть, сокращение намечается.



Махнул я рукой и спиной повернулся. Стою, жду. В это время из столовой наша чертежница выходит, Марья Петровна. Тихая, милая женщина. Она всегда чуть раньше отпрашивается, чтобы другим очередь занять.

— Марья Петровна, я к вам насчет обеда.

— А что, — говорит, — я отпросилась.

— Дело не в этом.

— А в чем? У меня все уплачено.

— Я знаю. Вы лучше скажите, что нам с обедом
делать?

— А что? Можно и без обеда.

— Не об этом речь. Может, нам его передвинуть?

— Я и говорю, можно и передвинуть.

— Значит, это время вас не устраивает?

— Почему не устраивает? Устраивает.

— А зачем же тогда передвигать?

— Можно и не передвигать.

— Марья Петровна, голубушка, поймите. Меня интересует ваше мнение. Как сделать, чтобы вам самой было лучше.

Она подняла на меня глаза и говорит:

— Сереженька, милый, не мучь ты меня, ради бога. Давай, я тебе лучше свитер свяжу.

Ну что ты будешь делать! Не понимают они меня, что ли? Ведь я как лучше хочу. Для них же самих. Тут меня кто-то окликает:

— Сереженька, вы чего такой грустный?

Смотрю, Семен Григорьевич, старейший работник отдела. Ну, думаю, этот не подведет.

— Семен Григорьевич, — говорю.

— Да-да, я вас слушаю.

— Как вы думаете, стоит нам обед передвинуть?

— Не знаю, Сереженька, я в столовую не хожу.

У меня бутерброды.

— Но в столовой же лучше. Там горячее...

— Да, там, конечно, лучше. Но я туда не хожу.

— Может, потому, что народу много?

— Сереженька, дорогой, что вы меня все время ловите? Откуда я знаю, сколько там народу, если я туда не хожу.

Нет, думаю, что-то я не так делаю. Может, я людей блокнотом пугаю или слишком официально. Надо по-другому попробовать. По душам.

Спрятал я блокнот, ручку и, будто бы прогуливаясь, по коридору пошел. Иду, а навстречу мне Терентьев.

— Ну, как дела? — спрашиваю.

— Ничего, — говорит. — Идут помаленьку.

— Наверное, обедал уже?

— Какой там, разве пробьешься. О чем только начальство думает.

— В каком это смысле?

— В прямом. Взяли бы да и передвинули обед. Одни — в час, другие — в два. Полный порядок.

— Ну а ты-то как считаешь? Когда лучше, в час или в два?

— Лучше бы в два. Чтобы аппетит нагулять.

Тут я сразу достаю блокнот и ручку:

— Значит, ты считаешь, что лучше — в два. Так и запишем.

— Чего запишем?

— Твое мнение.

— Какое это мое мнение?

— Насчет обеда.

— Я тебе запишу. А ну, положи ручку!

— Но ты же сам говорил.

— Мало чего я говорил. А если я начну записывать, что ты говорил?.. Иди-иди. Тоже мне, писатель нашелся.

Вечером, с пустым блокнотом, я вошел в кабинет начальника.

— Ну что, — спросил начальник, — провели опрос?

— Провел.

— Ну и что?

— Да вроде бы и ничего.

— Как — ничего? Что, все довольны?

— Выходит, что довольны.

— Ну что ж, — сказал начальник. — Если все довольны, я ничего против не имею. Оставим все как было.

На том и порешили.



Андрей Кучаев

Мозговая косточка

На кухне в новой, только что отстроенной квартире обедали два товарища: дядя и племянник. Обед их состоял из наваристых бараньих щей и «Московской».

Друзья и родственники съели уже по шесть тарелок щей и отправили под стол две порожние бутылки из-под «Московской».

Дядя, притомившись от еды, отдыхал, погруженный в глубокое раздумье, племянник трудился над осколком бедренной кости барана. Он отшлифовал кость так, что хоть сейчас на рукоятку трости, однако внутрь еще не проник.

— Мозговая... — сказал племянник, заглядывая одним глазом в кость, как в подзорную трубу. — Сейчас мы ее, момент...

— Самый сок теперь остался, — согласился дядя, не прерывая раздумий.

— Сейчас мы отседа мозгу-то вытянем. — Племяш сунул кость в рот на манер курительной трубки и втянул со свистом воздух через кость.

— Тяни, тяни, — поощрил дядя, не прерывая раздумий. — В мозгу-то фосфор содержится... Пища для ума, витамин.

— Сейчас мы ее вытряхнем, момент! — Племяш, примериваясь, потюкал костью о край тарелки. — Сейчас мы ее отседа выьем! — И он грохнул острым краем кости изо всей силы по дну тарелки.

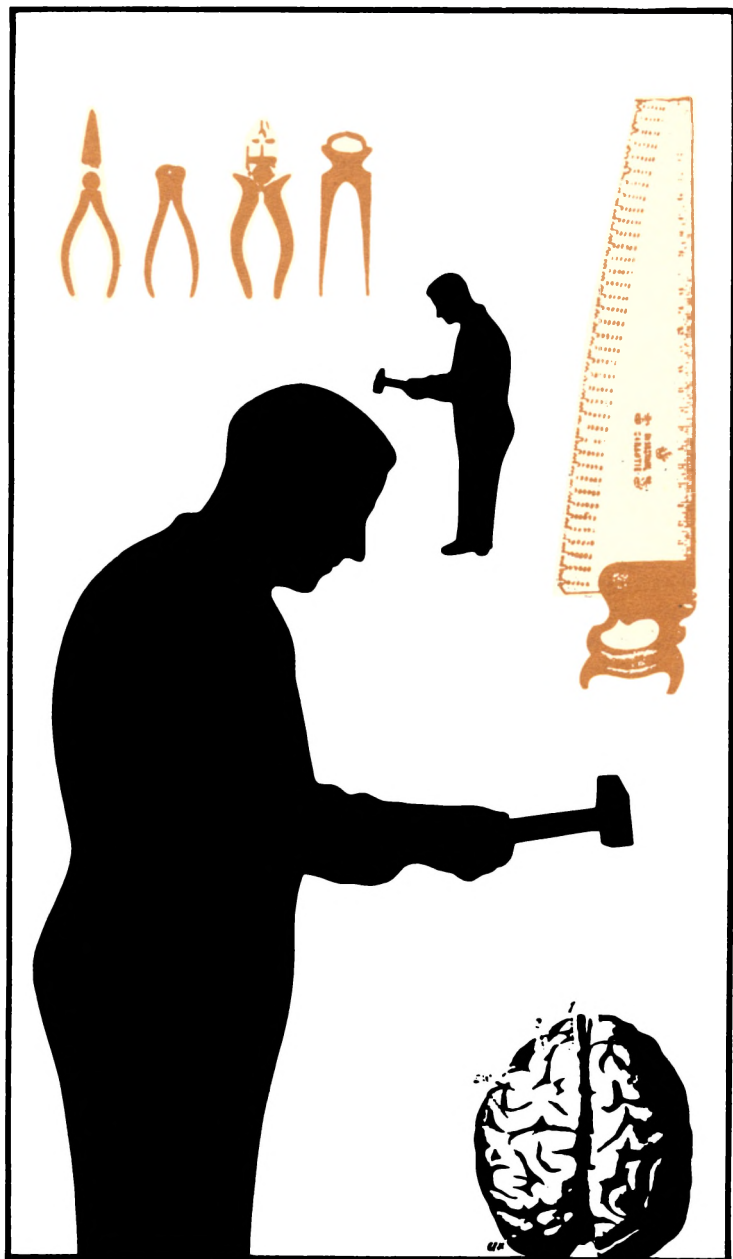
Тарелка разлетелась вдребезги. Один осколок поцарапал дяде макушку.

— Во дает! — сказал дядя, почесав макушку спичкой и не прерывая раздумий. — Однако тарелки делают, а?

— Это мы ее сейчас расковыряем, момент! — сказал азартно племянник и полез в кость ножом из нержавеющей стали.

Нож со звоном сломался, и осколок ножа оцарапал дяде плечо.

— Во дает, — сказал дядя, почесав татуированное веснушчатое плечо. — Однако ножи делают, а? — добавил он, не прерывая раздумий.



— Сейчас мы ее разможем, момент! — Племяш положил кость на пол и шарахнул по ней тяжелым молотком.

Скользкая кость выстрелила из-под молотка дяде в ногу, а молоток переломился. Одна половинка осталась в руках у племянника, другая провалилась в дырку в полу.

— Вот шальной, — сказал дядя, поморщившись и почесав ногу спичкой. — Однако молотки делают, а? А полы?! — И дядя снова погрузился в раздумья.

— Ну сейчас-то мы ее выпотрошим, момент! — Племяш острым краем кости грохнул изо всех сил по стене. Стена рухнула — и племянник с дядей оказались на улице, прямо на мостовой.

— Во завелся, — сказал дядя, не прерывая раздумий. — Однако стены кладут нынче, а?

— Ну а сейчас-то мы ее в момент расплющим! — сказал потный племянник и положил кость на трамвайный рельс.

Проходивший трамвай сошел с рельс, придавив слегка дядю.

— Ты прям шальной какой-то, — сказал дядя, поставив трамвай на место. — Однако пути трамвайные кладут, а?! — сказал дядя и погрузился в свои раздумья, почесывая бок в голубой майке.

— Сейчас мы ее в момент раздолбаем! — крикнул племянник и ахнул острым краем кости дядю по лбу.

Мозг выскочил, дядя его поймал, выйдя из раздумий, и передал племяннику.

— Видал? — сказал дядя, почесав лоб спичкой. — На совесть сделано, а? — Дядя похлопал себя по веснушчатому темени и погрузился в свои раздумья.

Новоселье

Борис Ласкин

Новоселье

На заре человечества все люди ходили пешком. Со временем была изобретена простенькая круглая штука, которая получила наименование «колесо».

С этого колеса и началось.

На земле появились средства личного и позднее — общественного транспорта. В частности — автомобили.

Автомобиль стал могучей движущей силой. Он помог человеку и возвеличил его.

Это и многое другое поведал нам Егор Иванович Ф.

Я сознательно не называю фамилии этого товарища. Егор Иванович — скромный человек. Если бы я назвал его фамилию, то Егора Ивановича, безусловно, начали бы осаждать очень многие с просьбой сотворить и для них нечто подобное.

Перед тем как начать рассказ, спешу сообщить, что у молодых супругов, о которых пойдет речь, все в полном порядке, и они досрочно — заметьте — досрочно отпраздновали новоселье.

Ну, а теперь больше не стану отвлекаться и расскажу, как было дело.

Этим летом в городском Дворце бракосочетаний сочеталась симпатичная молодая пара. Жених Анатолий — мастер часового завода и невеста его Мария — модельерша швейной фабрики, к слову сказать, очень красивая девчонка.

Пришло время, всех пригласили в зал. Радио исполнило «Свадебный марш» композитора Мендельсона.

Совершилось все как положено — молодые поцеловались, и местный фоторепортер запечатлел этот волнующий момент для истории.

Вышли все из подъезда, а там уже машины ждут — их специально на автобазе заказали для такого торжественного случая.

В первую машину сели Анатолий с Марией, кое-кто из знакомых и в том числе Егор Иванович. К слову говоря, Егор Иванович и отец Анатолия — старые приятели, вместе воевали, а сейчас оба на пенсии.

Только этот автопоезд свадебный двинулся, три «Волги» с родней и друзьями вперед ушли, готовиться к домашней встрече.

А машина с молодоженами спокойно следует своим курсом.

И в этой машине, между прочим, происходит такой разговор.

Анатолий говорит:

— Представляешь, Маша, если бы дом был готов, мы бы сейчас не к родителям, а прямо к себе в отдельную квартиру!..

Мария говорит:

— Мечты, мечты, где ваша сладость...

А один парень по имени Володя говорит:

— Дом-то ведь обещали сдать к марту.

Анатолий говорит:

— А потом — к маю.

Тогда Егор Иванович спрашивает:

— Это какой же дом?

Анатолий отвечает:

— Сейчас мимо проедем...

И буквально минут через пять все, кто в машине сидел, видят на небольшом удалении картину жилищного строительства. А картина эта совсем не бодрая, а какая-то чересчур вялая.

И тогда Егор Иванович, он рядом с шофером сидел, говорит:

— Товарищ водитель, прошу вас, подрулите, пожалуйста, чуть поближе к дому и остановите машину.

Шофер выполняет эту просьбу, а Егор Иванович говорит Володе:

— У тебя блокнот есть? Достань ручку. Сейчас пойдешь со мной. Вопросов не задавай. И не улыбайся. Ты только слушай и записывай...

Сказав эти слова, Егор Иванович поправляет свою шляпу и выходит из машины, а Володя — за ним и в руках блокнот держит и ручку.

А там, на стройке, уже заметили — машина остановилась и из нее вышли два товарища, один рослый, солидный, а другой молодой.

Егор Иванович подошел к дому, а там его уже ждут — мужчина в кепке и с ним еще двое.

Егор Иванович оглядел дом и говорит:

— Здравствуйте, товарищи строители!



Те дружно отвечают:

— Здравствуйте!

Егор Иванович спрашивает:

— Кто строит дом? Чей объект?

Тот, который в кепке, он оказался прорабом, докладывает:

— СМУ сорок пять.

— Фамилия начальника?

— Колыхалов Андрей Михайлович.

Егор Иванович обернулся к Володе, тот записал.

А Егор Иванович брови нахмурил и спрашивает:

— Когда дом будет предъявлен к сдаче?

Прораб снял кепку и говорит:

— В конце текущего квартала.

Володя записал.

А Егор Иванович говорит тихо и строго:

— Передайте товарищу Колыхалову, что я лично проверю, как он держит слово.

Прораб говорит:

— Будет сделано! Передам. Разрешите продолжать работу по возведению семидесятиквартирного жилого дома?

Егор Иванович говорит:

— Возводите. Желаю успеха.

Повернулся и пошел. А Володя, перед тем как уйти, прорабу пальцем погрозил— дескать, смотрите!..

Егор Иванович с Володей еще до машины не дошли, а прораб уже в автомат кинулся звонить по начальству, потом вернулся и стал смотреть, как Егор Иванович садится в машину рядом с шофером.

И тут машина прямо сразу взяла с места.

Она шла ходко, можно сказать, не шла, а летела.

Потому, наверно, эту машину и называли «Чайка».

Борис Рахманин

Нестандартные лампочки

Из кипы разноцветных писем директор отобрал лишь несколько и хмуρο оглядел собравшихся.

— Я их вот как понимаю! — сказал он. — Действительно, безобразиe!.. Вы послушайте!

«Внутри лампочки летает муха, — прочел он. — И так стенки засидела, что свет не пробивается, а вымыть нельзя, ведь изнутри засидела...».

Собравшиеся зашевелились. Браковщица Белоглазова и мастер Белозубов подняли руки.

— Не было мухи, — решительно заявила браковщица, опередив мастера, — может, она потом завелась...

— Вам я еще предоставлю слово, — пообещал директор. — А сейчас дальше слушайте.

«В лампочке оказалась горошина. Включишь свет — и тут же раздается милицейский свисток...».

«Паутина висит в лампочке...».

«Одна половина лампочки светится, а другая половина — нет...».

«Ну и лампочка!.. Включишь свет, а вместо него — музыка играет, последние известия передают...».

«Бракоделы! В вашей лампочке кто-то забыл гривенник, с копилкой спутал...».

«С тех пор, как купила эту лампочку, всегда чувствую на себе чей-то волнующий взгляд...».

— Достаточно? — спросил директор. — Или продолжим? — Собравшиеся молчали. — Но все это еще ничего, так-сяк, учтем, исправим, — вздохнул директор. — Но то, что произошло сегодня!..

Мастер Белозубов поднял руку.

— Предоставим слово Белоглазовой.. — сказал директор, — ну-ка, повторите свой рассказ...

— Уронила я, значит, лампочку нынче, — хриловато произнесла браковщица, — ну, уронила, и леший с ней... У нас этого добра... Но она не разбилась! Странно, думаю, что ж это она не разбилась? Ведь пол у нас железный в цеху... Я ее тогда снова уронила...

— И, заметьте, тот же результат! — негодуяще вставил директор.



— Тогда я ее с размаху об пол — ххррясь!.. — воскликнула Белоглазова и замолчала, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами. — Я ее!.. Я ее... — пробормотала она, наконец, сквозь слезы. — Я ее и так и этак... И каблуком и... Я ее...

— И ни в какую! — подняв палец, резюмировал директор.

— Побежала я тогда в штамповочный, положила ее под паровой молот и...

— Молот сломался! — вскочил со стула мастер Белозубов. — Предпоследний молот!.. Ну, знаете, товарищ Белоглазая... Нам ваши небьющиеся лампочки...

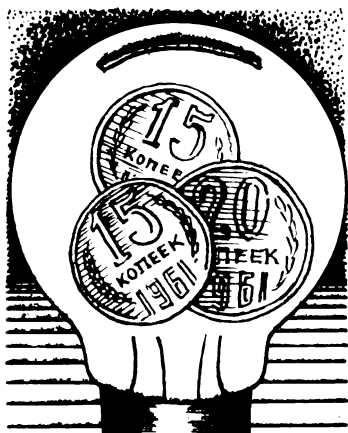
— Белоглазова я, — сухо поправила его Белоглазова.

— Но все это еще ничего! — перекрывая шум, стуча ладонью по столу, повысил голос директор. — Все это еще туда-сюда, учтем, исправим.. А вот как с этим быть? — И он стал с выражением читать очередное письмо.

«А лампочка горит и горит, — прочел он. — Мы выключаем, все равно горит. Решили, штепсель не в порядке. Выкрутили лампочку из патрона, а она продолжает гореть...».

Собравшиеся недоверчиво зашевелились.

— Что?! — пронзительно оглядел их директор. — Не верите? — поджав губы, он выдвинул ящик



стола и достал оттуда сияющую ровным золотым светом электрическую лампочку.

— Возвратили, — объяснил он, — требуют исправную.

Лампочка пошла по рукам.

— Так что же с этим делать, я вас спрашиваю? — повторил директор. — У кого какие будут предложения?

— А может... Может, она... Бьющаяся?.. — заслоняясь рукой от яркого нестандартного света,

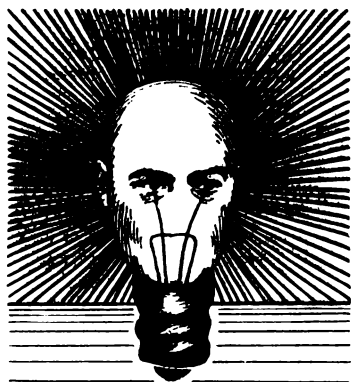
нерешительно произнесла Белоглазова.

— Дудки! — вскочил со стула Белозубов. — Не позволю! Последний молот я вам не отдам!

— Другие предложения будут? — спросил директор. — Что ж, тогда попробуем...

Он поднял горящую лампочку над головой, подошел к окну и метко выбросил ее в форточку. Подобная ослепительной праздничной ракете, вылетела она во двор, ударилась об асфальт и звонко лопнула.

— Выходит, можно с браком бороться, — удовлетворенно сказал директор, — было бы желание!..



Вл. Панков

Мы едем, едем, едем...

Чудесная вещь — автомобиль! Сядишься и едешь себе, куда глаза глядят. Можно хоть всю жизнь ехать эдак куда-нибудь, все равно куда, и никто тебе слова не скажет. Кругом бескрайние просторы — ни милиции, ни общественности.

Еду я тут как-то с ветерком, дышу полной грудью, напеваю бодрое «мы едем, едем, едем», вдруг смотрю — стоит на обочине девушка. Юная такая, стройная, одета со вкусом. И палец автостопом держит. Я, конечно, притормаживаю и распахиваю перед ней дверцу:

— Подвезти?

— А нам по дороге?

— Надеюсь...

Я нажал на газ, и мы поехали.

— А вы хорошо ведете машину, — похвалила меня она.

— Нескромный вопрос — как вас зовут?

— Вика.

— Виктория... Победа, значит.

— Представьте себе, все мужчины при знакомстве со мной говорят одно и то же. Теперь все такие начитанные.

— Простите.

— А вас как зовут?

— Какое это может иметь значение?

— Имя существует для удобства в обращении.

Вам приятно будет, если я буду называть вас: эй, вы?..

— В таком случае, мое имя — Михаил.

— Миша... У вас приятное имя.

— Может, мы «для удобства в обращении» будем называть друг друга на «ты»?

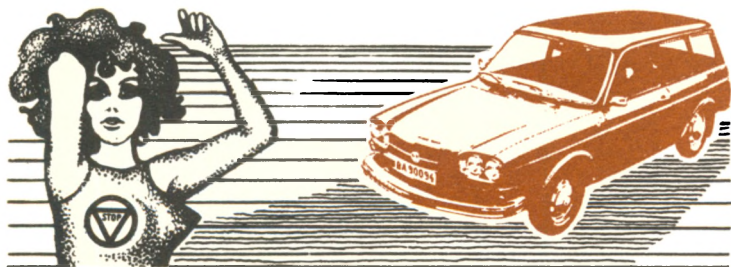
— Верно. Так проще. Зачем усложнять жизнь?

Все должно быть просто. — Она закурила.

— Слушай, а как ты очутилась в этих краях? — прервал паузу я

— Я? Случайно.

— Счастливый случай, если он помог нам встретиться... Но ведь здесь ни души.



— Я ехала вот так же с одним типом, но потом мы поцапались, и он высадил меня.

— Из-за чего поцапались?

— Да так...

— Не хочешь говорить? Правильно. А я не хочу знать, что у тебя было до меня.

Она вдруг потеплела.

— А ты хороший... Не то что тот.

— Не будем вспоминать о нем.

— А если мы его догоним, мы набьем ему физиономию?

— На такой скорости? Мы просто обгоним его и помашем ему ручкой.

— Правильно. Он лопнет от зависти. Ведь у тебя машина гораздо лучше, чем у него.

— У нас только маловато бензина.

— А мы будем экономить. Знаешь, какая я хозяйка? У меня каждая копейка на счету! И еще — я совсем не трачусь на наряды. А для кого наряжаться? Мой любимый будет любить меня и так, правда?

Она прижалась к моему плечу и ласково вздохнула мои волосы.

— Дорогая, ты пьянишь меня, — не своим голосом пролепетал я, — я же за рулем...

— А может, мы остановимся?

— Нам останавливаться нельзя. Нас обгонят другие...

— А может, наплевать? Ведь когда любишь, на все наплевать... Ведь ты меня любишь?

— Я тебя еще и не разглядел толком. Все на дороге смотрю.

— А что меня разглядывать. Вот она я, вся перед тобой...



Она рванула заколки из прически, волосы ее рассыпались... Я закрыл глаза...

— А что ты подаришь мне на день рождения? — спросила Вика.

— А что тебе хочется?

— Мне хочется... Да мало ли что мне хочется? В первую очередь, конечно, свадебное платье... Такое с блестками, знаешь? Рукав вшивной, воротник — стойка. Хочешь, я тебе нарисую?

Она подышала на ветровое стекло и что-то нарисовала пальцем.

— Видишь, вот тут волан, тут прострочено... А второе платье...

— Как, уже второе?

— А что? — сделала она «наивные глазки».

— Да на какие деньги? — вспыхнул я.

— Ну, милый, тебе придется поднажать. — Она снова прижалась к моему плечу.

— Я и так гоню, не жалея мотора.

— Но нас тем не менее обогнали двое. Сейчас это же пытается сделать и третий. Ах, какая у него машина!

— У меня не хуже. Когда я выжму из нее все, нас никто не сможет догнать. Видишь, он уже отстает...

— Отстает, — сказала она с сожалением.

— Куда ты смотришь? — с беспокойством спросил я.

— Я? Никуда не смотрю. Мне просто нравится его номер. Что, уже и на номер посмотреть нельзя? Да ты что, кажется, ревнуешь меня к нему?

Она достала зеркальце и стала вызывающе пудрить нос.



— Для кого это ты наряжаешься?

— Наряжаюсь? Как же! С тобой нарядишься...
Как села к тебе в машину голая, так и еду...

— Перестань подмигивать этому кретину.

— Господи, как ты выражаешься... Не умеешь себя вести.

— Я умею водить машину, и с меня этого достаточно.

— А мне этого недостаточно. Что я вижу из окна твоего драндулета? Театр я вижу? Кино я вижу? У тебя даже телевизора и то тут нет...

— Надо было раньше думать. Я ведь предупреждал, что я тебе не подарок.

— Ну вот, сейчас мы станем выяснять, кто кого осчастливил... Господи, и зачем я села в этот автомобиль? всю жизнь жалеть буду, но никогда тебя не упрекну.

— Помолчи, ты отвлекаешь меня от дороги.

— Вот! Сейчас ты в кого-нибудь врежешься, а я еще буду виновата.

— Помолчи, я прошу тебя. Если ты не замолчишь, я за себя не отвечаю.

— Ты! Да что ты можешь? На что ты способен?

— Замолчи!

— Не замолчу...

Я взвыл от ярости, взвыли тормоза. Машина резко остановилась, и мы оба ударились по инерции о ветровое стекло.

— Негодяй,— крикнула Вика,— ты меня посмел ударить?!

Она выскочила из машины и побежала назад, придерживая одной рукой шишку на лбу, а другой



останавливая следовавший за нами автомобиль. С тем самым номером.

Дверь автомобиля отворилась, и Вика исчезла в нем...

Я не стал даже смотреть им вслед. Я устало сидел за рулем своего драндулета, почти без бензина, с сорванными тормозами, одинокий, никому не нужный...

«Ах, как часто подводят нас неисправные тормоза», — думал я.

Из состояния протрации меня вывел низкий, грудной женский голос за моей спиной.

— Вам плохо? Быть может, помочь чем-нибудь?

— Да вот, мотор что-то барахлит, — кисло улыбнулся я.

— Может, подтолкнуть?

Она легонько подтолкнула машину сзади, мотор сразу заурчал.

— Подвиньтесь, — попросила она и деловито села за руль, — вы сейчас не в состоянии вести машину.

— А куда мы едем? — жалобно спросил я.

— Куда хочешь, дорогой...

— Но я хотел...

— Лучше обними свою лапочку, — грудным голосом сказала она и с подъемом запела низким контральто «мы едем, едем, едем»...

Я доверчиво прижался к ее плечу.

Виктория Токарева

Сразу

ничего не добьешься

Федькин проснулся ночью оттого, что почувствовал себя дураком.

Бывает, внезапно просыпаются от зубной боли или оттого, что в ухо кто-то крикнет. Федькину в ухо никто не кричал, в его семье не было таких привычек, зубы у него тоже не болели, потому что были вставные. Федькин просто почувствовал себя дураком — не в данную минуту, а в принципе. Возможно, это было наследственное и перешло к нему от родителей, а может, родители были ни при чем.

Федькин лежал и смотрел в потолок. Потолок был белый, четкий, как листок бумаги. Он сам его белил два раза в месяц. Федькину больше всего в этой жизни нравилось белить потолки: стоять на чем-нибудь высоком и водить над головой кисточкой — в одну сторону и в другую.

Федькин смотрел на свою работу, и настроение у него было грустно-элегическое.

А за окном между тем начиналось утро.

Утро начиналось для всех: для дураков и для умных. Федькин помылся, оделся и сел за стол, а жена подала ему завтрак. Завтракают все — дураки и умные, и жены тоже есть у всех. Иногда бывает, что у дурака умная жена, а у умного — дура. У Федькина жена была не очень умная, но вовсе не дура. Она ходила по кухне с лицом, блестящим от крема, а волосы у нее были собраны на затылке в хвостик и перетянуты резинкой от аптечной бутылки.

Федькин посмотрел на ее хвостик и почувствовал угрызения совести.

— Зина,— сказал он,— а ты зря тогда за меня замуж пошла...

— Почему? — удивилась Зина.

— Дурак я.

— Вот и хорошо,— сказала Зина.

— Что же тут хорошего? — не понял Федькин.

— Спокойно.

Самое главное в этой жизни — точно опреде-

лить свое место. Чтобы соразмерить запросы с возможностями.

Когда Федькин вышел в это утро на улицу, он все про себя знал. И ему стало вдруг спокойно, не захотелось никуда торопиться. Он медленно шел, дышал и смотрел по сторонам. Если бы он был умный, то прочитал какие-нибудь стихи, вроде: «Октябрь уж наступил, уж роща отряхает...» Но Федькин Пушкина не знал и просто думал: «Хорошо-то как, господи...»

В холле перед кабинетом на красных плетеных стульчиках сидели люди, курили и беседовали, беспечно поводя руками. Они приходили сюда толкать и пробивать. Некоторые пробивали по два года. В первый год они расстраивались и даже болели на нервной почве, а ко второму году смирялись и находили определенное удовольствие в своей неопределенности.

Когда в холле появился Федькин, все замолчало, и он понял, что говорили о нем.

Прежде, когда Федькин шел мимо людей по кабинету, он напрягал лоб, лицо делал каменное, а взгляд устремлял в перспективу. Сегодня Федькин свой взгляд никуда не устремлял, а просто остановился и спросил:

— Сидите?

— Сидим! — дружно отозвались те, кто толкал и пробивал.

Федькин вошел в кабинет и закрыл за собой дверь, но дверь тотчас приотворилась, и в нее заглянул Лесин, тощий и нервный молодой человек. Он всегда грыз спички, и его пальцы от спичечных головок были коричневые.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек. — Вы меня помните?

— Еще бы, — сказал Федькин. — Как ваша фамилия?

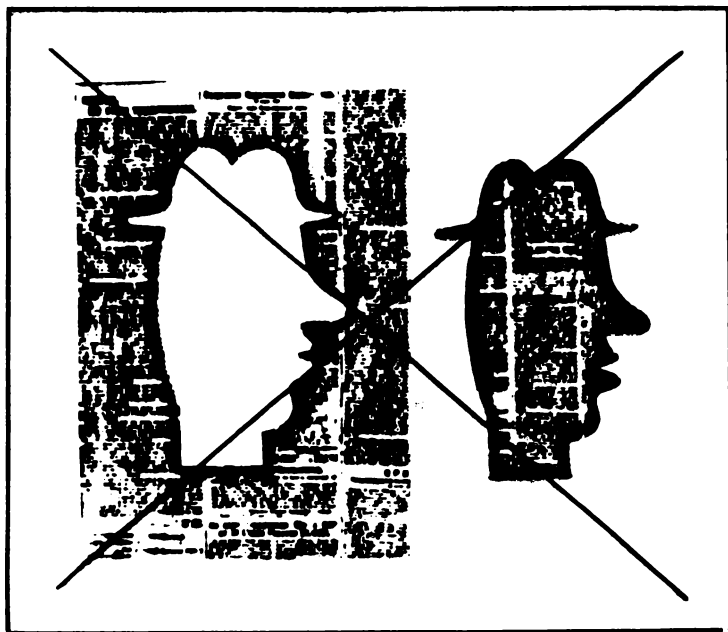
— Лесин.

— А вы чей сын? — прямо спросил Федькин.

— Лесина, — прямо сказал молодой человек.

Федькин такого не знал. Он оторвал от календаря листок и стал ровно закрашивать его чернилами. Ему казалось, будто он белит потолок.

Лесин смотрел и ждал, когда можно будет за-



говорить о своих делах, а Федькин про его дела уже слышал, ему было неинтересно.

— У вас есть родители? — поинтересовался Федькин.

— Конечно, — удивился Лесин.

— А вам не стыдно второй год не работать?

— Так вы же мне не даете.

— Я?

— Ну а кто? Для того чтобы я начал работать, вы должны подписать бумагу, а вы эту бумагу не подписываете уже второй год. А я второй год хожу к вам, как на службу, и улыбаюсь и делаю вид, что ничего не происходит. Вы — мой враг!

— Я не враг, — поправил Федькин. — Я дурак.

— В каком смысле? — растерялся Лесин.

— В умственном.

— Понятно. — Лесин моментально поверил, и Федькина это обидело. — Я понимаю, — повторил Лесин, — но и вы меня поймите. Я два года ничего не делаю. Вы дурак, а я-то при чем?

— Займитесь чем-нибудь другим...
— Почему я должен заниматься не своим делом?

— Я всю жизнь занимаюсь не своим делом,— грустно сказал Федькин.

— А кем бы вы хотели быть?

— Маляром.

— По-моему, это механическая работа,— пренебрежительно сказал Лесин.

— А ты попробуй побелить потолок,— оскорбился Федькин,— а я посмотрю, какая у тебя лестница получится. У меня, если хочешь знать, кисточка из Франции...

Федькин стал рассказывать про кисточку, это было очень интересно. Лесин слушал и кивал, потом посоветовал.

— А вы плюньте и идите маляром.

— На кого плюнуть? — уточнил Федькин.

— На всех.

— На всех не могу. Перед женой неудобно. Каково ей под старость лет быть женой маляра?

— Если она вас любит — поймет,— сказал Лесин, и лицо его стало печальным, а голос ломким. Видимо, Лесина кто-то не понимал.

— Она-то поймет, а вот знакомые... Сразу увидят, что я дурак. Из начальников в маляры пошел.

— А вы сделайте так, чтобы вас уволили.

— Не уволят... — задумчиво сказал Федькин. — Я ведь не вор, не алкоголик какой-нибудь.

— Дурак — это очень серьезно! — Лесин поднял палец. — Вы просто недооцениваете. Услужливый дурак — опаснее врага.

— Я не услужливый. Я равнодушный. Нет... — Федькин расстроился. — Это не пройдет.

— Ну, а вы просто обратитесь к вашему начальству,— стал учить Лесин, у которого был опыт. — Подите поговорите, так, мол, и так... Может, войдут в положение.

Начальницей Федькина была женщина. Когда Федькин вошел к ней в кабинет, она кричала в телефонную трубку:

— Эф равно эм ве квадрат деленное на два. Зачем ты звонишь ко мне на работу, неужели ты не можешь посмотреть в учебнике?

Федькин понял, что внук начальницы делает сейчас уроки по физике, а она управляет им на расстоянии.

Начальница бросила трубку и пожаловалась:

— Это какой-то сумасшедший дом. Работаю на них как вол, и никакой благодарности. И что только с ними будет, когда я умру.

Федькин знал свою начальницу пятнадцать лет, и пятнадцать лет назад она говорила то же самое. Люди с возрастом не меняются. Меняются их возможности, а сами они остаются прежними.

— Что у вас? — спросила начальница.

— Я хотел бы уйти с работы,— сказал Федькин.

— Куда?

— Маляром.

— Обиделись?

— Нет.

— А в чем дело?

— Просто я не подхожу... по уму...

— Кто сказал? — насторожилась начальница.

— Никто. Я сам узнал.

— А давно вы об этом узнали?

— Нет. Только сегодня. Один день.

— А я знаю об этом все пятнадцать лет, которые вы у меня работаете. И я вас очень прошу: не говорите больше никому, что вы дурак, и не вздумайте писать заявление, иначе в дураках оказываетесь не вы, а я.

— Вы думаете о себе, когда речь идет об общем деле,— оскорбился Федькин.

— А общее дело не может пострадать от одного дурака.

Федькин пошел к самому главному начальнику. Главный начальник был седой и красивый, только маленького роста. Внешне он походил на Наполеона Бонапарта, и его звали за глаза не Михаил Иванович, а Мишель.

Мишель постоянно торопился и постоянно не успевал. Когда к нему кто-нибудь приходил, он вставал со своего стула и улыбался. По системе Станиславского существуют две настройки: сверху и снизу. Каждый начальник в разговоре с подчиненным соблюдает настройку сверху. Мишель придерживал-

ся настройки на равных, так что посетитель иногда путал, кто из них двоих начальник.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, — начал Федькин.

Мишель встал и улыбнулся.

— В двух словах, — попросил он. — У меня толь ко полторы минуты.

— Я дурак, — сказал Федькин. — Получилось ровно два слова.

— Раз вы понимаете, что вы дурак, значит, вы уже не дурак.

Федькин хотел возразить, но у Мишеля кончилось время.

— Все, — сказал он, — я должен в Индию лететь.

Федькин медленно шел по коридору и думал о том, как отвратительно покрашены здесь стены, как неряшливо побелены потолки. А если бы сделать это по-настоящему, то у начальства, у всех, кто здесь бывает, возможно, менялось бы настроение. А за пятнадцать лет, которые ушли неизвестно на что, он мог бы побелить много потолков и научить этому других. А время ушло. Ушло гораздо больше, чем осталось. И не случайно он проснулся сегодня среди ночи.

В коридоре за низкими столиками на красных плетеных стульчиках сидели люди — курили и разговаривали, беспечно поводя руками. Когда подошел Федькин, все замолчали, и он понял, что все говорили о нем.

Федькин хотел пройти дальше в свой кабинет, но не сделал этого. Сел на красный плетеный стульчик.

— Ну, — живо спросил Лесин, — сказал им? — Лесин перешел почему-то на «ты».

— Сказал.

— Ну? — участливо спросили остальные.

Федькин промолчал. Вид у него был расстроенный.

— Так сразу ничего не добьетесь, — осторожно намекнули остальные.

— Так сразу ничего не добьешься! — подтвердил Лесин. — Пробивай!

Александр и Лев Шаргородские

Вредная работа

Водопроводчик Булыжников лежал на диван-кровати и издавал звуки, напоминающие заунывное пение водопроводных труб.

Утром он почувствовал себя неважно и сейчас ждал врача.

В дверь позвонили.

Булыжников встал и, с трудом добравшись до двери, открыл. На пороге стоял участковый врач.

— Простите, вы Булыжников? — спросил врач, чем-то похожий на доктора Дымова.

— Да. Здравствуйте, доктор. Вы меня не узнаете? — гриппозным басом произнес Булыжников.

— Как же. Узнал. Наш водопроводчик, — улыбаясь, ответил доктор и тут же совершенно изменившимся голосом строго, по-деловому спросил: — Значит, вы вызывали, хозяин?

— Я, — подтвердил Булыжников. — Занемог что-то...

— Неа, не пойдет, — грубо сказал доктор, внимательно изучая водопроводчика. — Пойду, пожалуйста...

— Доктор, в чем дело? — растерянно спросил Булыжников.

— Да вы что, хозяин?.. С таким ростом. — Он указал на почти двухметровую фигуру водопроводчика. — Сейчас высоких не берем. Вон со средним ростом сколько просят. Работы хоть отбавляй.

— А-а... что же делать?

— Вам лучше знать, хозяин.

Водопроводчик задумался и, вдруг хлопнув себя по лбу, понимающе произнес:

— Ой, извините, доктор.

Он достал из бумажника деньги и протянул их врачу.

— Ну ладно уж, — сказал доктор, — положите там, на тумбочке... Сами понимаете, какая работа... Вредная.

Доктор забрался на табуретку, заглянул в горло водопроводчика и вдруг, быстро соскочив, в испуге бросился к двери.

— К-куда вы? — закричал ему вслед водопроводчик.

— Чего же не предупредил, хозяин? — гневно бросил доктор. — Ты же заразный. У тебя ж полное горло стрептококков. А я мог и в другое место пойти. Меня всюду просят. Вот клиент вызывал. С ногой лежит. Все тихо, спокойно. И ниже этажом, между прочим. Так что, извините. Я пошел.

— Я учту это, — жалобно простонал водопроводчик, вновь доставая бумажник.

— Возись с вами, — проворчал доктор. — Положь на первую. Работай здесь во вредной среде. Лечить-то как будем? С вашим материалом?

— В каком смысле?

— Ну и непонятливый ты, хозяин. Чему вас только в школах учат? Лекарства-то чьи. Наши? Ваши?

— Дык... у меня ж их нету. Дык это ж не трубы.

— Черт с тобой, — сказал доктор... — Положь на те две... Да место для работы приготовь.

Пока врач наполнял шприц, Булыжников нехотя стянул штаны и лег на диван-кровать...

— Да ты не волнуйся, хозяин, — сказал доктор. — Струмент справный. Я работаю аккуратно, грамотно. Переделывать не придется...

— О-о-ой! — закричал Булыжников. — Больно.

— Ты что шумишь? Только половину же влил. Вечером приду — dokonчу.

И, оставив шприц невынутым, доктор направился к двери.

— Куда же вы, доктор? Что мне, до вечера так лежать? — почти заплакал Булыжников.

— А меня это не касается. Опохмелиться я должен? Вот ты лежишь, а я тут работаю как проклятый... Ну, хозяин, до вечера.

— Доктор! Доктор!...

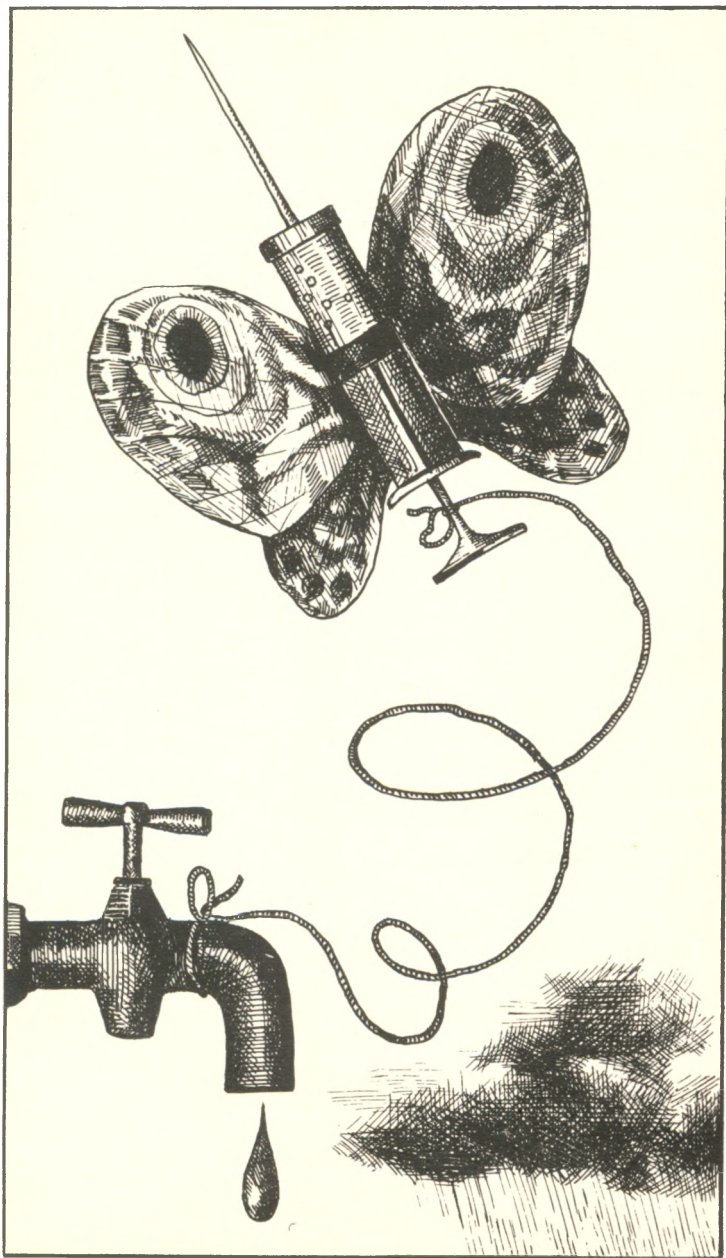
— Ну что тебе?

— Сколько? — В голосе водопроводчика слышалось отчаяние.

— Сколько дадите, — уточнил доктор.

Водопроводчик с трудом дотянулся до бумажника...

Доктор подошел, закончил укол и, собрав чемоданчик, небрежно произнес:



— Ну все. Я пошел...

— А бюллетень? — почти возмущенно произнес полуподнявшийся Булыжников. — Без бюллетеня-то как?...

— Об этом не договаривались, хозяин.

— Но это же само собой.

— Само собой, говоришь? А что бумага дефицит, знаешь? Трать там на всякие бюллетени...

Доктор задумался, потом махнул рукой и, примиряясь, сказал:

— Ладно уж. Сколько там, на тумбочке? Прикинь-ка...

— И так знаю. Двадцатку из меня выжали.

— Ну так вот, хочешь бюллетень — десятку доложь, и по рукам.

— У-у, шкурники, — почти пропел водопроводчик, — совести у вас нету. — Но десятку добавил.

Доктор меж тем выписал бюллетень и как бы невзначай мягким, бархатным голосом спросил:

— Да, простите, пожалуйста, сколько вы у меня за бачок в туалете сверх запросили?

— Ну чего уж там, доктор, вспоминать, — протянул Булыжников. — Чего там...

— А все-таки сколько? — очень интеллигентно настаивал доктор.

— Да тридцатку...

— Так будьте любезны, возьмите там на тумбочке и, как поправитесь, попрошу вас ко мне. Буду очень рад.

И доктор, собрав чемоданчик, тихо вышел.

Евг. Шатько

Заповедное слово

Жена подала мне цветастый кисет, который только что сострочила на машинке.

Я высыпал в него шесть пачек махорки.

— Ватник не чисть, — предупредил я и надел ссохшиеся кирзовые сапоги.

— Ты опять за свое... — со вздохом сказала жена, подавая мне мешок в дверях.

— Ну будя, будя, — ответил я и потерял ватником о побеленную стенку. — Будя. Прощевай, любушка!

Первые пятьдесят километров — дачи да поселки — не интересовали меня. Ну его, урбанизм! На шестом десятке мелькнул пегонький теленок с пятнами вокруг глаз, будто в очках! Пошел, пошел материал! На сто первой версте я вылез из вагона. Парная темь застилала глаза.

Я свернул козью ногу, поскреб подзаросший подборонок (пятнадцать дней не брился) и спросил железнодорожника с металлическим сундучком:

— Сумнительно чтой-то... аль это Жмыхово?

— Аль не видишь? — ответил он язвительно.

Я выбрел на площадь. Автобус до Жмыхова стоял у ларька. Я поискал хошь какую-нито телегу, чтоб с сеном беспременно: не нашел и взошел в автобус. Был он гожий, молочного цвета — совсем не то. Два-три пассажира дремало, кондуктора тоже не имелось — не разговоришься!

Я оторвал билет и сипло сказал:

— Студено быдто бы... ай не больно?

Никто не откликнулся.

Когда за окном залучились огоньки села, я постучал водителю.

— Отчини дверцу, отчини! — закричал я. — Закуржавел я, вишь, сдрему-то; невзначай мимоедом избу прошмыгнешь!

— Я вас не понимаю, — ответил водитель к тихому моему удовольствию.

Я быстро пошел к крайней избе, думая: «Перво-наперво парного, как водится, молочка испью. Испью, а там разговор сам потекет».

Сопя, я постучал.

Мне стали открывать не спрашивая.

«Патриархальность, патриархальность-то какая!» — подумал я и воскликнул:

— Прймайте странника!

Из сенных сумерек на меня кинул лешачий взгляд хозяин.

— Проходи, проходи, светлый ходок, — улыбнулся он космато, с лукавиной. — Чай, по радуге пришел?

— По ей, по ей, — ответил я, входя и доставая сразу кисет.

Я в пояс поклонился хозяину, по рукам видать — изрядному пахарю:

— Парного бы... стал быть... молочка... Уж не обрезонь, стюдено шибко!

— Ай румку не примешь? Охолодал ить? — светясь, спросил хозяин, ушел за перегородку, чего-то там пошебаршил и вынес мне рюмочку.

Я выпил, и что-то отдало вроде коньяком.

— Индо слеза, право слово! — похвалил я и утерся кисетом. — Сам, бывает, гонишь?

— Казенная. Ты садись, папаша, рассупонивайся. — Он указал мне на красный угол и поставил на стол бутылку. — Не мешкая и почнем.

— Что ж, почнем! — согласился я и начал вторую рюмку.

— Вы петь будете или речитативом? — вдруг спросил хозяин любопытно.

«Славный какой мужик! — подумал я радостно. — Сейчас про жито, про озими потолкуем, а там и заповедное слово выскакнет».

— Начинайте, не стесняйтесь! — сказал пахарь и налил мне третью рюмку.

— Чего начинать-то? — спросил я любезно.

— С былины начинайте! — попросил он и сбегал для чего-то за перегородку.

«Уважить надо мужика», — решил я и начал школьной скороговоркой:

— «Уж он сошку-то бросил за ракитов куст.

Исполать тебе, детинушка, торговый гость!»

— Стой, стой, — изумленно сказал хозяин и кинулся за перегородку.

Я схватил его за руку и запел:



— «Мне царевну и даром не надо,
чуду-юду я и так победю!»

Он надел пенсне и удивленно уставился на меня.

— Я тебе ишо и спляшу! — закричал я. — Хошь
лубяную кадсель, хошь лыковый перепляс!

Я пошел выделывать сапогами, размахивая кистетом над головой.

«Сливаюсь с народом, — радостно стучало в груди, когда я зазывно дробил сапогами перед милым пахарем. — Сливаюсь и стираю грань».

Пахарь, однако, сызнова бросился от меня за перегородку, я вприсядку вкатился за ним туда и едва не сбил с табуретки включенный магнитофон.

— Это что за агрегат? — спросил я тоскливо.

— Слушайте, бросьте дурочку ломать! — сказал он раздраженно. — Вы из Москвы?

— Из ей! — сознался я. — В народ командированный, слиться чтоб... На трое сутки. А ты что, — я кивнул на магнитофон, — наука, штоль?

— Она и есть! — ответил он. — Институт этнографии, былинный сектор.

— На диссертацию материал наскребаешь, что ли? — спросил я.

— На ее! — ответил он со вздохом.

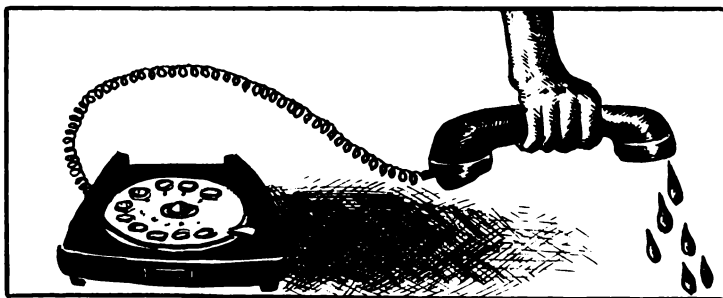
Николай Шахбазов

Мои знакомые

Кто-то сказал, что кто-то умер от рака. Умершего никто из присутствующих не знал, но все закивали головами, и каждый назвал кого-то, кто тоже умер и тоже от рака. Разговор перешел на покойников, и вспомнили, что кремация была известна еще древним индийцам. «Совершенно верно, — сказал молодой человек, — древние индийцы не хоронили мертвых, а предавали огню». Когда выяснилось, что кое-какие обычаи индийцев сохранились до наших дней, была высказана мысль, что недурно было бы попутешествовать, посмотреть, что делается на белом свете. «Не то что о древних индийцах, — сказал молодой человек, — но даже о Верроккьо и Леонардо невозможно судить по репродукциям». Все опять закивали головами, и каждый сказал, что судить по репродукциям о Верроккьо и Леонардо не представляется никакой возможности.

В это время хозяйка дома подала кофе, и сахарница пошла по рукам, и одна из женщин — жена военного, которая весь вечер молчала, — вдруг сказала, что сегодня на рынке брала молоко и очень дешево. Тут все заговорили разом, и ничего нельзя было понять, однако было совершенно ясно, что так продолжаться не может. Кто-то запоздало вспомнил, что у его соседей какой-то родственник тоже умер от рака, но на него замахали руками. Кто-то сказал, что хорошо бы собираться почаще, лучше всего у Смоличей или, как прежде, у Потаповых. Кстати, можно собираться также у Бутковских, они недавно получили новую квартиру, и, говорят, Татьяна Павловна наконец уехала.

«Уехала? Татьяна Павловна уехала?» — послышалось со всех сторон. «Не верится, чтобы Татьяна Павловна уехала», — сказала та, что покупала на рынке молоко. «Не может быть, чтобы Татьяна Павловна уехала, — сказал молодой человек, — этого положительно не может быть». «Позвольте, — сказал муж хозяйки дома, — я тоже слышал, что Татьяна Павловна уехала». Все опять заговорили, и общество разделилось на две половины — одна половина



утверждала, что Татьяна Павловна уехала, другая — что этого не может быть.

«А куда уехала Татьяна Павловна?» — спросил кто-то. «Какая разница? — сказала хозяйка дома. — Важно то, что она уехала». «Она уехала туда, откуда приехала», — сказал муж хозяйки дома. Он тоже не знал, куда уехала Татьяна Павловна. «Не то в Ачинск, не то в Барнаул», — сказала та, которая покупала на рынке молоко. «В Барнаул!» — подтвердил муж хозяйки дома. «И все же собираться надо у Бутковских, — сказал рассудительный голос. — Уехала Татьяна Павловна или нет, собираться надо у них: у них три комнаты и нет детей».

«Но ведь у них нет и телефона, — сказал муж хозяйки дома. — Во всех этих новых домах нет телефонов». «Я завидую всем, у кого нет телефона, — сказал голос, который недавно рассуждал о древних индийцах, — от этого телефона одни только неприятности». «Вы знаете, — воскликнула хозяйка дома, что-то вспомнив, — две ночи подряд к нам кто-то звонит. Александр Васильевич подходит к телефону, а там молчат и дуют в трубку». «У моих знакомых был точно такой же случай», — сказал молодой человек. «Необходимо сообщить в милицию», — сказал рассудительный голос. «Лучше не сообщать, а то снимут телефон», — сказала жена военного, которая покупала на рынке молоко. «Тогда придется собираться опять у Потаповых, — сказал рассудительный голос. — Кто же станет ездить к Бутковским, не зная, дома они или нет?»

Потаповы жили в центре города, а главное — у них был телефон и с ними всегда можно было созво-



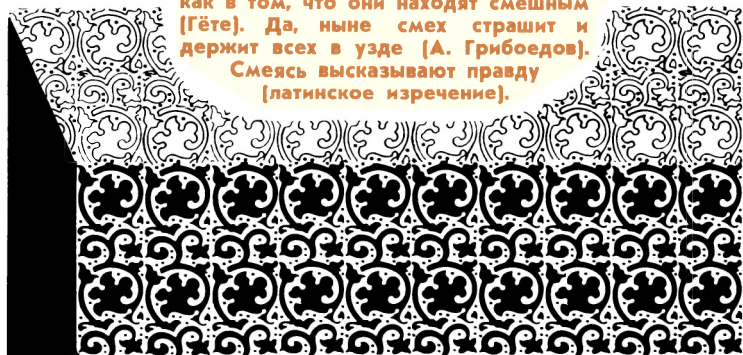
ниться. То, что Потаповы жили в центре, и то, что с ними можно было созвониться, в особенности второе, говорило о том, что собираться надо у них, а не у Бутковских и даже не у Смоличей. Это было ясно с самого начала, но почему-то об этом никто не сказал, а потом, когда так и решили, все удивились, что до сих пор никому это не приходило в голову. Все остальное было уже гораздо проще, и так получилось, что, не сговариваясь, все одновременно поднялись с мест. Разговор в коридоре касался одних мелочей, которые нет надобности здесь приводить, и каждый, прощаясь, чувствовал себя по-своему счастливым, придя к выводу, что жизнь, что бы там ни говорили, довольно любопытна.



ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

СТИХИ

О как же беден ум, убитый простой
насмешкой [У. Шекспир]. Ни в чем
не проявляется так характер людей,
как в том, что они находят смешным
[Гёте]. Да, ныне смех страшит и
держит всех в узде [А. Грибоедов].
Смеясь высказывают правду
[латинское изречение].



Константин Ваншенкин

* * *

Как часто все-таки талант
Бывает замкнут узкой сферой,
Но в то, что он везде гигант,
Проникнут все ж наивной верой.

Нет, не рассеян, не смешон,
Не просто в жизни непрактичен —
Чего-то начисто лишен
И беспощадно
ограничен.

Талант и ум — из разных групп,
Высокий гений, четкий логик
Бывает в жизни даже глуп
И жалко морщит важный лобик.

Евг. Винокуров

Молодому

Есть все у тебя,
Но наивности мало,
Чтоб щеки вдруг по уши вспыхнули ало,
Чтоб попросту, — вдруг побледневши с лица, —
Нелепо схватить за грудки подлеца..
Есть все у тебя,
Но наивности мало.
Жизнь все-таки крепко тебя обломала!..
И глаз не потупишь! Не вспыхнет дебош!..
...Ты смотришь хитро
И затылок скребешь...

Владимир Лифшиц

Страшный сон

Сатирику приснился страшный сон.
Под одеялом
В духоте квартиры
Увидел он...
Во сне увидел он,
Что больше нет объектов для сатиры!
Официанты с нами не грубы.
Все юноши в метро стоят —
Сидят старушки.
Столетние не рубятся дубы.
Не сносятся старинные «избушки».
С весами не колдуют продавцы.
Кассирши не утаивают сдачу.
Несет в детсад бесплатно огурцы
Тот, кто имеет собственную дачу.
В лесах не истребляется зверье.
Выпускники Москву покинуть рады.
Набившее оскомину старье
Нигде не исполняется с эстрады.
Трамвайные кондукторши добры.
Сдаются школы в срок, без опоздания.
Счастливые плывут по Волге осетры
В район прицельного икрометанья.
Дым не коптит небес.
На шорты снят запрет.
Залив асфальт,
В нем не буравят дыры...
Сатирик — в ужасе,
Но что поделывать?
Нет
Ни одного
Объекта для сатиры!..

Он стонет, мечется,
Но вот — в себя пришел,
Включает свет дрожащею рукою,
На сахар капает пахучий валидол, —
Ну и кошмар...
Приснится же такое!..

Роберт Рождественский

Опять приходит тема

Опять	другие —
приходит тема	в любовники.
негаданно,	Ведут себя
нежданно...	предерзко,
Литература —	хватают
дело.	за коленку.
Литература —	(Один прозаик
дама.	детский
Литература —	съел
правда.	взрослого
И пуля	коллегу.)
в пистолете.	В рубашечках
Литература —	сатиновых, —
прачка.	кто —
Литература —	в шурины,
леди.	кто —
Скрываемого	в девери...
возраста	(Упала ветка
музейной красоты.	с дерева,
По должности, —	зашибла
как водится, —	двух сатириков.)
она с любым	Племянницы,
на «ты»...	племянники
К ней подъезжают,	с портфелями,
кланяясь.	с сумой
Стремятся	дымятся,
в сыновья.	как времянки,
(Стоят в сторонке	холодную зимой.
классики —	Влезают
ленивые	на котурнах
мужья...)	в типичное не то...
Исследуя за полдником	Мадам
критические	Литература,
пончики,	а я у вас
одни	кто?
идут в работники,	

Николай Глазков

Баллада о похищении
стеклянной ткани

Лезет, лезет вор в окно
На завод «Стекловолокно».
Из окна выносит он
Ткани шелковой рулон.
Говорит жене своей:
— Сколько хошь белья
нашей
И простынку сделай мне,
Будем спать на простыне.

От рассвета дотемна
Шьет рубашечки жена.
Ночь. Легли супруги спать
На совместную кровать
И на новой простыне
Пребывают в сладком сне.
Просыпаются, встают,
Ощущают в теле зуд.

Простыня из полотна,
Но стеклянная она,
И осколочки, стекла
Разъедают их тела!..

Говорит жена: — Ох, ох!
И спина зудит и бок!..
Муженек мой мне помог,
Видно, метит шельму бог..
Лучше, черт тебя возьми,
Повинись перед людьми,
Отнеси туда, где взял,
Распроклятый матерьял!

Вор относит полотно
На завод «Стекловолокно».
Говорит: «Повинен, да,
И достоин я суда!..
Но мучительней, чем суд,
Нестерпимый этот зуд.
И жены моей зудеж,
От него не удерешь!»

Говорят, с тех самых пор
Перевоспитался вор.
Честно трудится давно
На заводе
«Стекловолокно»!

Павел Хмара**Стихи о правильном питании**

В Крыму. В дыму. На берегу Иртыша.
В любви. В бою. В круговороте дела.
Духовной пищи требует душа
не меньше, чем насыщенной пищи тело.
Но если тело жить нам не дает,
пока ему не выделена норма,
душа молчит, когда не ест — не пьет,
и незаметно тает с недокорма.
И человек становится другим:
он — автомат, бездушный простофиля.
О, сколько душ растаяло, как дым,
не выдержав духовной дистрофии.
Но, бегая, плодясь, трудясь, дыша,
играя в сногшибательные игры,
не всякий замечает, как душа
последние утрачивает фибры.
Не доводите дело до беды.
Кому не поздно — хватит бить баклуши!
Душа никак не может без еды.
Друзья мои, кормите ваши души.

Лев Щеглов

И задан был вопрос Дантесу:
— Вам не тревожно ли, Дантес?
Когда вы слушаете мессу,
Вас не страшит ли гнев небес?

— Нет, —
Отвечал он равнодушно, —
Вины своей не вижу здесь,
Была дуэль.

— Но он был Пушкин!
— А я Дантес, —
Сказал Дантес.

Когда на страшный суд однажды
Иуда будет приведен,
— Он был Исус, —
Иуде скажут,
— А я Иуда, —
Скажет он.

Юрий Айдаш

Как я не стал сатириком

Я был среди всего села
Отчаянный задира,
И потому всегда влекла
Меня к себе сатира.
Я с детства полюбил «Капкан»*
И жить меня учил
Веселый дедушка Иван —
Мудрец Иван Мучи**
Быть может, рос бы из меня
И Гоголь и Щедрин,
Но у меня была родня,
И я родню щадил.
Возьмусь, бывало, за перо —
Строка по пьянству бьет!
А мой отец,
Он что — ситро
По воскресеньям пьет?
Я осмеять, конечно, рад
Семейный домострой!
А как живет с женою брат?
Как муж живет с сестрой?
Сатира все-таки нужна.
Страшитесь, кто ворует!
Но вот беда — моя жена
В пивном ларьке торгует.
За тему новую берусь —
Решился наконец:
Достоин осмеянья трус!
А сам я что — храбрец?

Перевел с чувашского
Лев Щеглов

* Чувашский сатирический журнал
** Чувашский сатирик.



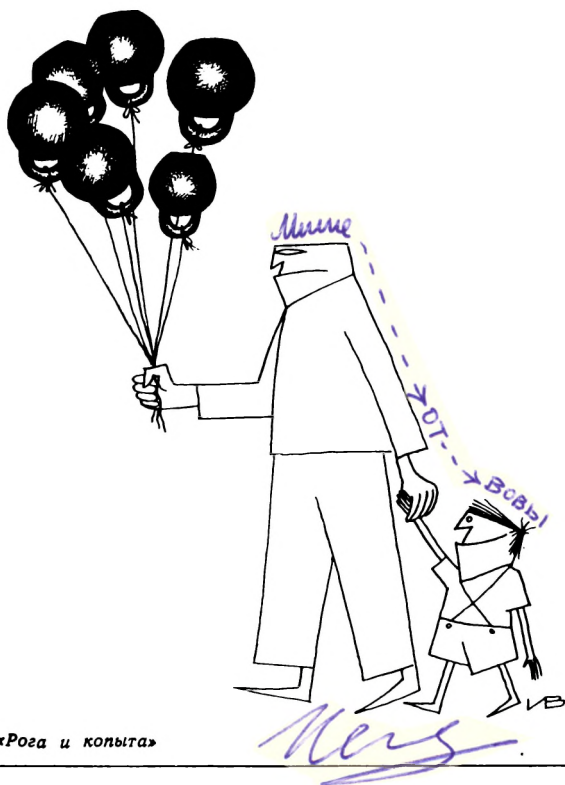
РОГА
И
КОШЫТА

СТЕНГАЗЕТА
КЛУБА

Некоторые
носят
шрамы
не на том
месте,
в которое
их ранило,
(Веслав Брудзинский)



В. Иванов



«Рога и копыта»

Письмо в редакцию

Разрешите через вашу газету «Рога и копыта» сердечно поздравить меня в связи с тридцатилетием.

Я. Кузькин

Вести из министерств

Как сообщило недавно Министерство образования, в некоторых институтах, чтобы увеличить посещаемость лекций студентами, ректораты разыгрывают среди присутствующих памятные подарки.

Нам сообщают

Коллектив Заборуевского ликеро-водочного завода в те-

чение первого квартала выполнил годовой план дегустации напитков.

Происшествие

Вчера на улице гр. Сидоркин вытащил буквально из-под колес автомашины гр. Федякина. Отвечая на вопрос нашего корреспондента, гр. Сидоркин скромно сказал:

— Было трудно!

Как выяснилось в дальнейшем, гр. Федякин находился под своим автомобилем, ремонтируя его.

Хочу все знать

На ночном небе легко найти сверкающее созвездие

В. Иванов



«Рога и копыта»

Козерога. А если необходимо узнать его местоположение в ясный солнечный день? В этом вам помогут наручные часы. Направьте часовую стрелку на Солнце, а минутную — на юг. Вот тут-то секундная стрелка и покажет, в какой стороне небесной сферы находится данное созвездие.

Вам, хозяйки!

Возьмите сырое куриное яйцо, заройте его на 15—20 минут в мокрый песок, затем выньте, положите на стол и попытайтесь сильным ударом разбить его. Сообщите в редакцию, что у вас получилось.

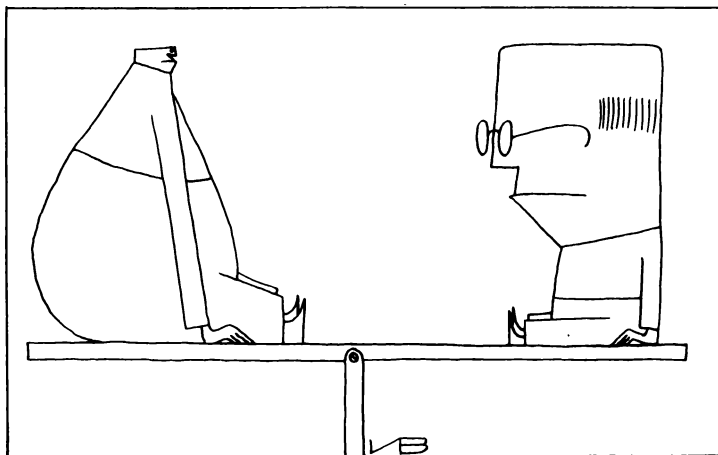
Ограбление

Вчера в один из магазинов города ворвался мужчина в маске. Угрожая кассирше пугачом, он отсчитал 2 руб. 87 коп. и скрылся в неизвестном направлении. Вскоре его задержали в пивной. Грабитель объяснил, что это был единственно возможный способ отнять у жены часть его зарплаты, которую та систематически забирает.

Интересная находка

Во время археологических раскопок недалеко от города Пупвиль найдена стоянка пер-

В. Иванов



«Рога и копыта»

вобытного человека. Среди остатков каменных орудий обнаружен складной нож с костяной ручкой, отделанной изящной резьбой. Нож имеет два полированных лезвия и штопор.

Реклама

Швейцарская фирма Шафхаузен наладила выпуск микроскопических часов, которые наклеиваются на роговицу глаза, циферблатом внутрь. Теперь каждый, кто носит такие часы, не только знает, но и все время видит точное время, причем эти часы мешают глазу не больше, чем крупная соринка.

Полезные советы

Если в бидон с молоком бросить пару позитронов, молоко долго не прокисает.

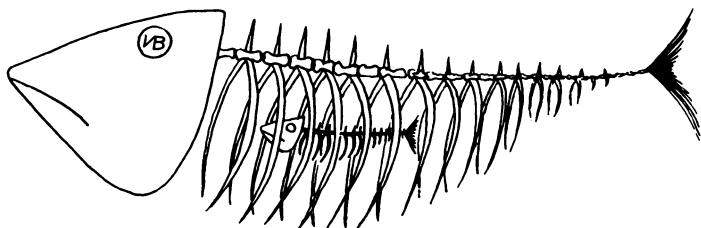
Ученые заглядывают в будущее

Социологи, гигиенисты и архитекторы пришли к заключению, что существующий сейчас тип бань с отдельными отделениями и отдельной подачей горячей и холодной воды сохранится и к 2000 году.

Для удобства потребителя

Коллектив конструкторского бюро мебельной промышленности создал стулья нового

В. Иванов



«Рога и копыта»

образца. Четыре ножки обеспечивают устойчивость стула, а наличие спинки создает дополнительные удобства для сидящего.

Редкий случай

Во время тренировки пожарник т. Погорелов Д. Д. сорвался с 40-метровой лестницы и упал на бетонную мостовую. Но он остался жив, избежав даже ушибов и царапин. Врач скорой помощи высказал предположение, что благополучный исход можно объяснить тем, что т. Погорелов Д. Д. к моменту падения успел подняться только на вторую ступеньку лестницы.

Поправка

Расстояние между Парижем и деревней Малая Касинка составляет 2447 км, а не 2446 км, как ошибочно сообщалось ранее.

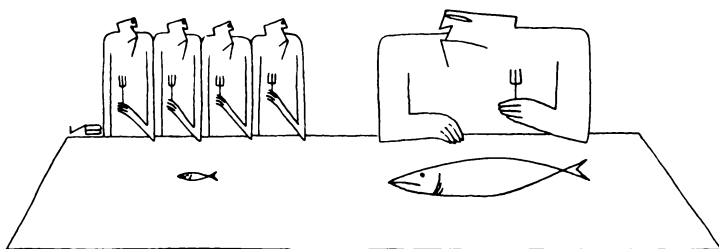
Феномен

В Одессе живет мальчик, которого все родные и некоторые знакомые считают своего рода математическим феноменом. Ему 13 лет, но, несмотря на это, он совершенно не умеет считать.

Новое строительство

Как известно, в стены домов, построенных из железобетона,

В. Иванов



«Рога и копыта»

бетонных панелей, невозможно забить гвоздь. Это привело к рождению клана леваков-умельцев, берущих за работу подырно от рубля и выше. Исследовательской группе, руководимой молодым архитектором Л., удалось получить интересное решение проблемы. Стеновые панели теперь будут состоять из большого количества сквозных отверстий. Новоселы по получении ордера на квартиру развешивают на стенах произведения мастеров живописи и графики, а лишние отверстия заделывают имеющимся подручным материалом.

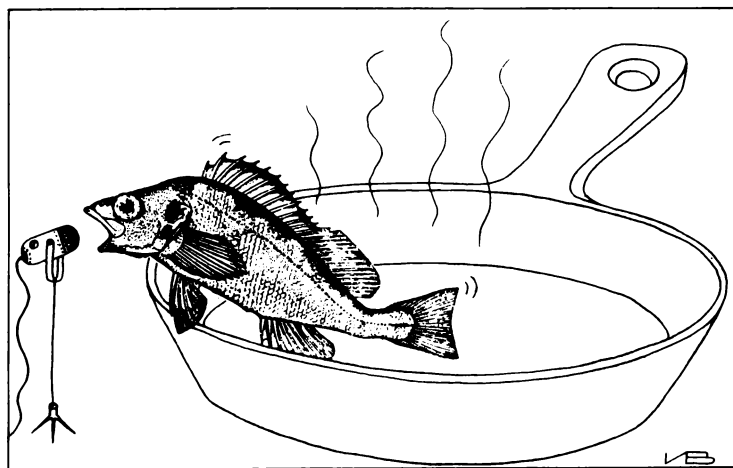
В записную книжку болельщика

Достигнута договоренность о проведении первого чемпионата мира по игре в домино. Несмотря на чинимые организаторами чемпионата препятствия, княжество Монблан от участия в играх отказалось.

Игра природы

9 сыновей и 8 дочек есть у Г. Силкина. Интересно, что все мальчики родились от нечетных жен, а все девочки — от четных.

В. Иванов



«Рога и копыта»

Открытие

Кандидат философских наук З. Г. Пури-Танин, стирая в отсутствие жены белье в стиральной машине «Тула-3», неожиданно уяснил, что в течение полутора часов он стирал грань между умственным и физическим трудом.

Жесткие правила

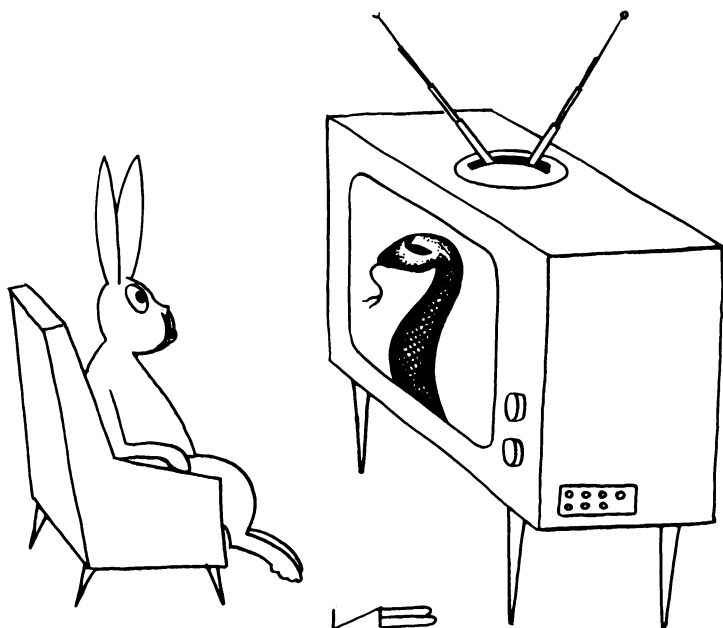
Известный английский астроном Фиксуэлл в одном из созвездий к юго-западу от Земли обнаружил планету, населенную разумными существами. Каждый житель планеты имеет три ноги. Естественно, что туземцы увлекаются футболом.

Однако футбольные правила здесь более жесткие, чем на Земле: за игру третьей ногой в своей штрафной площадке назначается пенальти.

Хобби пенсионерки

Селекция растений — хобби пенсионерки Кошкиной М. Ф. Летом целыми днями неутомимая старушка копается на своем огороде. Недавно старания этой энтузиастки увенчались большим успехом. Кошкина скрестила два совершенно разных растения — фикус и кактус. Смелый эксперимент удался. Сейчас в огороде пышно цветет удивительный гиб-

В. Иванов



«Рога и копыта»

рид, который пенсионерка любовно назвала фиктусом. Вот к чему привело хобби.

Вундеркинды

Художник Джорогов написал свою первую картину, когда ему было 76 лет. Писатель Кириченко создал свой первый роман в 83 года. Актриса Лаконова впервые вышла на сцену, когда ей исполнилось 95 лет.

Но подлинным вундеркиндом нужно считать, конечно, кинорежиссера Солодихина, который в 102-летнем возрасте начал снимать свой первый хороший фильм.

Новости спорта

Группа энтузиастов-любителей обратилась в Олимпийский комитет с просьбой включить в программу предстоящих соревнований карточные игры.

Как нам стало известно, в настоящее время всю идет подготовка к соревнованиям. Для игры в «дурака» уже выделен стадион на 150 тысяч зрителей.

Миниатюрные маэстро

Увлечения коллекционеров бывают подчас самыми неожиданными. Например, известный московский драма-



В. Иванов

«Рога и копыта»

тург А. в свободное время дрессирует... кузнечиков. Он составил из них целый оркестр, в котором каждый из участников стрекочет на своей постоянной ноте. Оркестр этот уже исполняет несложные мелодии. Особенно отличается любимец хозяина — коктебельский кузнечик Гриша.

На зиму вся труппа погружается в спячку и лишь в начале апреля возобновляет свою концертную деятельность.

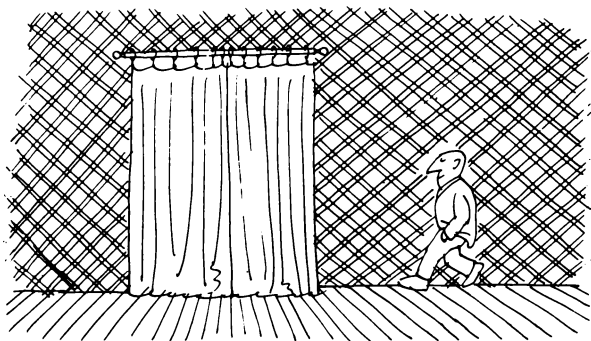
Антихобби

Служащий Петр Петрович Зайкин (г. Таганрог) утверждает, что человек, кро-

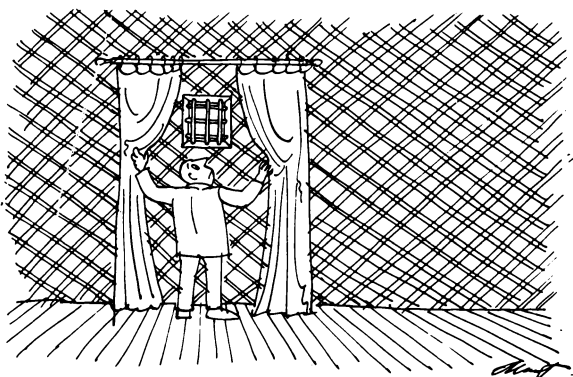
ме основной работы, ничем другим увлекаться не должен. Он презирает людей, имеющих так называемое хобби. Петр Петрович составил специальную картотеку всевозможных увлечений и чудачеств. Картотека насчитывает сейчас 151 484 656 987 карточек. Составлению ее Петр Петрович уделяет все рабочее время.

Путешествия

Исполнилось ровно три года с того дня, как завершилось знаменитое путешествие Пьера Ломартини, объехавшего земной шар на велосипеде. Водные преграды он преодолел



И. Макаров



«Рога и копыта»

вал с помощью океанских лайнеров. В пустынях пересаживался на верблюдов. Континенты пересекал на воздушных кораблях. И лишь, когда перед ним оказывалось благоустроенное шоссе, он садился в автомобиль. Велосипед путешественника ни разу не ломался.

Объявление

Пропала рукопись двухтомного романа. Автор заранее просит нашедшего принять его глубочайшее извинение.

Сплошь и рядом

Пьяный гражданин мешал людям ехать в трамвае. Он ругался и сквернословил.

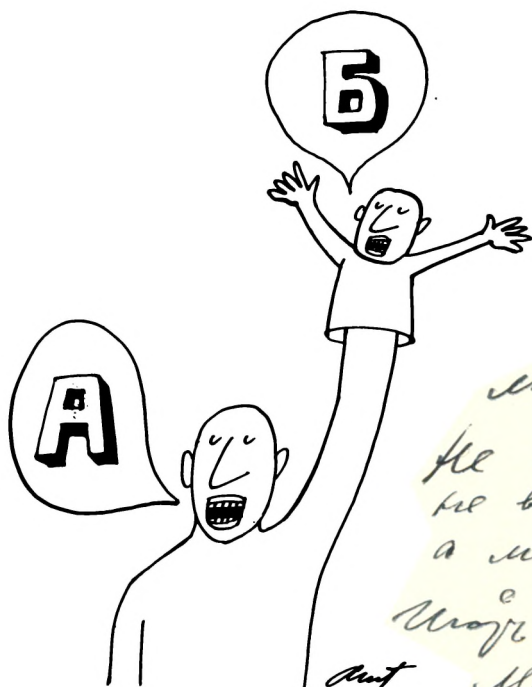
Но хулигану явно «не повезло». В этом же трамвае ехали на тренировку четыре боксера — члены сборной города.

Происшествия

Житель Чаквы Илико Ламджария, прогуливаясь по набережной, встретил друга, которого не видел... 121 год. Не удивительно — ведь Илико исполнилось недавно 146 лет. Но годы так изменили его друга, что старый Илико даже не узнал его. Как выяснилось впоследствии, старик вообще обознался.

Сто сорок четыре бутылки из-под различных напитков

И. Макаров



«Рога и копыта»

Мамочка!
 Не вижу
 не вижу,
 а денег...
 с маболом
 Маго
 Макуров
 дек: 1973

принес недавно в пункт по приему стеклянной посуды на проспекте Газа гражданин П. Три бутылки оказались неоткупоренными.

Для вас, любознательные

Некоторые басни Ивана Андреевича Крылова таят любопытные сюрпризы. Если, например, в басню «Волк на псарне» на место четных строк поставить нечетные строки из басни «Ворона и курица», то получится басня «Волк и ворона».

Руками умельца

Из простой березовой палки умелец Грушечкин сма-

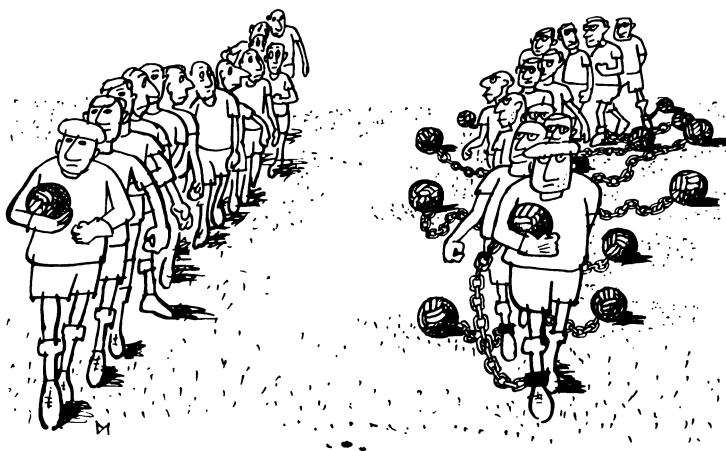
стерил палку о трех концах. Но, не найдя применения этому инструменту, Грушечкин придал своему изделию первоначальный вид.

Для вас, новоселы

Новый подарок подготовили для новоселов конструкторы мебели. Это кровать, которая одновременно служит люстрой.

Утром через несложную систему парных блоков вы подтягиваете кровать к потолку, к каждой ножке подвешиваете по электрической лампочке и получаете прекрасный современный светильник.

И. Макаров



«Рога и копыта»

Это интересно всем

Если взять годовую продукцию обувной фабрики «Возрождение труда» и все левые ботинки вытянуть в одну линию, то они опояшут земной шар по экватору два раза.

Происшествия

Милиция гор. Южногорска удалось задержать гражданина Гусева Николая Ивановича, долгое время скрывающегося под фамилией Коноплянская Мария Филипповна.

Заветный рубеж

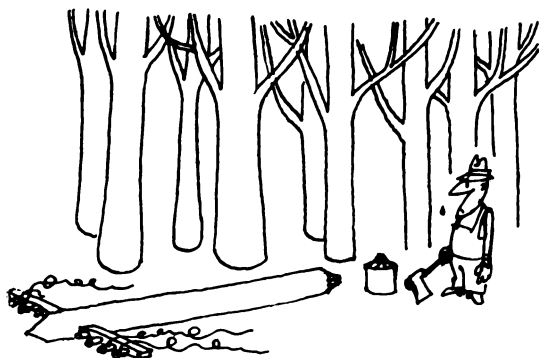
Общее собрание шоферов 3-й автобазы тепло поздравило своего товарища И. Прямухи-

на с новым достижением. Накануне его самосвал врезался в свой сотый столб.

Спорт

На улицах нашего города в пургу, гололед и вьюгу можно встретить человека, прогуливающегося в трусах да рукавицах. Это заслуженный «морж» республики С. С. Баштанник.

«По-разному приходят люди к рекордам, — рассказывает Семен Семенович. — Двери к спорту для меня открыл Новый год. Возвращаясь ночью после празднования, я подвергся раздеванию.



И. Макаров

«Рога и копыта»

До полочки оставалось более недели, и я стал бегать на работу в пыльнике. Настроение было прекрасное. Улучшился сон и аппетит. И тут случай свел меня с известным «моржом» тов. Башуриным. При его помощи и дружеском соучастии я приобщился к проруби. Вскоре я мог обходиться без пиджака, а теперь добился еще больших результатов. Надо мной ведет наблюдение Институт погоды. Недавно референт по ветру «северному слабому до умеренного» защитил на моих мурашках диссертацию. Я рад, что внес посильный вклад в науку».

Объявления

* Для съемок фильма «Большое ограбление имперского банка» киностудия купит миллион рублей старыми деньгами.

* Известному писателю срочно требуется няня. Желательно пожилую одинокую женщину по имени Арина Родионовна. Оплата посужетно.

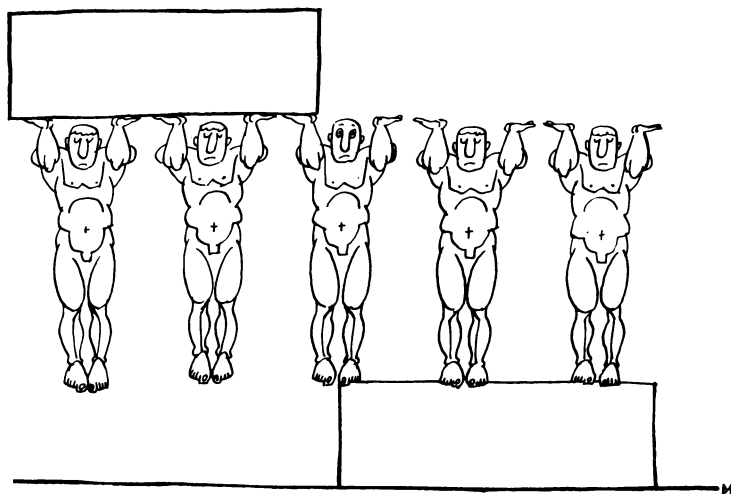
За рубежом

Женщины острова Доминика говорят на языке, отличном от языка, на котором говорят мужчины.

Объявление

Порю чувшь

И. Макаров



«Рога и копыта»

Наука

Чтобы умножить 163934 42622950819672131475409836 06655737044918032787 на 71, достаточно поставить в начале еще одну единицу, а в конце еще одну семерку.

Новое спортивное мероприятие

На острове Кальмар известный ныряльщик Кранкер установил новый мировой рекорд продолжительности пребывания под водой. Точное время рекорда пока неизвестно, поскольку замечательный ныряльщик до сих пор еще не вынырнул.

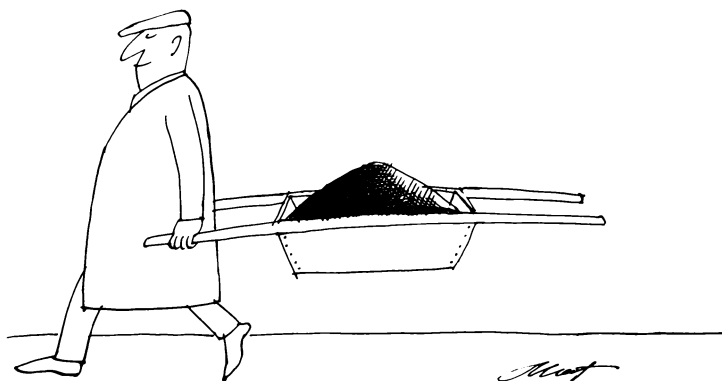
Кое-что о дельфинах

Удивительный случай произошел вчера на Черноморском побережье Кавказа. Знаменитый поэт Вольдемар Шмелев заплыл далеко в море и начал тонуть. Проплывающие мимо дельфины сделали возле него круг, но спасать не стали. Этот случай еще раз доказывает, что дельфины — мыслящие существа.

Озеленение

Ценную инициативу проявил житель нашего райцентра Ж. Ж. Жужжанов. В его новой квартире пол дал крупные трещины. Ж. Ж. Жужжанов,

И. Макаров



«Рога и копыта»

ступая по половицам, словно по шпалам железнодорожного полотна, не занялся, однако, писанием жалоб во все инстанции. Он нашел выход из создавшегося положения, засыпав щели свежей лесной землей и посадив редкие в нашей стране растения.

Сейчас спальня Ж. Ж. Жужжанова превратилась в настоящие джунгли. Здесь растут кактусы, пальмы, бамбук, хлебное дерево. Все это изящно перевито гибкими лианами.

Кухня наших друзей

Возьмите несколько долек зеленой мантиксы, стакан

сушеных практифлексов, ложку пахучего дрантыря, полейте все это крепким семандодом (0,25 л) и поставьте в печь.

Продержав кушанье в печи около часа, добавьте барбелот и положите в хорошо раскатанную пандеопею.

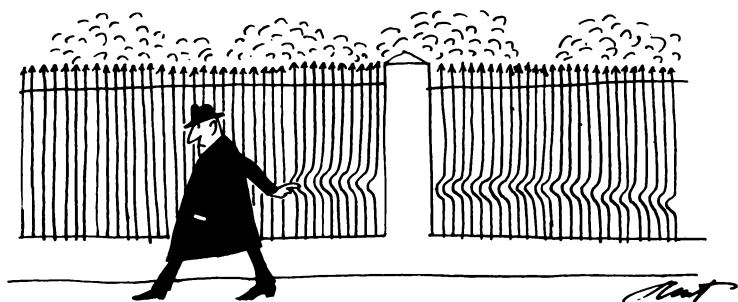
Получится ароматный блиндинг.

Если вам не удастся достать семандод, его можно с успехом заменить перцовкой.

Случай из жизни

Это случилось в горах. На отару овец, которую пас 96-летний Рашид Мамедов, напал горный орел. В бой с орлом

И. Макаров



«Рога и копыта»

вступил сам пастух. Хищник, видимо, не ожидал этого и напал на человека. Вонзив острые когти в тело горца, орел поднял его в воздух. Более двух часов на высоте 827 метров длилась схватка человека с орлом. В какой-то момент Р. Мамедов сумел нанести удар палкой, который пришелся хищнику по голове. Победенный враг выпустил пастуха-должителя.

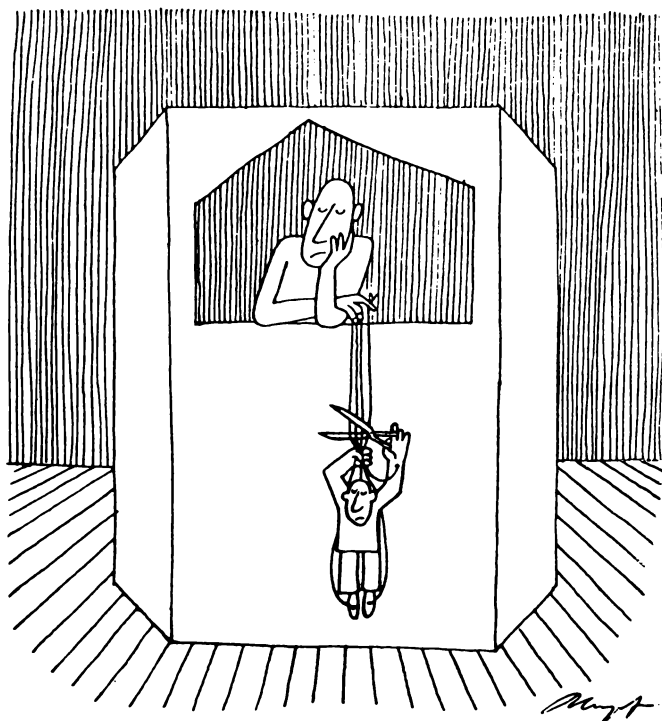
К счастью, тов. Мамедов упал не на острые горные вершины, а на гладкую асфальтированную дорогу, недалеко от пасшихся овец. Улетевший орел отделался легким испугом.

Опасное знакомство

Гражданка А., жительница города Б., приехала в М., чтобы купить нейлоновую ш. Около ГУМа к ней подошел неизвестный, назвавшийся В., и предложил свою помощь в приобретении дефицитной вещи. Доверчивая девушка вручила ему крупную сумму — несколько сот р., — и В. сразу исчез в толпе. Прошел час, другой, третий. Вдруг кто-то незаметно потянул ее за рукав. Это был В., который принес ш.

По мнению следователя Г., В. являлся членом хорошо организованной группы. Большую помощь следствию окажут

И. Макаров



«Рога и копыта»

лица, которые могут сообщить о гражданах, ставших жертвами бескорыстной помощи.

Подвиг шофера

Шофер Петров вел машину на большой скорости. Неожиданно на дороге показался пьяный — Иванов. Рискнув жизнью, Петров свернул на тротуар. Машина сбила пятерых прохожих, но жизнь Иванова была спасена.

«Человек ли?..»

Итальянские ученые Антонио Чезарелли и Марчелло Перелини обнаружили в небольшом африканском городке

Чочано следы человека, у которого шесть ног. Измерив следы ног этого человека, ученые убедились, что одну пару ног можно отнести к 40 размеру, другую — к 43, а остальные — к 41 размеру. Ученые занимаются разработкой добытых материалов.

«Дельцы от науки» вынесли нелепое предположение, что шесть ног могут принадлежать трем человекам.



ЛАВКА

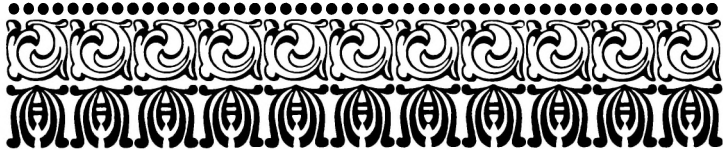


БУКИНИСТА



Человечество, смеясь, рас-
стается со своим прошлым.
(К. Маркс)

Шутка часто приносит пло-
ды, когда серьезность лишь
вызывает сопротивление.
(Платен)



Мих. Зощенко

Баба

Судья пристально смотрит на обвиняемых. Их двое — муж и жена. Самогонщики.

— Так как же, — спрашивает судья, — значит, вы, обвиняемый, не признаете себя виновным?

— Нету, — говорит подсудимый, — не признаю... Она во всем виновата. Она пушай и расплачивается. Я ничего не знаю про это...

— Позвольте, — удивляется судья, — как же так? Вы живете с женой в одной квартире и ничего не знаете? Не знаете даже, чем занимается ваша жена?

— Не знаю, гражданин судья... Она во всем...

— Странно, — говорит судья. — Подсудимая, что вы скажете?

— Верно уж, начальник судья, верно... Я во всем виновата... Меня и казните... Он не касается...

— Гражданка, — говорит судья, — если вы хотите выгородить своего мужа, то напрасно. Суд все равно разберет... Вы только задерживаете дело... Вы сами посудите: не могу же я вам поверить, что муж живет в одной квартире и ничего не знает... Что, вы не живете с ним, что ли?

Подсудимая молчит. Муж радостно кивает головой.

— Не живу я с ней, — говорит он, — вот именно: не живу. Некоторые думают, что я живу, а я нет... Она во всем виновата...

— Верно это? — спрашивает судья у подсудимой.

— Уж верно... Меня одну казните, он не причастен.

— Вот как? — говорит судья. — Не живете... Что ж вы, характером не сошлись?

Подсудимый кивает головой.

— Характером, гражданин судья, и вообще... Она и старше меня и...

— То есть как это старше? — спрашивает подсудимая. — Ровесники мы с ним, гражданин судья... На месяц-то всего я и старше...

— Это верно, — говорит подсудимый, — на ме-

сяц только... Ну, а для бабы каждый месяц что год... В сорок-то лет...

— И нету сорока! Врет он, гражданин судья.

— Ну, хоть и нету, а для бабы и тридцать девять — возраст. И волос седой к сорока-то и вообще...

— Что — вообще? — возмущается подсудимая. — Ты договаривай... Нечего меня перед народом страмить... Что — вообще?

Судья улыбается.

— Ничего, Марусечка, я просто так. Я говорю — вообще... и кожа уж не та, и морщинки, ежели, скажем, в сорок-то лет... Не живу я с ней, гражданин судья...

— Ах вот как? — кричит подсудимая. — Кожа тебе не по вкусу? Морщинки тебе, морда собачья, не нравятся? Перед народом меня страмить выдумал?.. Врет он, граждане судьи. Живет он со мной, сукин сын. Живет. И самогонный аппарат сам покупал... Я ж для него, для сукиного сына, кровь порчу, спасаю его, а он вот что — страмить... Пушай вместе казнят.

Подсудимая плачет, громко сморкаясь в платок. Подсудимый оторопело смотрит на жену. Потом с отчаянием машет рукой:

— Баба, баба и есть, чертова баба... Пушай уж, гражданин судья... Я тоже... И я виновный. Пушай уж... У-у, стерва...

Судья совещается с заседателями.

Леонид Андреев

Кающийся

Действующих лиц двое: купец Краснобрюхов, кающийся, и лицо со служебным положением. Есть еще некто Гавриленко, который привел кающегося, и другие живые механизмы, которые его выводят.

Канцелярия: нечто вроде фабрики на ходу. Лицо со служебным положением отрывисто лает, удивляется и гневается по телефону. Гавриленко, почтительно держа всего двумя пальцами, вводит купца Краснобрюхова, толстого, здорового, рыжебородого старика, вспотевшего от волнения. Шапки на нем нет, одежда в некотором беспорядке, несмотря на явную почтительность Гавриленки.

ЛИЦО. Ну? Чего там?

ГАВРИЛЕНКО. Как, ваше благородие, извольте доложить, они задержамши движение экипажей, стамши посередки площади, где езда, говоримши, что как они купец и как они убимши, я их взявши...

ЛИЦО. Пьяный? Ишь, борода, напился — в приемный!

ГАВРИЛЕНКО. Никак нет, ваше благородие, окончательно тверезый, а только как они стамши посреди площади, где езда, и говоримши, так что, ваше благородие, никакого движения экипажей. И трамвай стамши... народ собрамши, кричит голосом: убил я, православные, каюсь! Как я их взявши, так что совесть замучила, ваше благородие!

ЛИЦО. Так бы сразу и говорил, тетеря! Вы кто?

КРАСНОБРЮХОВ. Купец Прокофий Карпович Краснобрюхов. *(Становится на колени, другим, покаянным голосом.)* Каюсь, православные, берите меня, вяжите меня: человека я убил!

ЛИЦО. Молчать! Встать! Рассказывать толком. Кого убил?

КРАСНОБРЮХОВ *(тяжело вставая, бьет себя в грудь)*. Я убил. Желаю искупления грехов, больше не могу, нет моего терпения. Совесть замучила, православные! На — брей!

ЛИЦО. Что — брей?

КРАСНОБРЮХОВ. Голову брей, кандалы давай: желаю искупиться! (*Громко плача.*) Человека я зарезал, простите, православные! (*Опять валится на колени.*)

ЛИЦО. Встать! Говорить толково!

ГАВРИЛЕНКО. Вот так они и орамши, ваше благородие...

ЛИЦО. Молчать! Ну! Продолжай, мой друг.

КРАСНОБРЮХОВ. Какой я друг — недруг я человеческий, изверг естества. Бери меня, вяжи меня, человека я зарезал, к злодеям сопричислился! Вот он — я, бери! Вяжи! Брей!

ЛИЦО. Так-так, я понимаю твое благородное нетерпение, но... А когда это было, человечка-то? Конечно, мы все знаем, но столько случаев вообще... Кого ты и когда, одним словом, мой друг?

КРАСНОБРЮХОВ. Когда? Да уж двадцать один год минул, да еще с привесом, поди. А то и двадцать два считай, не ошибешься.

ЛИЦО. Двадцать два? Так что же ты?

КРАСНОБРЮХОВ. Думал оттерпеться, говорю. А какое тут терпение: что ни год, то тяжелей, то горше. То хоть явлений не было, а то и явления начались: вчистую приперло. Каюсь, православные, убил!

ЛИЦО. Но позвольте... двадцать два... Вы какой гильдии?

КРАСНОБРЮХОВ. Первой. Оптом мы торгуем.

ЛИЦО. Так-так. Гавриленко, подать стул. Прошу садиться.

КРАСНОБРЮХОВ. Водички бы мне, охрип я.

ЛИЦО. Гавриленко, два стакана чаю, один крепче... Небось жиденский пьете? Имя, отчество?

КРАСНОБРЮХОВ. Прокофий Карпович Краснобрюхов. Когда же, ваше благородие, вязать?

ЛИЦО. Садитесь. Так-то, Прокофий Карпыч, — это не ваша торговля на углу?.. Знаете, такая еще вывеска — удивительная вывеска. Искусство! И до чего теперь эти вывески хорошо пишут, знаете, я прямо удивляюсь. Мне знакомые говорят, отчего вы, Павел Петрович, не пройдется в картинные галереи, там, в Эрмитаж и вообще... Но я отвечаю — зачем? У меня весь квартал — одна картинная галерея, хе-хе! Ну, а медку у нас не водится, хе, уж извините. Канцелярия!

КРАСНОБРЮХОВ. Какой уж там мед! Детям торговлю я передал, пусть торгуют. Когда же, ваше благородие, вязать-то будете? Поскорей бы, замаялся я.

ЛИЦО. Вязать? Чистейшее недоразумение. Прокофий Карпыч, чистейшее недоразумение. Но отчего ж вы чайку? Ваше благородное волнение делает вам честь, и вообще приятно приветствовать, но — давность! Изволили забыть: давность. Надеюсь, не родителей изволили зарезать?

КРАСНОБРЮХОВ. Ну-ну, родителей!.. Девуцу одну, в лесочку, да там же и закопал.

ЛИЦО. Ну вот видите: я и сразу понял, что не родителей, сразу видно человека! Вот если бы родителей изволили, ну там отца или мать, тогда действительно: на родителей давности нет. А за девуцу и вообще всякие уголовные преступления, убийства там и вообще покрываются десятилетней давностью. Как же-с, как же-с, изволили не знать? Конечно, нужно будет там кое-какое расследование, подтверждение, но это пустяки, не стоит и волноваться. Торгуйте себе овощью, а мы ваши покупатели... Ну что же, чайку?

КРАСНОБРЮХОВ. Какой уж тут чай. Тут уголья под ногами, а не чай.

ЛИЦО. Напрасно мучились! Напрасно мучились! Но, конечно, незнание законов. Вот вам вместо жены да к адвокату и пойти, адвокат бы...

КРАСНОБРЮХОВ. Вяжите, не мучайте!

ЛИЦО. Ну-ну, встаньте же, наконец! Нельзя же, наконец, вязать, чудак! Если всех таких вязать, так и веревок не хватит! Ступайте себе и... Адрес ваш мы знаем...

КРАСНОБРЮХОВ. Да куда ж я пойду? Я пришел. Вязали бы уж, ей-богу, зачем эти слова? Веревок, говорите, нету, ну и зачем такая насмешка? Я по чистой моей совести, а вы издеваетесь. (*Вздыхнув.*) Но, конечно, заслужил я. Смирюсь. Вяжи! Брей! Издевайся надо мною, народ православный! Тычь пальцем в старую харю, не жалея бороды моей холеной: изверг я! (*Снова валится на колени.*)

ЛИЦО. Петрученко! Сидоренко! Ющенко! Поднять!

Означенные поднимают упирающегося купца, пока Лицо продолжает гневаться.

ЛИЦО. Нет, скажите: прямо на площадь прет, движение экипажей задерживает, я тебе задержу! Я тебе покажу, я тебе поору в присутственном месте!

КРАСНОБРЮХОВ. Не смеешь так. Вяжи, а то жаловаться буду! Ни на кого не посмотрю! До самого министра дойду! Поиздевался и буде! Православные, братцы, человечка я зарезал! Совесть замучила! Каюсь!

ЛИЦО. Совесть? Скажите, обрадовался. А где ж ты раньше был, ты чего раньше не приходил с твоей совестью? А теперь прямо на площадь прешь, беспорядок делаешь. Ты чего раньше не шел?

КРАСНОБРЮХОВ. Оттого и не шел, что не домучился еще. Вот домучился, оттого и пришел! Не смеешь ты мне отказывать!

ЛИЦО. Не домучился! Нет, скажите, какое издевательство. Тут их ищут, тут их разыскивают, одних корзин пять штук, собак для них завели — так вот нет: спрячется подлец и сидит, и ни гу-гу, и как будто его и нет! А теперь прямо на площадь, совесть, вяжите меня — какая цаца! Тут с очередными голову потеряешь, вздохнуть некогда, а он еще со своей девицей... Вон! Уходи!

КРАСНОБРЮХОВ. Не пойду. Не смеешь выгонять! Я уж с женой попрощался — не пойду.

ЛИЦО. Нет тебе каторги, слышал? Раньше б приходил, а теперь нету тебе каторги. Скажите пожалуйста, тут для настоящих каторги не хватает, а он еще со своей совестью: замучился, подлец! Ну и мучайся — нет тебе каторги.

КРАСНОБРЮХОВ. Не дашь?

ЛИЦО. Не дам.

КРАСНОБРЮХОВ. Нет, ты меня обреешь!

ЛИЦО. Сам брейся!

КРАСНОБРЮХОВ. Нет, ты меня обреешь.

ЛИЦО. Гавриленко! Вывести его! Сидоренко, помоги!

КРАСНОБРЮХОВ (*упираясь*). Не пойду! Волоком волокни, так не пойду! Ты меня обреешь.

ЛИЦО. Ющенко, поддержи! Ты у меня пойдешь!

КРАСНОБРЮХОВ (*барахтаясь*). Ты меня обреешь! Жаловаться буду! Не смеешь!

ЛИЦО. Гавриленко, выноси!

ГАВРИЛЕНКО. За ногу, да за ногу! Хватай под мышки!

КРАСНОБРЮХОВ (*барахтаясь*). Не вынесешь!
ЛИЦО. Выноси!

Купца почтительно выносят. Лицо оправляет усы и берет стакан чаю, но он оказывается холодным.

ЛИЦО. Василенко! Чаю горячего! Черт знает что... Чаю горячего! Да... Раненого привезли?

ВАСИЛЕНКО. Они уже вмерли, ваше благородие, так что охолодавши.

ЛИЦО. Пошел вон!

Занавес

Арк. Аверченко

Аукцион

В ясное летнее утро уселся я в экипаж, который должен был доставить меня в Евпаторию.

Кроме меня места в экипаже были заняты: 1) прехорошенькой жизнерадостной белокурой дамой, в которую я, после двадцатиминутной внутренней безмолвной, но ожесточенной борьбы с самим собой, тихо влюбился; 2) молодым развязным господином чрезвычайно активного вида.

Моя мужественная борьба с самим собой продолжалась все-таки 20 минут, а этот молодой человек безо всякой борьбы в первые же две-три минуты всем своим поведением показал, что отныне единственная цель, единственное устремление его жизни — белокурая дама, и ни на что другое он не согласен.

Тут-то и вышло между нами состязание, которое так блистательно завершилось битвой на аэроплане.

Надо сказать, что вообще женщины — прехитрое, проклятое бабье, и почти всю жизнь они устраивают свои делишки по принципу аукционного зала.

Предположим, существует в природе металлическая резная ваза для визитных карточек. Никому в мире она не нужна, и ни одному человеку в подлунной не пришла бы в голову шалая мысль зайти в магазин и купить ее.

Но ее выставляют в аукционном зале; вы и тут все-таки не обращаете на нее никакого внимания, пока аукционист не провозгласил магического: «Кто больше?»

— Сто рублей! Кто больше?! — орет аукционист.

— Полтора ста, — говорит ваш сосед.

Вы вдруг загораетесь («Если он хочет ее приобрести, то почему и мне ее не купить?») и бодро пребываете:

— Сто семьдесят!

Сосед делается похожим на горящее полено, на которое плеснули керосином:

— Сто девяносто пять!!..

— И пять!!

И пошла потеха.

И кончается потеха тем, что вы отдаете все, что имели за душой, за вещь, о которой десять минут тому назад у вас и грошовой мыслишки не было... Тащите ее домой, а в голове начинает ворошиться мысль, складывающаяся в знаменитую фразу крыловского петуха:

— «Куда она? Какая вещь пустая».

Вот так же и дамы. Они живут по принципам аукционного зала: если человек один, он, может быть, и не посмотрит, а если двое — тут-то в самую пору и крикнуть:

— Кто больше?!

Конечно, эта фраза произносится в самом высшем смысле, без всякой меркантильности.

Так у нас и пошло. Когда мы уселись, Голубцов (так звали этого человечешку) заявил, что он счастлив, имея такую визави, и прочее.

Я постарался покрыть его заявлением, что хотя я и отвык от дамского общества, однако такое общество, как соседка, сократит путь по крайней мере в четыре раза.

Суетная душонка, Голубцов сбросил с рук довольно крупного козыря, заявив, что, если у нее в Евпатории нет знакомых, он будет счастлив, если его скромная особа и т. д.

А я сразу шваркнул по всем его картам козырным тузом («Если вам негде будет остановиться, я устрою для вас комнату»).

Раздавленный Голубцов увял и осунулся, но ненадолго.

— Я вам должен сказать, Мария Николаевна... (кажется, так? Мария Николаевна? Мерси! Прехорошенькое имя!) Итак, я вам должен сказать, что русские курорты отталкивают меня своей неблагоустроенностью. То ли дело за граница...

— А вы были и за границей? (Огромный интерес со стороны Марии Николаевны. Сенсация.)

— Да... Я изъездил всю Европу. Исколесил, можно сказать.

Безмолвное лицо Марии Николаевны, обращенное в мою сторону, так будто и кричало: «Кто больше? Кто больше?!

Я решил закопать этого наглого туристишку в землю, да еще и камнем привалить.

— А вы (ехидно спросил я) в Струцеле были?

— Ну как же! Два раза. Только он мне, знаете ли, не особенно понравился...

— Кто?

— Струцель.

— А вы знаете,— отчеканил я.— Струцель, это вовсе не город. Это слоеный пирог с медом и орехами.

Молоток аукциониста уже повис в воздухе, чтобы ударить в мою пользу, чтобы тем же ударом заколотить этого слизняка в гроб, но... наглость его была беспримерна:

— Благодарю вас,— холодно ответил он.— Я это знал и без вас. Но вам, вероятно, неизвестно, что пирог назван по имени города. Может быть, вы будете утверждать, что и города Страсбурга нет только потому, что существует страсбургский пирог?! Да-с, Мария Николаевна... В этом Струцеле (Верхняя Силезия, 36 тысяч жителей) я даже имел одну замечательную встречу, о которой я вам расскажу когда-нибудь потом, когда мы будем вдвоем...

Я был распластан, распростерт во прахе, и колесница победителя проехала по мне, как по мостовой...

— Значит, вы хорошо говорите по-немецки? — приветливо спросила Мария Николаевна.

— Ну да. Как же! Как по-русски.

«А не врешь ли ты, братику?»— подумал я и вдруг стремительно наклонился к нему:

— Вифиль ур, мейн герр?..

— А? Чего? — растерялся он.

— Это я вас по-немецки одну штуку спрашиваю. А ну-ка, ответьте: «Вифиль ур, мейн либер герр?»

Он подумал минутку, выпрямил свой стан и сказал с достоинством, которого нельзя было и подозревать в нем:

— Видите ли, молодой человек... Я дал обет не произносить ни одного слова на этом ужасном языке...

— Так вы ответьте мне по-русски...

— Постойте, я не кончил... я дал обет не только не говорить на этом языке, но и не понимать этого языка!..

— Неужели вы так любите Россию? — сочувственно спросила растроганная Мария Николаевна, и ее нежная ручка ласково легла на его лапу...

— «Кто больше?» — вопил невидимый аукционист, а у меня нечем было покрыть: я обнищал.

В это время с небес донесся до нас шум мотора, и прекрасный, изящный, похожий на стрекозу аэроплан бросил легкую тень на дорогу впереди нас. (О милый, так выручивший меня аэропланчик!.. Если бы у тебя был ротик и если бы это было возможно, я поцеловал бы тебя...)

Все мы задрали головы и стали с интересом следить за эволюциями легкокрылой стрекозы.

— Вы когда-нибудь летали? — обратилась Мария Николаевна... конечно, к нему! Не ко мне — а к нему.

— Я? всю немецкую войну летал. Ведь я же летчик.

— Что вы говорите! Ах, как это интересно. И вы встречали когда-нибудь в воздухе вражеский аэроплан?

— Я? Сколько раз. Даже в драку вступал.

— Расскажите! Это так интересно... (Руку свою она так и забыла на его лапе.)

— Да что ж рассказывать? Как-то неловко хватать своими подвигами.

Однако это похвальное соображение не удержало его:

— Однажды я получил приказ сделать разведку в тылу неприятеля... Ну-с... Подлил, как водится, в карбюратор бензину, завинтил магнето, закрутил пропеллер, вскочил на седло — был таков. Лечу... Час лечу, два лечу. Вдруг навстречу на «блерио» — немец. И давай он жарить в меня из пулемета очередями. Однако я не растерялся... Дернул выключатель, замедлил пропеллер, спустился на одно крыло к самому его носу, вынул револьвер, приставил к уху, говорю: «Сдавайся, дрянь такая!» Он — бух на колени: «Пощадите, говорит, господин». Но не тут-то было. Я его сейчас же за шиворот, перетащил на свою машину, а его «блерио» привязал веревкой к своему хвосту да так и притащил и немца и его целехонький аппарат в наше расположение.

Во все время его рассказа наше расположение

было прескверное. То есть только мое, потому что глаза Марии Николаевны искрились восторгом.

— Боже, какой вы герой! Скажите, а меня бы вы могли покатасть на аэроплане?..

— Сколько угодно,— беззаботно ответил этот храбрый боец.

— А вы меня не разобьете?

— Как в колыбельке будете!

— Впрочем, с вами я не боюсь. Вы такой... мужественный! Когда же вы меня покатаете?

— Хоть завтра. Только жалко, что в Евпатории у меня нет аппарата.

— А вы на всякой системе можете летать? — небрежно спросил я, делая вид, что мое внимание занято кружащимся над нами аэропланом.

— О, на какой угодно, но предпочитаю «блерио». На этой старушке я чувствую себя как дома.

— Ну так вам, господа, повезло,— торжественно сказал я, простирая руку к небу.— Дело в том, что у меня есть в Евпатории два совершенно исправных «блерио», только что собранных и проверенных. Извозчик! Мы когда приедем в Евпаторию? В два часа? Прекрасно! До четырех умоемся, переоденемся, приведем себя в порядок, пообедаем, а часиков в пять я вас повезу на аэродром. Сегодня же, Мария Николаевна, он вас и покатает.

Никогда я не видел человека более расплющенного, чем этот жалкий Голубцов.

Он пробормотал, что летает на бензине только фирмы Нобеля: я его успокоил, что у меня Нобель; он протявкали, что нужно еще проверить, какой сегодня ветер. Сколько баллонов (?!)... Я его успокоил, что ветра никакого нет. Тогда он прохрюкал, что для полета нужно специальное разрешение. Я вогнал его на три аршина в землю заявлением, что такое разрешение у меня имеется.

После этого он, подобно тому немцу, невидимо для глаз упал на колени, сдался и просил его пощадить, заявив, что сейчас же по приезде его ждет куча дел и что он освободится только дня через три-четыре и то часа на два... и то едва ли.

Теперь он лежал распростертый у моих ног... А я ходил по нем, как хотел, топтал его каблуками, пинал носком сапога в лживую пасть, и рука Марии

Николаевны уже, как хорошенькая ящерица, поползла на мою руку, и уже Мария Николаевна смотрела только на меня и даже чуть-чуть прижималась ко мне, а над нами парила мощная, так прекрасно выручившая меня птица, и ее огромные крылья, распростертые над нами, будто благословляли нас — меня и Марию Николаевну, Марию Николаевну и меня!

Голубцов представлял собой бесформенный мешок костей, будто он только что шлепнулся с аэроплана.

Наконец-то невидимый молоток аукциониста стукнул в мою пользу, и я торжественно перед самым носом конкурента мог унести выигранную мной вазу для визитных карточек.

А в общем, если бы не аукцион — на что она мне?..

О цветных снах

Слово о Данииле Хармсе

Говорят, что люди, которые не видят снов, плохо отдыхают ночью.

Говорят, что люди помнят только последний сон.

Говорят, что очень немногие люди видят цветные сны: последнее утверждение трудно проверить.

Я цветные сны вижу, только не последние, а давние — сны молодости. В этих снах есть синее небо, есть желтые стены домов, есть камень и снег — не белый, синеватый. Тогда снег лежал на улицах зимой, его не убирали и на нем не было саж, потому что не ездили автомобили и не дымили вследствие отсутствия дров печи. Это были двадцатые годы.

Вот тогда я узнал Н. Заболоцкого, А. Введенского, Н. Олейникова, Евгения Шварца. Они составили группу, которая называлась — обериуты.

Группировались они вокруг журналов для детей — «Еж» и «Чиж». Это были веселые, молодые, пестрые, разно пишущие, разно видящие будущее молодые люди. Среди них был и Даниил Хармс — настоящая фамилия которого Ювачев, Даниил Иванович.

Родился он в 1905 году. Умер Хармс в 1942 году в Ленинграде.

Это был высокий человек в коротких штанах, в длинных пестрых чулках в сетку. Люди одевались тогда не только как хотели, но и в то, что у них было, то, что случайно осталось в доме. Я видал людей, одетых в портьеры, на которых были вытканы львы с разинутыми ртами и когтистыми лапами.

Вы прочтете несколько вещей Хармса, вероятно, вы удивитесь. Писатель начинает всегда с удивительного, потом он или меняет свою манеру, или эта манера становится привычной, становится моделью нового восприятия мира.

Дети и поэты любят задавать вопрос «почему?». Мир связан не только причинными связями — он связан привычными связями. Вещи, разно возникшие и оказавшиеся рядом, кажутся логичными. Но дети и поэты видят их иначе.

Манера описания мира Хармса оказала влияние на детскую литературу; вместе с Хармсом работал Маршак, который считал, что в основе творчества Хармса лежит классика.

Я помню это в такой форме: «Классическая основа стихов Хармса».

Старый мир нелогичен, потому что он существует уже инерционно. Горький записал в воспоминаниях о Ленине, что Ленин про клоунов, эксцентриков говорил: они видят «алогизм обычного».

Хармс писал репризы для клоунов, любил цирк, любил детскую литературу.

Он не любил идиотизма жизни. Вы помните рассказ Хлестакова о Пушкине? Хлестаков говорил Пушкину: «Что, брат, Пушкин?» А тот отвечает: «Ничего, брат».

Это идиотизм восприятия мелким человеком великого человека. Он не только задает банальнейший вопрос, но считает, что собеседник должен ему так же ответить. Разговор Хлестакова — самая короткая, самая замечательная пародия на многие биографические романы.

Хармс сам написал пародии на анекдоты о Пушкине; в них ничего не происходит, слова стоят так, как у всех стоят, но сквозь слова видно, что они не те, что это порванная сеть, прошедшая через пустую воду.

Пустую и нечистую.

Так в рассказе о маленьком лжеце комизм заключается в том, что, слушая лжеца, его собеседники запутываются и уже не знают, что правда, что неправда, и соглашаются с нелепостью.

Стихи Хармса иногда веселы, иногда мрачны, потому что в них показываются мышиная суэта и вечная повторяемость жизни тех, которые не понимают, что само понятие «здоровый смысл» изменяется. Обычно же здоровый смысл — это только сочетание предрассудков времени.

Наш здоровый смысл иной. Он впереди, мы его открываем, уточняя каждый день.

Мир этого здравого смысла не похож на сон; он прекраснее и цветастее самого молодого сна.

В. Шкловский

Даниил Хармс

Сказка

— Вот, — сказал Ваня, кладя на стол тетрадку, — давай писать сказку.

— Давай, — сказала Леночка, садясь на стул.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был король...»

Тут Ваня задумался и поднял глаза к потолку, Леночка заглянула в тетрадку и прочла, что написал Ваня.

— Такая сказка уже есть, — сказала Леночка.

— А почему ты знаешь? — спросил Ваня.

— Знаю, потому что читала, — сказала Леночка.

— О чем же там говорится? — спросил Ваня.

— Ну, о том, как король пил чай с яблоками и вдруг подавился, а королева стала бить его по спине, чтобы кусочек яблока выскочил из горла обратно. А король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове. Тут королева рассердилась и ударила короля тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом. А королева повалила на короля буфет. Но король вылез из-под буфета и пустил в королеву короной. Тогда королева схватила короля за волосы и выбросила его в окошко. Но король влез обратно в комнату через другое окно, схватил королеву и запихал ее в печку. Но королева вылезла через трубу на крышу, потом спустилась по дымоотводу в сад и через окно вернулась обратно в комнату. А король в это время растапливал печку, чтобы сжечь королеву. Королева подкралась сзади и толкнула короля. Король полетел в печку и там сгорел. Вот и вся сказка, — сказала Леночка.

— Очень глупая сказка, — сказал Ваня. — Я хотел написать совсем другую.

— Ну, пиши, — сказала Леночка.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был разбойник...»

— Подожди! — крикнула Леночка. — Такая сказка уже есть!

— Я не знал, — сказал Ваня.

— Ну как же, — сказала Леночка, — разве ты не знаешь о том, как один разбойник, спасаясь от стражи, вскочил на лошадь да с размаху перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник выругался и опять вскочил на лошадь, но снова не рассчитал прыжка, перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник поднялся, погрозил кулаком, прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее и полетел на землю. Тут разбойник выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил из него в воздух и опять прыгнул на лошадь, но с такой силой, что опять перемахнул через нее и шлепнулся на землю. Тогда разбойник сорвал с головы шапку, растоптал ее ногами, и опять прыгнул на лошадь, и опять перемахнул через нее, шлепнулся на землю и сломал себе ногу. А лошадь отошла в сторону. Разбойник, прихрамывая, подбежал к лошади и ударил ее кулаком по лбу. Лошадь убежала. В это время прискакали стражники, схватили разбойника и отвели его в тюрьму.

— Ну, значит, о разбойнике я писать не буду, — сказал Ваня.

— А о ком же будешь? — спросила Леночка.

— Я напишу сказку о кузнеце, — сказал Ваня.

Ваня написал:

«Жил-был кузнец...»

— Такая сказка тоже есть! — закричала Леночка.

— Ну? — сказал Ваня и положил карандаш.

— Как же, — сказала Леночка. — Жил-был кузнец. Вот однажды ковал он подкову и так взмахнул молотком, что молоток сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четырех голубей, ударился о пожарную каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидели сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме брандмейстера и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минуточку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись о голову Карла Ивановича Шустерлинга, молоток полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воровьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на

свою рукоятку, которую кузнец продолжал еще держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову.

— Ну, значит, о кузнеце уже написана сказка, тогда я напишу сказку о себе самом, — сказал Ваня и написал:

«Жил-был мальчик Ваня...»

— Про Ваню тоже сказка есть, — сказала Леночка. — Жил-был мальчик Ваня, и вот однажды подошел он к...

— Подожди, — сказал Ваня, — я хотел написать сказку про самого себя.

— И про тебя уже сказка написана, — сказала Леночка.

— Не может быть! — сказал Ваня.

— А я тебе говорю, что написана, — сказала Леночка.

— Да где же написана? — удивился Ваня.

— А вот купи журнал «Чиж», № 7, и там ты прочтешь сказку про самого себя, — сказала Леночка.

Ваня купил «Чижа», № 7, и прочитал вот эту самую сказку, которую только что прочитал ты.

Тюк!

Лето. Письменный стол. Направо дверь. На стене картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенсне. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА, надевая пенсне, бьет по полену.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА, надевая пенсне, бьет по полену.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (*надевая пенсне*). Евдоким Осипович! Я вас прошу, не говорите этого слова «ТЮК».

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Хорошо, хорошо.
ОЛЬГА ПЕТРОВНА ударяет колуном по полену.
ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!
ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова «тюк»!
ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Хорошо, хорошо, Ольга Петровна. Больше не буду.
ОЛЬГА ПЕТРОВНА ударяет колуном по полену.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!
ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Это безобразие! Взрослый пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы.

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Ну, я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено!

ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Колите, колите, колите.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ударяет колуном по полену.
ЕВДОКИМ ОСИПОВИЧ. Тюк!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит. Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

Анекдоты из жизни Пушкина

1. Пушкин был поэтом и все что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул:

— Да никакo ты писака!

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2. Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидо-

вал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3. Однажды Петрушевский сломал часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?» — спросил Петрушевский. «Стоп машина» — сказал Пушкин.

4. Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

Н. А. Тэффи

Маляр

(Загадка бытия)

Тебе, пришедшему ко мне на рассвете дня,
Тебе, озарившему мое тусклое время,
Тебе, рыжему маляру с коричневой бородавкой,
Посвящаю я, благодарная, эти строки.

Он пришел действительно рано, часов в девять утра.

Вид у него был деловой, озабоченный. Говорил он веско, слегка прищуривал глаза и проникал взглядом до самого дна души собеседника. Губы его большого редкозубого рта слегка кривились презрительной улыбкой существа высшего.

— Аксинья говорила: нужно вам двери покрасить.

— Да, голубчик. Вот здесь, в передней, шесть дверей. Нужно их выкрасить красной краской в цвет обоев. Понимаете?

Он презрительно усмехнулся.

— Я вас очень понимаю.

И, прищурив глаз, посмотрел на дно моей души.

Я слегка смутилась. Никто не любит, когда его очень понимают.

— Так вот, не можете ли вы сейчас приняться за дело?

— Сейчас?

Он усмехнулся и отвернул лицо, чтобы не обидеть меня явной насмешкой.

— Нет... Сейчас нельзя.

— Отчего же?

— Теперича десятый час. А в двенадцать я пойду обедать. А там то да се, смотришь — и шесть часов, а в шесть я должен шабашить. Приду завтра, в семь, тогда и управлюсь.

На другое утро, проснувшись, услышала я тихое пение:

— «Последний нонешний дене-очек!»

Оделась, вышла в переднюю.

Маляр мазал дверь бледно-розовой краской.

— Это что же голубчик, верно, грунт?

Он презрительно усмехнулся:

— Нет, это не грунт, а окраска. Это уж так и останется.

— Да зачем же? Ведь я просила красную, под цвет обоев.

— Вот эту самую краску вы и хотели.

Я на минутку закрыла глаза и обдумала свое положение. Оно было довольно скверное.

Неужели я вчера сошла с ума и заказала розовые двери?

— Голубчик, — робко сказала я. — Насколько мне помнится, я просила красные, а не розовые.

— Это и есть красные, только от белил они кажутся светлее. А без белил, так они совсем красные были бы.

— Так зачем же вы белила кладете?

Он смерил меня с ног до головы и обратно. Усмехнулся и сказал:

— Нам без белил нельзя.

— Отчего?

— Да оттого, что мы без белил не можем.

— Да что вы, присягу, что ли, принимали без белил не красить?

Он горько задумался, тряхнул головой и сказал:

— Ну хорошо. Я покрашу без белил. А как не понравится, тогда что?

— Не бойтесь, понравится.

Он тоскливо поднял брови и вдруг, взглянув мне прямо на дно души, сказал едко:

— Сурику вам хочется, вот чего!

— Что? Чего? — испугалась я.

— Сурику! Я еще вчера понял. Только сурику вы никак не можете.

— Почему? Что? Почему же я не могу сурику?

— Не можете вы. Тут бакан нужен.

— Так берите бакан.

— А мне за бакан от хозяина буча будет. Бакан восемь гривен фунт.

— Вот вам восемь гривен, только купите краску в цвет.

Он вздохнул, взял деньги и ушел.

Вернулся он только в половине шестого, чтобы сообщить мне, что теперь он «должён шабашить», и ушел.

«Последний нонешний дене-очек» разбудил меня утром.

Маляр мазал дверь тусклой светло-коричневой краской и посмотрел на меня с упреком.

— Это что же... грунт? — с робкой надеждой спросила я.

— Нет-с, это уж не грунт. Это та самая краска, которую вы хотели!

— Да зачем же вы опять белил намешали? Красили бы без белил.

— Без бели-ил? — печально удивился он. — Нет, без белил мы не можем.

— Да почему же?

— А как вам не понравится, тогда что?

— Голубчик! Да ведь она коричневая. А мне нужно красную, вот такую, как обои. Поняли?

— Я все понял. Я давно понял. Сурику вам хочется, вот что!

— Ну так и давайте сурику. Вот вам деньги.

Он вздохнул, взял деньги.

— Только сурик надо будет завтра начинать. Потому теперь скоро обед, а там — то да се и шесть часов. А в шесть часов я должен шабашить.

— Ну, бог с вами. Приходите завтра.

«Последний нонешний дене-очек...».

Он мазал дверь тускло-желтой мазью и торжествовал:

— Я же говорил, что не понравится.

— Отчего же она такая светлая? — спросила я, и смутная догадка сжала мое сердце.

— Светлая? Да от белил же!

Я села прямо на ведро с краской и долго молчала. Молчал и он...

На следующее утро я встала рано, раньше, чем он пришел. Пошла в переднюю и стала ждать.

Было около шести утра. Меня слегка знобило, щеки горели и руки тряслись. Кажется, охотники на тетеревином току испытывают нечто подобное.

Наконец он пришел.

Он шел, деловито сдвинув рыжие брови. Он нес большое ведро белил.

— Стой! — крикнула я. — Это что?

— А белила.

— Ставьте тут за дверь. Давайте краску сюда. Это сурик?

— Сурик.

— Это бакан?

— Бакан.

— Мешайте вместе.

Он взглянул на меня, как смотрят на забравшего власть идиота: «Куражься, мол, до поры до времени». Нехотя поболтал кистью.

— Видите этот цвет? — спросила я.

— Вижу. Ну?

— Ну вот этим цветом вы мне и выкрасите все шесть дверей.

— Ладно, — усмехнулся он. — А как вам не понравится, тогда что с вами заведем? А?

— Красьте двери этим цветом, слышите? — твердо сказала я и вся задрожала. — Это я вам заказываю. Поняли?

— Ладно, — презрительно скривился он и вдруг деловито направился к ведру с белилами.

— Куда-а! — закричала я не своим голосом.

Он даже руками развел от удивления.

— Да за белилами же!

С тех пор прошла неделя. Двери выкрасил другой маляр, выкрасил в настоящий цвет, но это не радует меня.

Я отравлена.

Я целые дни сижу одна и мысленно беседую с ним, с рыжим, бородавчатым.

— Голубчик, — говорю я, — почему же вы не можете без белил?

Он молчит, и жуткая мистическая тайна окутывает это молчание.

Ему — о слабое утешение! — ему, неизъяснимо, озарившему странной загадкой мое тусклое время, непонятно зачем пришедшему, неведомо куда ушедшему, рыжему маляру с коричневой бородавкой, посвящаю я эти строки.

И как перед тайной, равной тайне смерти, склонюсь и благоговейно шепчу:

— Я ни-че-го не по-ни-ма-ю!

Арк. Бухов

Рассказы об Италии

Гейне сказал, что есть люди, которые, увидев яйца, уверены в том, что они видели курицу. Я никогда не был в Италии, но у меня есть очень много знакомых, побывавших там. Им кажется, что они очень хорошо знают эту страну. Вот приблизительно какое представление об Италии я получил от их рассказов.

— Приезжаете вы в Венецию. Везде вода. В Риме — Некрополь. В Некрополе — Акрополь, в Акрополе — Колизей.

— А в Колизее?

— Кажется, Неаполь. Я уж точно забыл сейчас географическую карту.

— И везде вода?

— Ну что вы... Площадь Святого Марка. Голуби. Много голубей, на плечи садятся, на голову.

— Всем?

— Нет, так, кто захочет.

— Что же они, эти голуби, жалованье за это, что ли, получают?

— Ну, уж вы шутите... Домашнее животное, привывает. А в Венеции, между прочим, везде лагуны.

— А много их там?

— Ну, еще бы... Как ни сядешь в гондолу, так и лагуна. Я целые ночи не мог спать — звезды, песни.

— Поют?

— Все поют. Мальчишка сапоги чистит — поет, нищий милостыню просит — поет. Лакей обед несет — поет. Ему говоришь, что второе недожарено, а у него глаза черные, движения порывистые и под салфеткой гитара спрятана. Думаешь, не граф ли переодетый, — молчишь и ешь.

— А что едят?

— А так, все. Под соусом больше.

— Макароны, наверное, все?

— И макароны. Их беднота ест. Прямо на улице.

— На улице?

— Да. Дома сварит, а норовит съесть на улице.

И не дай бог высунуться — сейчас же деньги попросит. Для вас, говорит, специально ел.

— Так вы бы не давали...

— Попробуй, не дай... Там у каждого ладзарони фамилия одна что стоит. На нем сапоги с дырой вместо подметки, а фамилия Кампо-Рито-ди-Спаранелла...

— А ладзарони это кто?

— А вот которые на солнце греются. Ляжет на тротуар и греется. Тем и живет.

— И тоже поет?

— Поет. И обязательно что-нибудь итальянское. Во Дворце дождей был.

— Ну и как?

— Ничего. Весело. Большой такой, мрачный, а внутри роскошь необычайная. Заперт только, жалко, не пускают туда. В Риме тоже хорошо. Римляне ходят.

— Да, исторический город... Жители такие...

— Мало, наверное, изменились. Чувствуется как-то. Смотришь на него, а он тем же Плутархом как-ким-нибудь или Геродотом выглядывает. Там воды нет.

— Как, совсем?

— Нет, есть, только ее, наверное, дома держат. Там на этой самой лагуне по баркаролле не поедешь. Там извозчики.

— Приятно, наверное...

— Ну еще бы... Ночь такая, звезды... едешь тихо-тихо, а он весло держит в руках...

— Извозчик?

— Почему извозчик? Гондольер.

— В Риме?

— Ничего подобного. В Милане.

— Разве и в Милане вода везде?

— В Милане? Не помню. Я уже сказал, что по карте как-то не помнится.... Я о Венеции... А еще тоже хорошее ощущение: приезжаешь — прямо в рулетку, кинешь франк, а тебе отдают тринадцать...

— Где, в Милане или в Неаполе?

— Нет, в Монте-Карло. Это во Франции. А еще лучше был случай в Швейцарии. Приезжаем мы в Женеву, а Марья Николаевна...

— Ну а в Италии как?.. Женщины, наверное...

— Женщин много. Красивые... И у всех глаза черные. Ей еще семи лет нет, а у ней глазищи — во... Знал покойник Бизе, с кого Кармен списать...

— Кармен — испанка...

— А там нет испанок. В Париже видел одного испанца. Зубами гири подымал. Здоровый такой, трико голубое...

— Ага... Ну, а так еще что в Италии хорошего?

— Да много... Приезжаешь это в Венецию...

— Кругом вода?

— Да, много...

— Голуби на площади? На плечи садятся?

— Садятся... Так и лезут... Вот еще в Пизе был...

— Башня кривая там. Слышал.

— Ну, а так что, собственно, рассказывать... Загорелые все. Мост Вздохов еще есть. Большой такой...

— Старинный? А внутри роскошь? И заперт, наверное?

— А откуда вы знаете?

— Так, знаю... А в Акрополе — Некрополь, а в Некрополе — Мелитополь? Так, кажется? Спасибо...

Италия очень красивая и интересная страна. В ней очень хорошо принять солнечный отдых для истрепанной души, — но лучше забыть о ней совсем, чем знакомиться с ней по рассказам таких путешественников.



Смехом не надо
разбрасываться —

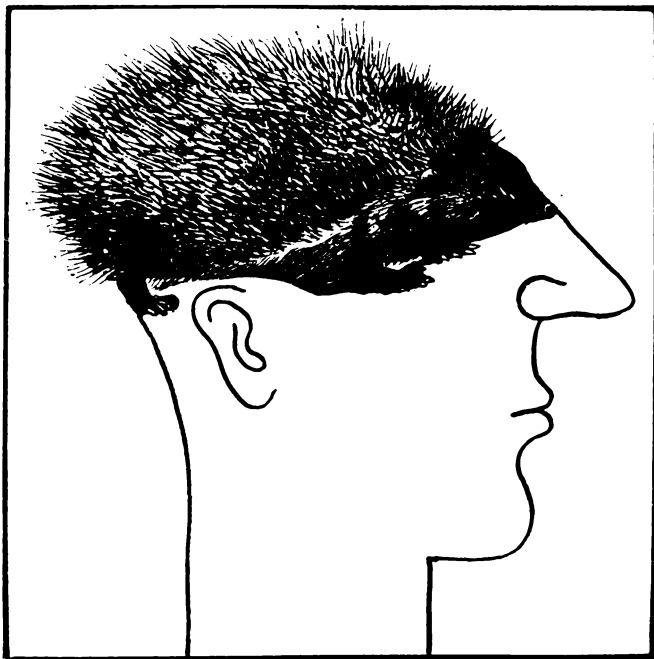
БУМЕРАН
это разящее оружие,
смех убивает.
М. Кольцов



БУМЕРАН
[Э. Кроткий]
смеха.
Достойное

но только
Смех убивает.

В. Бахчанян



«Бумеранг»

Москва. Маз-ренко

Прочитал случайно в «ЛГ» № 23 в «Рогах и копытах» небольшое сообщение о том, что на острове Доминика женщины говорят на языке, отличном от мужчин. Не знаю, откуда вы почерпнули такие сведения. Может, попались на удочку какой-нибудь зарубежной газеты? И где вообще находится такой остров? На карте я его не нашел! В атласе тоже! На глобусе его нет!.. Или все это надо понимать как некоторый намек?

— Понимайте это как намек на необходимость лучше изучать иностранные языки.

Одесса. Хан-ич

Помни:

во избежание заворота кишок
Не оstri на голодный желудок.

— *Ваше стихотворение рекомендовали институту санитарного просвещения — оно в духе подписей к выпускаемым им плакатам.*

Минск. В-ину

Предупреждаю: я не Пушкин, но я художник слова вообще...

— *И, в частности, скромный человек. Это похвально.*

Киев. Т-чуку

Я решил заняться литературным промыслом.

В. Бахчанян



«Бумеранг»

вам придется заплатить мне за
каждую строчку!

— *Только судом, только
судом...*

Киев. Ко-ко

Жил скромно он,
То есть по средствам,
Дешевых марок вина

Любил детей и алименты ^{пил,}
Без возражения платил.

— *Хороший человек, ваш
герой. Такие нам и нужны.*

Кривой Рог. Ст-ову

...А в лес пойдешь:
Глухарь токует,
Поет Бернесом,

Душа ликует —
Ей в теле тесно...
И что же делать?..

— *Нам бы ваши заботы.*

Рига. Ар-чу

А я, растроганный
до крика,

А я, растроганный
до слез,

Таких стихов
единым мигом

Вам наваяю целый воз.

— *Вы нас растрогали. Ва-
ляйте. Грузите.*

Мурманская обл. Фо-ну

Посылаю отрывок из по-
ка еще не написанного романа



В. Бахчанян

«Бумеранг»

«Море страстей». Надеюсь, он вам не понравится, ибо художественные его качества не очень высоки.

— *Вам повезло. Ваши надежды полностью оправдались.*

Архангельск. Иг-ну

Похолодало. Пассаты поглаживают пририю. Переключаются птицы.

Победителями проходят пантеры. Плямс! — и пантера подмяла Педро.

— *Прочитали присланные перлы. Почему постоянно «п»? Поиск? Прием? Переслали поликлинике. Пусть подумают. Плямс! Привет Педро!*

Самарканд. Шт-ну

Я поднял Нину
Наполовину,
Потом картину,
Потом стихи я отнес...

— *В корзину! Туда же Нину!
Туда картину! Наполовину...*

Ставрополь. Д-ну

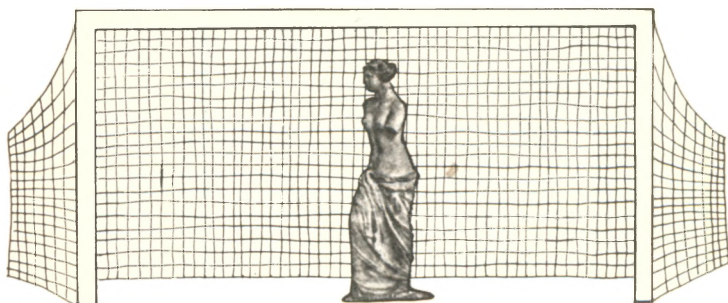
Должен оговориться, что мой лирический герой — в сущности не мой лирический герой.

— *Продолжайте, продолжайте! Только полное признание облегчит вашу участь.*

Алма-Ата. Н-ву

Это моя поэма о любви к детям, животным, природе и

В. Бахчанян



«Бумеранг»

вообще ко всем хорошим людям.

— *Ах, если бы у вас еще теплилась любовь к читателям! Среди них тоже попадаются хорошие люди.*

Пулково. Бр-о

— А все-таки она вертится!

— *Это плагиат. Помните: «А шар земной, а шар земной все вертится и вертится».*

Киев. Л-ку

Все знакомые в один голос одобряют мою новеллу, а это что-нибудь да значит.

— *Простите, но мы с вами незнакомы.*

Кимры. Сп-ову

Вчера написал роман. Куды его девать?

— *Надо же переходить на стихи. А чево?*

Тюмень. Ал. Н. В.

Рассказ я назвал «Сапоги». Вот только мне кажется, что ему еще нужен эпиграф. Но я не нашел подходящего.

— *Пожалуйста:*

*«Беда, коль пироги начнет
печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».*

Новосибирск. У-ову

Так как я начинающий, то мне надо помогать, совето-

В. Бахчанян



«Бумеранг»

вать, может быть, даже в отдельных случаях говорить полуправду — полунеправду, чтобы не отбить охоту к творчеству.

— *Чего уж размениваться на половинки. Позвольте откровенно сказать вам всю неправду: ваши рассказы прекрасны, изумительны, выше всех похвал.*

Электросталь, Московской области. А. В. Сл.

Если вы не понимаете моих басен, так почитайте их хотя бы своим детям. Уверен, что ваши дети будут довольны.

— *Дети со свойственной им прямотой заявили, что басни—бьяка. Как вы знаете, устами младенцев глаголет истина.*

Минск. Са-нгу

Посылаю ценной бандеролью лишь то, что имеет художественную ценность.

— *В пути кто-то подменил вашу бандероль. Получили совсем не то.*

Калининград. Ж.

В чем вы находите, что художественный уровень моей прозы не удовлетворяет требованиям вашей газеты? В чем мая ашибка?

В. Шкрабан



«Бумеранг»

— В слове «ашибка» вместо «б» надо писать «п».

Новосибирск. Л-ец

Судьба Анны голубкой билась в руках Мещерского.

— При чем тут голубка? Судьба — индейка!

М-ва. Зо-ву

...меня срочно перевели в школу для детей особо одаренных родителей.

— Передайте наши поздравления папе и маме.

Москва. С-ову

Если юмореска не подойдет, подчеркните в прилагаемой оплаченной открытке один

из типовых редакционных отказов красными чернилами.

— Вашу просьбу выполнили. Благодарим вас, вы были очень любезны.

Тула. А. И.

Я пишу стихи и прозу, философствую, могу достать растворимый кофе.

— Вот это уже ближе к делу..

Пермь. Мар-ой

Он вздохнул, оторвал взгляд своих больших глаз с

В. Розанцев



«Бумеранг»

серовато-синим оттенком цвета февральского неба от клеенки, на которой он писал свою пьесу, и глубоко задумался: почему так трудно пишется?

— *Ничего странного. На клеенке всегда труднее писать, чем на бумаге.*

Москва. Г-ичу

В «ЛГ» № 9 в разделе «Рога и копыта» допущена грубая ошибка.

В заметке «Интересный случай» сказано, что в австралийском селении живут братья-близнецы, одному из которых 36 лет, а другому 24. Разве такое бывает?

— *Действительно, в нашем пародийном разделе допущена досадная опечатка: второму близнецу не 24, а 42 года.*

Москва. Сов-ину

Посылаю одно из своих стихотворений. Если напечатаете, пришлю еще десять.

— *Угрозами от нас ничего не добьешься.*

**Пермь. И-ной,
ученице 8-го класса**

Дорогая редакция, помогите разобраться, какой поэт лучше: Евтушенко или Вознесенский. Мы у себя в классе спорили до хрипоты, чуть не

С. Тюнин



«Бумеранг»

подрались, но так ни к какому выводу не пришли.

— *А вы проголосуйте.*

Душанбе. Ков-ко

Объясните мне всю прелесть и недостаток моих сочинений.

— *Ваши недостатки прелестны, а прелести — недостаточны.*

Пенза. П-ву

Нигде не могу найти пушкинского «Маскарада».

— *Аналогичный случай произошел в Одессе: во всем городе не было чеховской «Бани».*

Гусь-Хрустальный. А-ву

С веселым повизгиванием и вилянием хвоста собака грызла кость.

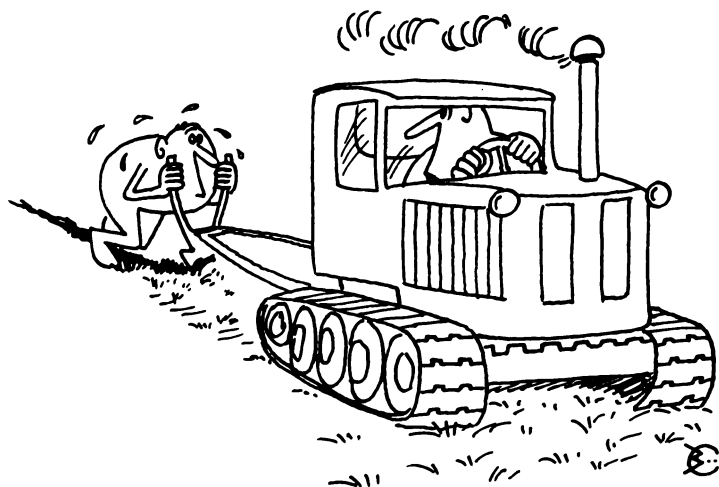
— *С невеселым вздохом и разведением рук вынуждены отказать.*

Воронеж. С-еву

Я вам описал канву, а уж перевести мой рассказ на художественный язык вы сами сможете.

— *Перевели ваш рассказ на английский, французский, хинди, древнегреческий, эсперанто и другие языки, а вот с переводом на художественный язык ничего не получается.*

В. Спельников



«Бумеранг»

Караганда. И-чу

Мне кажется, что Шекспир писал лучше, чем я.

— *Скромность вас погубит.*

Ереван. Ин-ву

Какого цвета чернила вы мне посоветуете для написания моих стихов?

— *Бесцветные.*

Харьков. Б-ну

Мне приснилось

однажды
четко:

Из себя я извлек ребро,
Из ребра неумело и

робко

Для людей изготовил

добро.

— *Адам был того же мнения. А что получилось?*

Москва. Тел-ву

Прошу отнестись к моим стихам со снисхождением, ибо мне приходится творить в условиях дикого, разнузданного произвола со стороны тещи.

— *Руку, товарищ!..*

Киев. Т-ко

Я купил с позолотой

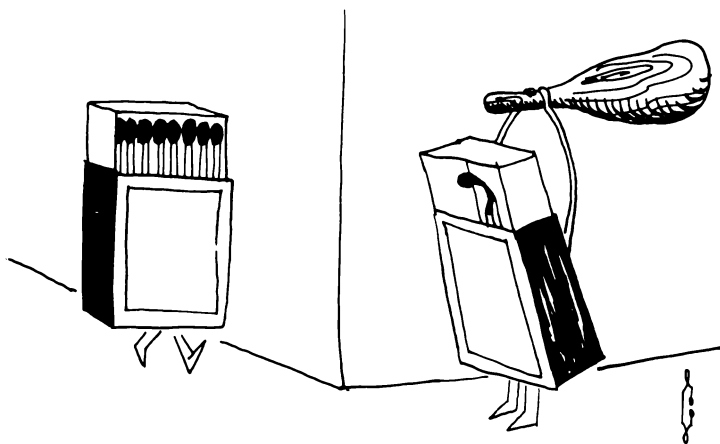
брошку,

Приколю тебе

к теплой груди.

— *Попробуйте сначала приколоть себе.*

В. Сударев



«Бумеранг»

Москва. Сидорову

Тишину с двумя окнами
в комнате нарушали только
действия Ивана и Евдокии Ва-
силевны.

— Поменяйте тишину с
двумя окнами на отдельный по-
лумрак с совмещенной ванной
и займитесь чем-нибудь полез-
ным.

Саратов. Маркову

Тишина. Звон от мозгов
в ушах.

Какая-то сырость, пух-
лость, свежесть, сушь...

— Так что же все-таки в
мозгах: сырость или сушь?

Уфа. З-ву

Вино и женщины
есть лоск угарный.

Страдал ты
непонятем сплошь.

На вид ты бодр,
в душе вопрос
печальный,

Ты будто бы
утерянный галosh.

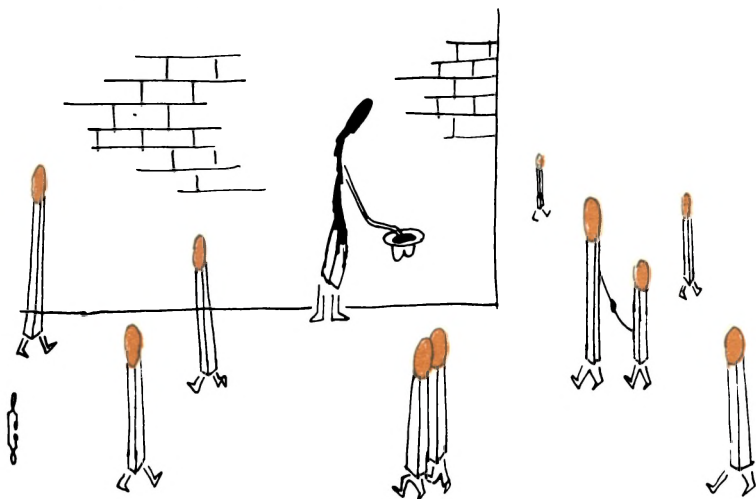
— Стихи хорошие. Печа-
таем...

Симферополь. Бо-ву

Давно я не был
в родной столице,

Но часто с улыбкой
на лице

В. Сударев



«Бумеранг»

Вспоминаю, как ходили
в баню мыться,
Чтоб тело было
в идеальной чистоте.

— Ваш отзыв о работе мо-
сковских бань мы переслали в
горисполком.

Москва. Кис-яну
«...Я волком бы загрыз
бюрократизм», — писал в свое
время Маяковский...

— Надо внимательнее чи-
тать Маяковского. Он писал
не «загрыз», а «заел».

Благовещенск. Р-ву
...Запомни, изменяя мне,
Ты изменяешь всей
стране.

— Ну-ну, зачем так пре-
увеличивать.

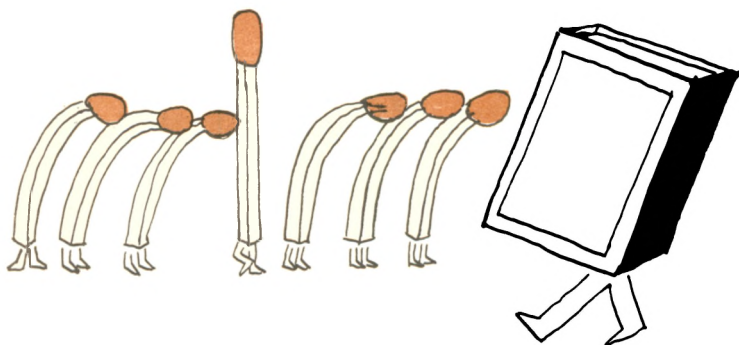
Саратов. М-ину
...Я хожу в дивятый
класс, хотя должен ходить в
дсятый...

— Нет, в четвертый.

Москва. Кукушкину
Тогда я был красив и
молод.
Грудь трепетала от огня.
Хоть молчалив я был,
как молот,
Ценили женщины меня.

— Ничего удивительного.
Женщины любят поэтов.

В. Сударев



«Бумеранг»

Воронеж. Сир-ову

Настроение у меня было — хоть улетай, как будто кто-то мне прилепил крылья. Я сел за письменный стол...

— *Напрасно. Надо было полетать, успокоиться.*

Москва. Низкому

Уважаемая администрация!

Направленный вами Кисяну бумеранг («ЛГ» № 5) зацепил и меня.

«Я волком бы выгрыз бюрократизм» — так писал В. Маяковский («Избранное», Гослитиздат, 1945, стр. 207). А вы утверж-

даете, что Маяковский писал не «выгрыз», а «заел».

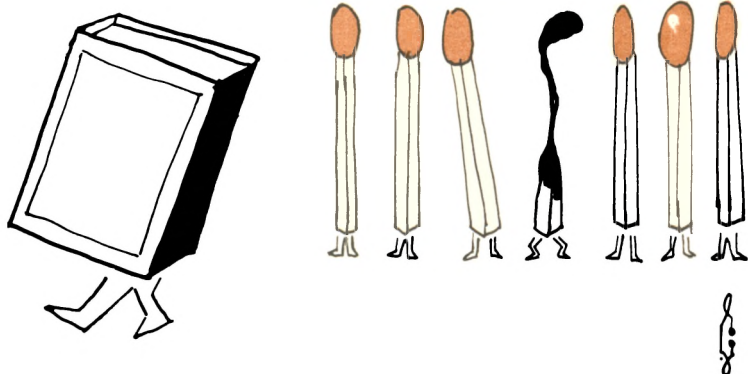
— *Польский сатирик Станислав Ежи Лец говорил: если у человека нет чувства юмора, то должно быть по крайней мере чувство, что у него нет чувства юмора.*

Харьков. Вег-илу

К виду его продолговатого лица добавлялась рассеченная нижняя губа со шрамом на лбу.

— *Советуем сделать своего героя более привлекательным: «...нижняя губа со шрамом на лбу и милой родинкой на носу».*

В. Сударев



«Бужеранг»

Минск. П-ому

Я, может быть, и не стал бы беспокоить вас своими афоризмами, но всем моим знакомым они нравятся и даже начинают расходиться. Не знаю, дошли ли они до Москвы?

— Один ваш афоризм («Жизнь — сложная штука») дошел в целости и сохранности. Другой («Красота женщины — всенародное достояние») пока в пути.

Новосибирск. Пер-ому

Прочтите мои афоризмы и судите меня строго, без скидок на молодость...

— Без скидки на молодость можем напечатать только один

ваш афоризм: «Человек не должен быть умнее, чем он фактически есть».

Симферополь. Гр-еву

Уверен, что вы дадите ход моему произведению.

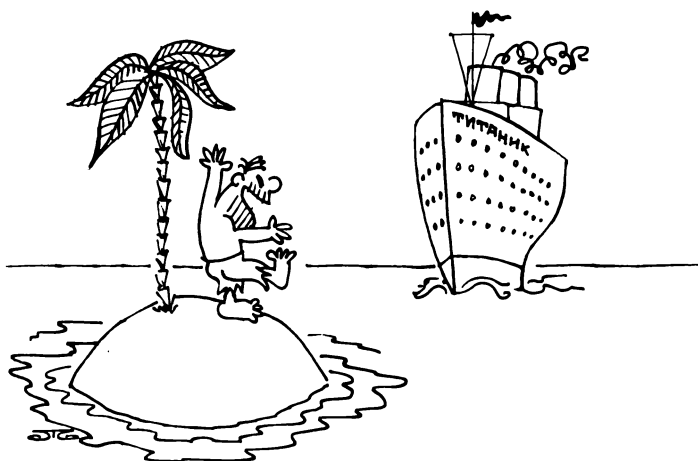
— Даем обратный ход.

Москва. Гур-чу

Посылаю свои стихи, но честно скажу, что я все больше боюсь, что из меня не получится не только Лермонтов, но и даже Пушкин.

— Начинайте писать повести и романы. Тогда, может быть, из вас не получится не только Тургенев, но и даже Толстой.

Теслер



«Бумеранг»

Краснодар. Ас-ву

Заложив в конверт письмо, Бекасов поднес его было к губам, чтобы запечатать слюной, но на полдороге к лицу вовремя остановился.

— *Ваш герой поступил правильно, его пример — другим наука.*

Южно-Сахалинск. Б. Л.

«Еще сто пятьдесят, и точка, — молча говорил вполголоса сам себе Женька, разливая портвейн по рубль сорок семь. — Завтра похмелюсь и начинаю новую жизнь».

— *Мы верим вашему герою. На все сто пятьдесят!*

Севастополь. Б-ину

Желаю моему я внуку,
Чтоб он постиг свою

науку:
Хоть огонь любви бушует
в груди,
Не поддавайся, лучше

умри!

— *Извините за нескромный вопрос: откуда у вас внук?*

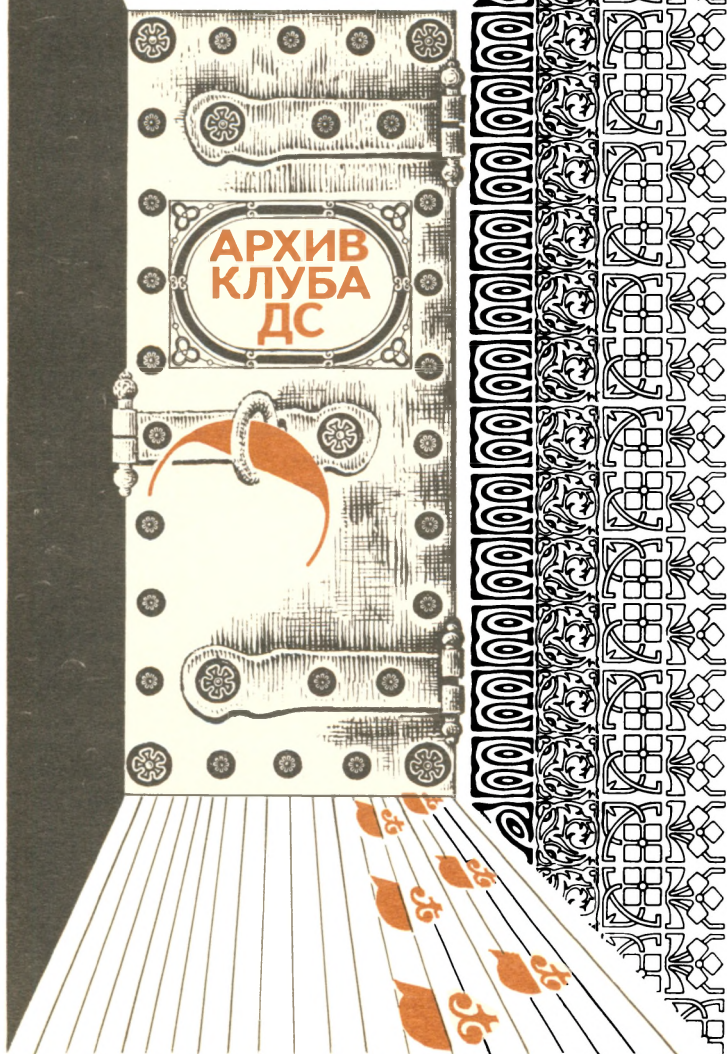
Кишинев. В-ву

Каждая ее морщинка — это волнительная новелла, и я не могу удержаться, чтобы не поведать их вам все...

— *Прочитали первую новеллу. Советуем сократить рукопись на несколько морщин.*

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ САТИРА БЫЛА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО сатирою и достигала своей цели, надобно, во-первых, чтоб она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого определяется творец ее, и, во-вторых, чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено ее жало (М. Салтыков-Щедрин).

Ни одно божество, ни одна религия не выдержат насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надувательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, умирают (Марк Твен).



Вадим Левин

Самые новые английские баллады и сказки

Предисловие переводчика

Я с детства мечтал перевести хотя бы несколько английских стихотворений и сказок.

Недавно я купил словарь, достал английскую книжку со стихами и стал разбирать, что же там написано. Но едва я начинал улавливать смысл какого-нибудь стихотворения, как сразу вспоминал, что уже слышал это — в переводе Чуковского, Маршака, Заходера. Что же делать? Где найти такие английские стихи, которых никто не переводил?

А ведь англичане и сейчас, вероятно, сочиняют английские стихи...

Если б я знал их язык, я бы сам написал что-нибудь на английском языке, а потом перевел бы на русский.

И тут я подумал: «А почему, собственно, для того, чтобы перевести английские стихи, непременно нужно ждать, пока их напишут по-английски? Почему бы не сделать наоборот — сначала сочинить перевод, а потом пускай англичане переводят обратно? А не захотят переводить — тем хуже для них: значит, у нас будет больше английских стихов и сказок, чем у самих англичан!

Эта мысль показалась мне удачной, и я взялся за работу.

Мне будет очень приятно, если «Самые новейшие английские баллады и сказки» придутся по душе англичанам, но больше всего мне хочется, чтобы мои переводы понравились вам.

**Как профессор Джон Фул
разговаривал
с профессором Клодом Булем,
когда тот время от времени
показывался
на поверхности речки Уз**

Джон Фул — профессор трех наук —
Спешил в Карлайль из Гулля
И в речке Уз увидел вдруг
Коллегу — Клода Буля.

— Сэр, видеть вас — большая честь!—
Профессор Фул воскликнул. —
Но что вы делаете здесь
В четвертый день каникул?

Глотая мелкую волну,
Буль отвечал:
— Сэр Джон,
Я думаю, что я
Тону,
Я в этом убежден.

Тогда Джон Фул сказал:
— Да ну?

Клод Буль обдумал это,
Помедлил
И пошел
Ко дну.
Наверно, за ответом.

— Простите, Буль,
Сейчас июль,
А теплая ль вода?

— Буль-буль, —
Сказал профессор Буль,
Что означало
«Да».

Джо Билл

Джонатан Билл,
который убил
медведя
в Черном Бору,
Джонатан Билл,
который купил
в прошлом году
кенгуру,
Джонатан Билл,
который скопил
пробок
два сундука,
Джонатан Билл,
который кормил
финиками
быка,
Джонатан Билл,
который лечил
ячмень
на левом глазу,
Джонатан Билл,
который учил
петь по нотам
козу,
Джонатан Билл,
который уплыл
в Индию
к тетушке Трот, —
так вот
этот самый Джо Билл
очень любил
компот.

Вл. Влади́н

Ное-что о Гомере

...И вот я в Клинцах. У первого встречного спрашиваю: «Где живет Нюра Спиридонова?» Прохожий оживляется, берет меня за пуговицу и ведет.

Славная, уютная комната. Много книг — Юлиан Семенов, Лев Овалов, «Сестра Керри». В углу — орган с партитурой песни «Помнишь, мама моя, как девочку чужую...». Чувствуется, что здесь знают и любят музыку. На стене — великолепная репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Все дышит культурой. Да и как иначе: дед — провизор, другой дед — первый в России мужчина-акушер, племянница до сих пор не верит в бога...

Разговариваем. Нюра — интересный собеседник, она знает много иностранных слов, обладает несильным, но глубоким голосом, наизусть читает Лопе де Вега.

Наконец, мы переходим к делу, из-за которого я приехал в Клинцы, — к Гомеру. Нюра, волнуясь, вынимает из шифоньера семейный альбом. Листаю. Вот тот самый дед — красивый старик с бородой, вот дядя первого мужа — тоже интересный мужчина, вот групповой портрет племянников. Наконец, пожелтевший листок пергамента. Мучительно знакомый почерк — сердце учащенно забилось! С трудом разбираю текст:

- 848.** Как там дела со здоровьем у шурина Вашего, у Ахиллеса?
Все ли как давеча чувствует жуткие боли он в пятке?
Видимо, это подагра — солей отложение, другими словами.
- 849.** Надо бы съездить в Мацесту ему непременно намедни,
Ту, что находится где-то в районе Колхиды прекрасной...

Потрясающе! Но ведь Гомер не умел писать?! Как же так... Значит, умел? С другой стороны, гекзаметром сейчас никто не творит — утерян секрет...

— Нюра, откуда это у вас? — спрашиваю я.

— Это всегда было. Семейная хроника утверждает, что он был нашим родственником, далеким предком.

Интересная особенность: в семье Спиридоновых вся женская линия пишет стихи и даже печатает их в

журнале «Работница». А прабабка очень плохо видела! Тут что-то есть! И все-таки страшно подумать — ведь Гомеру сейчас было бы 2 700 лет!

Читаю дальше:

5441. Как там с продуктами? Если что надо — я вышлю.

Амбра, нектар здесь не дорог — пять драхм за пол-литра.

Нынче на ярмарке яйца купил у данайцев —

Тухлыми были они, черт побери их!

5442. Вот уж, поистине, бойтесь данайцев, продукт продающих.

Так вот оно что! Удивительная мысль, как молния, сверкнула в моем мозгу — семь городов спорили за право называться родиной Гомера, а ведь великий автор «Илиады» и «Одиссей» родился здесь, в Клиссах!

...С большим душевным волнением прощаюсь я с этой простой, но ставшей мне необычайно близкой женщиной, — далеким потомком древнего грека... Вслед мне несутся мощные аккорды органа: «Помнишь, мама моя...»

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

Глава...

Географическое положение и доходы королевства Бимбомдонг. Король Мамапапа милостиво принимает Автора. Расцвет изящных искусств в Бимбомдонге. Развитие наук и поощрение ученых.

Остров Допингпонг, на котором разместилось королевство Бимбомдонг, находился под 44 градусами 5 минутами северной широты и 182 градусами 6 минутами долготы. Допингпонг со всех сторон окружали грозные скалы и рифы.

Почти непрерывно бушующие в этих широтах штормы и тайфуны загоняли прямо на рифы проходившие мимо корабли, и ничто не могло спасти несчастные, обреченные суда от верной гибели.

Сокровища разбивавшихся о скалы кораблей служили постоянным и весьма значительным доходом королевства. Если же в результате непредвиденных стихийных бедствий (как называли здесь прекращение штормов) число кораблекрушений на время уменьшалось — доходы королевства тоже уменьшались. Но в таких случаях бимбомдонгцы по приказу короля Мамапапа нагружали свои собственные корабли и сами топили их на тех же рифах. Благодаря этому доходы Бимбомдонга снова увеличивались и королевство неизменно процветало.

На третий день после того, как судьба забросила меня в Бимбомдонг, я был милостиво принят королем Мамапапом. Внимательно выслушав рассказ о моих путешествиях, король стал расспрашивать меня об Англии. Особенно интересовало его, есть ли у меня на родине изящная словесность. Дело в том, что Мамапапа, отличавшийся незаурядным умом и всеобъемлющими познаниями во всех науках, более всего увлекался искусством и почитался тонким ценителем изящной словесности. Каждый писатель мог рассчитывать на его высокое покровительство. И все виды изящной словесности всемерно поощрялись в Бимбомдонге. Немилость и запрет вызывало лишь то, что было неизяшно.

Причем что именно является изящным, а что — неизящным, устанавливал сам король. Устанавливал он это научным методом, а именно в зависимости от времени года, расположения небесных светил и состояния собственного здоровья.

Но, увлекаясь искусством, Мамапапа не забывал и о развитии наук. Так, например, ученому, сделавшему какое-нибудь серьезное открытие, король жаловал сообразно с важностью открытия титул Корифея или Полукорифея и дарил особого покроя камзол.

Корифеи получали камзол, украшенный шестью золотыми полосами, Полукорифеи — шестью серебряными. Полосы шли сверху вниз и имели два дюйма в ширину и три фута в длину.

Появление ученого в подобном камзоле вызывало в любом обществе преклонение и восторг. Любая знатная дама с удовольствием принимала ухаживания Корифея или Полукорифея.

Сначала титулы эти присваивались пожизненно. Но вскоре Мамапапа обнаружил, что, едва получив награду, ученые переставали заниматься наукой, предпочитая беспрерывно красоваться в своих вызывающих всеобщее восхищение камзолах.

И тогда мудрый король издал новый закон. Согласно этому закону звание Корифея или Полукорифея оставалось за ученым только до тех пор, пока данный ученый не изнашивал пожалованного ему вместе с титулом камзола. Штопать, латать, подновлять и перелицовывать его строго воспрещалось.

Король полагал, что теперь Корифеи перестанут щеголять в камзолах и вернуться к занятиям наукой.

Но мудрое предвидение короля сбылось только отчасти. Корифеи действительно перестали гулять в камзолах, ибо каждая прогулка ускоряла их износ и, следовательно, приближала потерю титула.

Однако и к научным занятиям Корифеи и Полукорифеи также не вернулись, потому что все время тратили теперь на то, чтобы охранять свои драгоценные камзолы от пыли, моли, сырости, сухости и многих других неприятностей, способных преждевременно лишить высокоученых камзоловладельцев их почетных званий...

Нашел в своем столе и опубликовал

Владлен Бахнов

Из записных книжек У. Шекспира

Вчера опять какой-то болван подошел ко мне на улице, хлопнул по плечу и заорал: «Здорово, Бекон!» Вечно меня с кем-то путают...

Заключил договор на 154 сонета. Однако аванса опять не дали.

Как лучше: «Бедный Марик!»¹ или «Бедный Иорик!»? Подумаю...

Было, было, было. Ну, жить друг без друга не могут, ну, родители против. Страшная вражда и под конец — смерть! Или оставить *in statu quo ante*² — герои все-таки выжили — с условным названием «А если это любовь?».

Приглашен к лорду-адмиралу. Этот скупец подал жидкий чай и — о боги! — два часа болтал о направлениях в современном искусстве...

Может быть, «Бедный Юрик!»? Нет, все-таки «Бедный Иорик!».

Вот я думал-думал и решил: *мир*, по-видимому, — *театр*, а *люди* до какой-то степени — *актеры*!³

Ленч был отменен⁴. Спор шел о литературе. Конечно, принц...⁵, но от него многое зависит. Советует взять псевдоним. Ретленд звучит? Подумаю...

Мавр ли? А может быть, не мавр. Нет, мавр скорее пройдет...

Как хочется, чтобы всего «Гамлета» читал один актер. Однако раньше, чем через 350 лет, до этого не додумаются. Наверное, не доживу...⁶.

Пожалуй, вместо «Быть или не быть?» Вот основная проблема в свете последних указаний» лучше «Быть или не быть?» Вот в чем вопрос.

Ну, где плагиат? У меня: «О, помоги мне, боже!»⁷ А у Марло просто «О!»⁸.

Почему не создал пьесу про овцеводство? Все-таки этот принц большая...⁹.

О небо! Тоже мне новаторы — поставили «Отелло» и по-настоящему задушили Дездемону... И это называется «правда жизни»? За такую систему надо ссылать на галеры!

Почему действие в Венеции? Почему в Дании? Бросьте, говорит, эти ваши интеллигентские штучки...

У бедной музы красок больше нет,
А что за слава открывалась ей!

Или так:

У бедной музы красок больше нет:
На тебе сошелся клином белый свет...
(Повторить три раза?)

Первый вариант лучше, а то, боюсь, петь начнут...

Примечания

- ¹ По-видимому, герцог Розовский.
- ² Латынь. Для своего времени великий драматург был интеллигентным человеком.
- ³ Курсив мой. (Вл. Вл.)
- ⁴ Игра слов. Ленч по-английски — еда. «Отменен» следует читать с ударением на первом «е».
- ⁵ Неразборчиво.
- ⁶ До сих пор загадка, как Шекспир мог предвидеть выступление Рецептера.
- ⁷ Драма Шекспира «Генрих VI».
- ⁸ Пьеса Марло «Эдуард II».
- ⁹ Голова? Неразборчиво.

Нашел в своем столе и опубликовал

Вл. Владин

Неизвестная баллада Киплинга

Недавно исследованиями сотрудников нашего архива было обнаружено, что популярный английский писатель Р. Киплинг проявлял незаурядный интерес к русскому фольклору и даже написал «Балладу о Колобке» по мотивам известной сказки. Разумеется, образы сказки трактованы Киплингом сугубо тенденциозно, рассказ о Колобке под его пером превратился в очередной апофеоз сильной личности, обаятельная сказочная Бабушка представлена злобной фурией, этакой леди Макбет, а Дедушка и вовсе выпал из повествования. Кипление атавистических инстинктов — вот что такое киплингowski «Колобок».

Баллада о Колобке

О, день — это день, а ночь — это ночь, и ночью темней,
чем днем.

И страх в груди нелегко превозмочь, слыша волчий вой
за окном.

Дома — мир, а за окнами — хруст и вздохи исподтишка:
Это зайцы где-то грызут кору зубами в четыре вершка.
И барабанит по листьям дождь, и где-то рычит Медведь,
Но выбирает холод и ночь тот, кого могут съесть!
Колобок взглянул на ночь из окна, и не струсил он перед
ней.

И там, где должна была быть луна, было еще темней,
Но Колобок не искал ее, он выпрыгнул прямо в сад.
И, как племя масаи хватает копьё, Бабка схватила ухват.
И, как племя масаи швыряет копьё, Бабка швыряла ухват.
И трижды за это время ее настигал жестокий инфаркт!
И трижды Бабка пила валидол и вкалывала камфору,
Пока четвертый ее не свел к праотцам поутру.
Вперед! От волчьих зубов — бегом, бегом — от заячьих
лап!

Пусть ты один против ста врагов, не струсит тот, кто
не слаб.

Медведь могуч, но он же и глуп, ты ж разумом
не обойден:

Коготь на коготь и зуб на зуб встретишься с Медведём!

Лиса хитра — окажись хитрей, и она у тебя в руках!
Спой ей, как некогда плыл в Мандолей, и канет ей в душу
Страх,

Если ж он в душу твою вошел, имя тебе — прах!
Славься, уменье бегать,

славься, уменье плыть!

Их не заменит уменье затейливо говорить.

Да будет в веках прославлен победный звериный скок!

Средь тысяч славных нет тебе равных,

бегущий вперед Колобок!

Нашел в своем столе и опубликовал

И. Липкин

Из черновиков Гёте

Внештатный литературовед «Клуба ДС» И. Липкин обнаружил недавно черновик неизвестного отрывка из трагедии Гёте «Фауст». Наряду со встречавшимися и ранее персонажами трагедии — Фаустом и Мефистофелем — в найденном отрывке действует доселе незнакомый герой Колобок.

Акт четвертый

Харчевня

Фауст, Мефистофель и Колобок сидят за столом.

КОЛОБОК

Извечная загадка бытия —

Сей дуализм материи и духа.

Скажи мне, черт, существовал ли я,

Пока я не был испечен старухой?

Конечно, дух был мертв. Но плоть моя

Существовала ж где-то по сусекам?

ФАУСТ

(простодушно вмешивается).

Пока ты не был, не было тебя.

КОЛОБОК

(ядовито).

Ответ, вполне достойный человека.

Посредственности плоской торжество,

По-человечьи куцая мыслишка.

МЕФИСТОФЕЛЬ

(тихо, Фаусту).

Послушай, Фауст, надо съесть его,
А то он что-то умничает слишком.

КОЛОБОК

Вот заяц тоже собирался съесть,
Но, совестью ни капли не терзаясь,
Я обманул его. И вот я здесь.

МЕФИСТОФЕЛЬ

(назидательно).

Ну, черт, мой друг, он все-таки не заяц.
(Намазывает Колобка маслом.)

КОЛОБОК

(из-под слоя масла).

Пусть заяц слаб. Но встретился мне волк.
С его зубами и с его когтями,
Казалось бы, любого съесть он мог...

МЕФИСТОФЕЛЬ

Ну, против черта даже волк не тянет.
(Съедает Колобка.)
Да, Фауст. Черт — совсем особый зверь.
Он не чета собаке или кошке...

ФАУСТ

(задумчиво прерывает его).

Скажи мне, черт, а где же он теперь,
С тех самых пор, как съеден он до крошки?

МЕФИСТОФЕЛЬ

(устало).

И ты туда же?..

Конец

Неизвестные рубаи Омара Хайяма

Недавно, ведя раскопки Неаполя скифского под Симферополем, археологи обнаружили неизвестные рубаи Омара Хайяма.

Время так стерло строчки, написанные его собственной рукой, что от них ничего не осталось. Только номера, стоявшие над четверостишиями, позволили симферопольскому поэту Владимиру Орлову восстановить отдельные рубаи.

За достоверность номеров, впрочем, ручаться нельзя, ибо цифры тоже были стерты веками. Но зато после реставрации, как бы наперекор безжалостному времени, стихи Омара Хайяма звучали так, как будто они были написаны вчера, а не девять веков назад.

Реставрация рукописи продолжается.

Хоть руки мне протягивают боги,
Но я живу в смятенье и в тревоге:
Бывает так протянута рука,
Что от нее протягивают ноги.

На кладбище веди себя пристойно:
Здесь критик спит — великий и спокойный.
Но возле камня бдительно ходи —
Его носил за пазухой покойный.

О звезды, мы песчинки среди вас,
Для глаза неприметные подчас!
Хотя песчинку тоже замечают,
Когда она влетает в чей-то глаз.

Игра, как бой, — она ведет к утратам.
Порой король становится солдатом.
Мы видим, что фигуру нужно снять,
А нам фигура отвечает матом.

Отращивает бороду иной,
Как будто он мудрец или святой.
И кое-кто готов ему молиться,
Не разглядев лица под бородой.

Под вечер ветры дикие проснулись,
Дома стояли, горестно сутулясь.
О гибкости и тонкости своей
Шумел камыш, когда деревья гнулись.

От мудрого совета не беги:
Врагов на всякий случай береги.
Когда друзья становятся врагами,
Друзьями нам становятся враги.

«Дурной, как пробка» — сказано умно.
Мы знаем эту истину давно.
Из века в век мы это повторяем
И... затыкаем пробками вино.

Вину в забитой бочке не до шуток:
Путь к совершенству — это промежуток,
Который длится пять и десять лет.
А иногда — всего пятнадцать суток.

Вокруг двора, красуясь на пригорках,
Стоит забор, качаясь на подпорках.
Не для двора — он служит при дворе.
А при дворе — он где-то на задворках.

Издали видеть наверняка:
Издали мы видим дурака.
И умного порою шлем подальше,
Чтоб рассмотреть его издали.

Коль белый цвет — он только белый цвет.
Коль черный цвет — он только черный цвет.
И ничего нет общего меж ними.
А если есть — то это серый цвет.

Вокруг могилы запустенья след —
Никто сюда не ходит много лет.
На памятнике старая табличка,
Которая гласит «Приема нет».

Ты спишь в земле. Давно угас твой взор.
С вином боролся ты, ведя с ним долгий спор.
И все-таки оно тебя свалило
И не дает подняться до сих пор.

Терпению нас учат мудрецы —
Седые, престарелые отцы.
Легко терпеть тому, кому осталось
Совсем немного, чтоб отдать концы.

О Персия моя! Мой край богатый!
Твои плоды алеют, как закаты!
Но почему, базаром проходя,
Я вижу там грузинские гранаты?

О, где слова такие подобрать
О том, как трудно друга подобрать?
Вставай скорее! Здесь лежать опасно!
Тебя другие могут подобрать!

Когда поэт поэту угрожал,
Я до утра молился и дрожал, —
Спасибо тебе, господи, за то, что
Ты дал ему перо, а не кинжал!

Средь мудрецов считался ты глупцом.
Глупцы тебя считали мудрецом.
И мудрецы глупцами оказались,
Когда ты стал влиятельным лицом.

Над соловьями сел на ветку чижик.
Был этот чижик выжигой из выжиг!
Хотя сидел он выше соловьев,
Но пел, как прежде, только «чижик-пыжик».

Пора начать. Но как теперь начать?
Забыл очки — и вынужден молчать.
Скажи, аллах, когда чужие мысли
Мы без очков научимся читать?

Пьер Бертон

Нам нравится сюжет...

Действие происходит в театре «Глобус», в Лондоне, примерно в 1602 году. Заседает художественный совет. Присутствуют: главный режиссер, постановщик, директор театра, помощник директора, редактор, две очаровательные секретарши редактора, представитель театрального агентства, человек из отдела рекламы и драматург У. Шекспир.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Ну так вот, Уилл, мы считаем, что в вашей рукописи заложены огромные возможности. Нам нравится сюжет. В основном.

ШЕКСПИР (скромно). Я о многом хотел сказать в этой пьесе.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Имейте в виду: кое-что придется переделать. Ваша вещица несколько хромает. В художественном отношении.

ШЕКСПИР (нервно). Но позвольте! Я хочу, чтобы вы уяснили мою основную идею. Здесь очень важные нюансы. Такие сложные образы...

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА. Уилл, мы все считаем, что в наших руках действительно очень ценная вещь. Но поймите нас правильно: дело в том, что она, как бы это точнее сформулировать... одним словом, она не слишком выгодна в коммерческом отношении. Не смею спорить с вами, Уилл, но признайтесь, что действие разворачивается несколько медленно.

ШЕКСПИР. Вот именно! Так и должно быть. Я стремился к этому. Действие начинается медленно и постепенно нарастает.

ПОСТАНОВЩИК. В наши дни, дорогой Биль, зрителя надо сразу хватать за душу. Он не любит ждать. Ему подавай остренькое с самого начала. В конце концов сейчас не 1591 год. Ну вы подумайте: принц находит письмо, из которого он узнает, как был убит его старикан. Это же просто волокита, Биль!

РЕДАКТОР. Послушайте, Уилл. А как насчет того, чтобы на стене замка неожиданно появилась тень, ну в общем призрак старикашки, и сама сказала пареньку, как она, в смысле он был умерщвлен, а?

ШЕКСПИР. Тень отца? Да вы в своем уме? Кто клонет на такой дешевый трюк?

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Мне такой поворот нравится. Театральные обозрения подтверждают, что публика обожает всякие ужасы.

ШЕКСПИР. А вы не забыли, какой шум поднимает общественность? Учителя и родители обвиняют нас в том, что мы развращаем молодежь.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕКЛАМНОГО ОТДЕЛА. Стоит ли из-за этого беспокоиться, Уилл. Эту, как вы говорите, «общественность» легко умиротворить, если вставить где-нибудь в середине спектакля небольшую нравоучительную речугу. И почему бы старику Полонию не сказать своему сыну, что надо быть бережливым, что нехорошо занимать деньги, ну и разное другое. Словом, что-нибудь такое, что детишки потом будут учить наизусть по учебникам.

Шекспир громко стонет.

РЕДАКТОР (*главному режиссеру*). Это не столь уж важно, сэр, но, на мой взгляд, в сцене первого убийства мало новизны.

ШЕКСПИР. Чем плох кинжал?

РЕДАКТОР. Кинжал — это неплохо. Но мы с ним достаточно переборщили в «Цезаре». А что, если — это всего лишь предположение, Уилл, — что, если она вольет ему яд в ухо? Такого еще никогда не было.

ШЕКСПИР (*ядовито*). Может, потому, что это самый нелепый способ отправить кого-нибудь к праотцам?

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Послушайте, Уилл, уступите нам. Стоит ли много говорить о такой мелочи. Попробуем сделать этот кусок в таком плане, а? Все будет о'кэй, старина.

ШЕКСПИР (*вздыхает*). Ну что поделаешь, ладно.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АГЕНТСТВА (*главному режиссеру*). Еще вопрос возраста, сэр.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Да-да. Мы хотели бы знать ваше мнение, Уилл. Дело в том, что Офелия должна быть подростком.

ШЕКСПИР. Послушайте. Я и так уж сам не рад, что разрешил вашим дельцам опошлить «Ромео и

Джюльетту». Это же неслыханно: два четырнадцатилетних ребенка занимаются любовными делами. Как хотите, но Офелии не меньше тридцати двух.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АГЕНТСТВА. Критики подтвердили нашу правоту впоследствии, Уилл. Юные зрители должны узнавать в героях самих себя. Они должны понять ее эмоции, когда она сбрендит.

ШЕКСПИР. Какой кошмар! Вы что ж, хотите, чтоб и я сбрендил? Я художник. Понимаете — художник, а не машина. Я работаю интуитивно!

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Давайте и здесь договоримся, Уилл. Не забывайте: рынок диктует нам свои условия.

ШЕКСПИР (*пожимая плечами*). Ну что ж. В конце концов, вы платите за все. Выкладывайте, что там у вас еще.

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР (*извиняющимся тоном*). В пьесе до смешного мало секса, Уилл. О, я вижу, что вы хотите сказать! Вы художник! О'кэй. Мы не спорим. Мы глубоко уважаем вас как художника, Уилл. И, поверьте, никто не собирается лишать ваше произведение высокого благородства. Но разве зазорно ввести некоторые новые сюжетные ходы для оживления действия?

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Сказать по совести, мне что-то не рисуется концовка. Надо уж сделать финал так финал!

ШЕКСПИР. Оставьте в покое финал пьесы. И не уговаривайте. На фоне заката они уходят вдаль, взявшись за руки. Это так поэтично...

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Но, Уилл, старина, вы же знаете, что публика ждет гораздо большего. Давайте заглянем истине в глаза: зритель жаждет кровопролития, причем не какого-нибудь, а настоящего, со стонами!

ПОСТАНОВЩИК. Ага. Здорово! Кинжалы, шпаги или чаша с ядом. Смертельные схватки! Повсюду валяются трупы, черт возьми!!!

ДИРЕКТОР. А может, заставить принца прыгнуть в могилу и найти там старый череп или еще что-нибудь такое?

РЕДАКТОР. Придумал! Пусть он дерется в могиле! Ну как, старик? Те, на задних рядах, они же просто обалдеют!

ДИРЕКТОР (*кричит радостно*). И он зарежет брата своей возлюбленной!

ПОСТАНОВЩИК. Великолепно! И давайте еще утопим девчонку. Или пусть она сама себя утопит!

СЕКРЕТАРША (*радостно*). Ага! В приступе буйного помешательства! А мамашу мы отравим!

ПОСТАНОВЩИК. Всех!! Передушить, перерезать всех и вся! Шпаги отравлены, черт возьми!

ШЕКСПИР. Стойте. Довольно. Все, что вам нужно, — это секс и насилие! Вы совершенно не цените художника! Вы начинаете мои пьесы собственной пошлятиной. Так больше не может продолжаться. Возмущение и протест против показа насилия на сцене растут, и волна пуританства...

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Послушайте, Шекспир. У нас коммерческое предприятие, и вам не следует забывать об этом. Я уже начинаю уставать от ваших претензий. Смеею заметить, я не намерен швырять весь свой капитал на ветер ради ублажения вашей души. Я плачу вам деньги для того, чтобы вы писали доходные пьесы, и если вам это не нравится, есть много других, которым это нравится. Сегодня утром у меня в кабинете были Джонсон и Флетчер. Так что или мы будем более сговорчивы, или нам придется...

ШЕКСПИР. Ну что ж. Я знаю, что перед вами бессилён. Еще десять лет терпения — и я распродаюсь с этим кошмарным миром и осяду в одном местечке, которое называется Стрэтфорд. Там-то я смогу наконец ходить с высоко поднятой головой.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕКЛАМНОГО ОТДЕЛА. Как насчет названия, сэръ?

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР. Да, верно. Название слишком длинно. Мы собираемся назвать спектакль просто «Гамлет».

ШЕКСПИР. «Гамлет»? Кто что-нибудь слышал о Гамлете? Это название ни о чем не говорит.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕКЛАМНОГО ОТДЕЛА. Очень может быть, душа моя. Но согласитесь, эти шесть букв как раз по размеру для вывески над театральным подъездом.

Джеймс Тербер

Тигрица Сабра и ее супруг

Некогда тигр по имени Праудфут женился на тигрице Сабре и вскоре после свадьбы безнадежно разочаровался в своей подруге. Он стал рано уходить из дому, а возвращался порой поздней ночью. Праудфут больше не называл Сабру сладкой лапушкой и другими нежными именами, а просто начинал скрести когтями или рычать, если ему требовалось что-нибудь, а она была в другом углу пещеры. Как-то утром он разразился самой длинной за все время супружества речью:

— Чем ты недовольна, черт возьми? Рис и горох я тебе приношу? Приношу. И кокосовое масло ты получаешь. А про любовь пора забыть, пора спрятать ее куда-нибудь подальше вместе со старой подвенечной шкурой.

Праудфут допил кофе, сложил «Новости джунглей» и направился к двери.

— Куда ты идешь? — спросила Сабра.

— По делам, — сказал супруг.

С тех пор на подобные вопросы он отвечал кратко: «стало быть, нужно», «по делам» и «тебя не касается».

Когда Сабра почувствовала, что приближается событие, которое приносит столько радости в другие семьи, и сказала об этом мужу, он прорычал что-то нечленораздельное. В последнее время он объяснялся с женой лишь звуками, и его «ррр» можно было понять так:

— Надеюсь, щенки станут генералами или хотя бы научатся прилично играть на ксилофоне.

И он ушел из дому совсем. Так поступают все тигры. Они спокойно в сторонке выжидают время, когда дети подрастут настолько, чтобы можно было выпивать с сыновьями и оскорблять дочерей, наставляя их на путь истинный. В ожидании неприятного события он развлекался и мародерствовал в компании переодетых полицейских.

Явившись как-то домой поздней ночью, он прорычал с порога, что если щенки запишат и разбудят его, Праудфута, он утопит их, как котят.

Борьба была короткой и жестокой. Праудфут, сраженный самым быстрым в джунглях ударом правой, так и не очухался.

Наутро, когда тигрята проснулись и стали бегать по пещере, мать сказала:

— Подите поиграйте с отцом.

У камина лежала шкура тигра. Дети очень любили отца.

МОРАЛЬ: не поступай подло с женой, даже если ты и тигр.

Перевела с английского

Л. Биндеман

Васа Попович

Поэт с усами

Я никогда ничего не писал для денег. Случись такое, я бы первый презирал себя. Я пишу для славы.

И даже сейчас, хотя мне уже далеко не двадцать лет, когда я пишу, я думаю: что скажет она, когда прочтет это? «Она» — не конкретна, это не какая-то определенная девушка. Она — это та, которая когда-нибудь пройдет мимо с восторженным вздохом: «Боже, это он!»

Я мог бы переносить голод, я мог бы ходить зимой в апостольских сандалиях, я мог бы ночевать на садовой скамейке... Но чтобы никто ничего обо мне не знал — этого я бы пережить не смог.

Вы себе не представляете, что это значит для поэта, когда его узнают на улице или в кафе! Вы не можете себе представить всю волнующую прелесть шепота у себя за спиной: «Боже, это он!»

Вот я таков!

И таковы все мы, служители музыки. Хотя, возможно, есть писатели, для которых слава не важна... Значит, они пишут за деньги. Ну и бог с ними, если они такие!

А вот мой друг и я — мы совсем другие: мы оба пишем стихи и песни, и оба принадлежим к одному направлению, и друг другу не завидуем, и деньги нам не важны.

В поэзии мы одного ранга примерно.

Мы большие друзья.

И случилось — я чуть было его не возненавидел. Червь уже начал делать свое дело — червь зависти, червь раздора...

Есть одно маленькое кафе, куда мы оба ежедневно ходим. Здесь мы сидим, пьем шприцер и наблюдаем посетителей. Изучаем заботы людей по их лицам, отмечаем трудности сегодняшнего дня по числу выпитых рюмок.

И вот несколько дней назад являемся мы в свое обычное время. Едва мы открыли дверь, навстречу нам с распростертыми объятиями кидается какой-то толстяк. Ну прямо, как дьявол, летит на нас! Хватает

он моего приятеля, хлопает по спине, обнимает его и целует — этот толстяк!.. А на меня даже и не смотрит!

— Друг ты мой, счастье мое! — кричит он. — Как я тебя ждал, звезда моя! Садись со мной, заказывай, пей, я за все плачу!

Кроме этого толстяка за столом сидели еще два типа, почти такие же толстые, как и он. И пока толстяк обнимал моего приятеля, целовал его и говорил всякие глупости: «счастье мое», «звезда моя», «мой герой», «какие у тебя усы!» — эти два типа молчали.

— Что ты будешь пить? — веселился толстяк. — Хочешь вина? Жареного мяса, огурчиков?

Мой приятель, красный как рак, надулся индюком и смотрел на меня все с большим снисхождением. Боже, если бы этот толстяк догадался прочесть его последние стихи, этот позор, эту пародию на поэзию...

— В твою честь пью этот бокал, счастье мое! — продолжал болтать толстяк без умолку. — Эх, что за усищи у тебя! Ой, и молодец же ты! — И дернул моего приятеля за усы. Ну и стыд!

Я никогда не отпускал усов. Терпеть не могу, когда они так некультурно торчат под носом. А если бы даже я их отрастил, то я бы ни за что не позволил, чтобы меня за них хватал всякий босяк. Слушай, друг, где твое достоинство?

Но мой приятель таял, таял, таял... А потом так разважничался, что начал поглядывать на меня уже с явным пренебрежением.

— Спасибо тебе, что ты пришел! — не унимался толстяк. — Спасибо тебе, мой лучший друг, солнце мое, выигрыш мой! Хочешь ли отведать шашлычка? Или отбивную?

— Спасибо, спасибо, я этого еще не заслужил, — прикидывается скромником мой приятель. — Я еще не знаменит, только начинаю писать.

— Что? Не знаменит? — оживился толстяк. — Как не знаменит? Для меня ты самый знаменитый, самый лучший, самый незаменимый, самый красивый... Вы только посмотрите, что у него за усы! Да ты настоящий красавец!

Я вижу, что мой приятель начинает нервно ерзать на стуле. Я уж понимаю: хочется ему, чтобы по-

говорили еще и про стихи, вспомнили его песни. Жалкое, претенциозное ничтожество.

— А что вы читали... из моих сочинений? — спрашивает он. — Вам нравятся мои песни?

— Песни? — говорит толстяк. — Да вообще-то песни люблю. Хочешь, спою одну про любовь? Ну такая — просто за душу берет! Вот слушай. «Где же ты, моя зазноба? Помнишь, как с тобой гуляли?» — запел толстяк.

Пел он ужасно, но мне все это почему-то понравилось, прямо какая-то радость разлилась у меня по всему телу.

— Прекратите это издевательство! — взбесился мой приятель. — И вообще, зачем вы меня сюда звали? Чтобы устроить этот цирк?

— Что, что? — удивился толстяк.

— А то! И вообще хватит! — отрезал мой приятель, неожиданно вспомнив о достоинстве поэта.

— Что-о-о?! — Толстяк начал наливать кровью. — Я угощаю тебя и этого твоего... вином, вы едите мой шашлык. И еще ты хамишь? Думаешь, если у тебя усы, так ты можешь безобразничать?

— Оставьте вы в покое мои усы!

— Что? Оставить усы? Да не будь этих усов, я бы и не позвал тебя к столу. Да ты просто мой выигрыш! Ты знаешь, что такое пари?

— Знаю, ну и что? — недоуменно пожал плечами мой приятель.

— Ничего ты не знаешь! Знал бы — так не разговаривал... Был бы мне только благодарен! Сидели мы здесь трое за столом, а я и говорю: «Ставлю тысячу, что первый, кто сюда войдет, будет с усами». А они двое — нет, говорят, без усов. Вот мы и стали ждать: с усами — без усов, с усами — без усов. И вдруг входишь ты! Я выиграл! Вот я и позвал тебя на радостях!..

Мой приятель, красный от злости, резко встал из-за стола. Я тоже вскочил, и мы быстро вышли на улицу. И я счастлив, что червь раздора недолго грыз мое сердце и что он не подточил нашу дружбу — дружбу двух мужчин и поэтов.

Анатолий Потемковский

Популярность

Мы отдыхали в сквере на скамеечке вместе с поэтами Кошоном и Самофракийским, был с нами также некий Фальцет, автор многотомной эпопеи «Невспаханная земля». Напротив сидели какие-то ребята, державшие на коленях книжки.

— Приятное зрелище, — произнес прозаик Фальцет.

— Несомненно, — признал поэт Самофракийский.

— Даже очень, — согласился Кошон. — Особенно для меня, ибо тот, в середине, держит мои «Избранные стихотворения».

— Молодежь рвется к поэзии, — сообщил Самофракийский. — Это дает нам основание с оптимизмом смотреть в будущее. Вы можете заметить у того, слева, мой «Алмазный вал».

Прозаик Фальцет напряг зрение и с отвращением посмотрел на ребят. Внезапно его лицо осветилось улыбкой, ибо он заметил, что ребята держат и «Невспаханную землю» — плод его многолетней деятельности.

— Эти ребята мне нравятся, — сказал Фальцет. — Я с ними хочу поговорить.

Они пересели на скамейку к ребятам.

— Я вижу, вас книги интересуют, — начал Фальцет. — Что вам больше всего нравится?

— Энциклопедии и словари.

— А поэзия? — спросил Самофракийский.

— Поэзия тоже, — ответил один из пареньков. — Избранные произведения хороши.

— Я вижу у вас роман в пяти томах «Невспаханная земля», — сказал Фальцет. — Что вы о нем думаете?

— Лучшее из того, что у нас есть, — хором ответили ребята. — Уступает только книге Слихачиновича «Русалка просит помощи».

— А почему? — спросил обиженный Фальцет.

— Потому что «Русалка» весит на полкило больше, — ответил один из ребят. — Ну, нам пора, пан Качмарчик принимает книги только до трех.

— Он что же, библиотекарь, этот пан Качмарчик? — спросил поэт Самофракийский.

— Нет, — сказали ребята, — он заведующий ларьком утильсырья.

Ребята встали и пошли, и никто из творцов не сделал ничего, чтобы их задержать.

Перевел с польского

Н. Лабковский

Януш Осенка

Сколько будет 2×2

В некоей школе некий учитель сказал однажды детям: «Запомните, детки, что дважды два будет девять».

После ухода учителя на пенсию педагогический совет оказался перед лицом серьезной проблемы: как далее преподавать математику, если дети пребывают в ложном убеждении, будто дважды два будет девять?

После состоявшегося в кругу педагогической семьи обмена мнениями кто-то пришел к выводу, что было бы полной бессмыслицей раскрыть перед детьми иной результат умножения, равный четырем. Столь явная разница в подсчетах могла бы, как утверждали, потрясти детские умы слишком сильно. Посему новому учителю было предложено сообщить своим ученикам результат лишь несколько более близкий к подлинному, а именно, что $2 \times 2 = 7$.

— Пусть дети познакомятся с правильным решением постепенно, — сказал директор.

Сообразно этой предпосылке на следующем уроке детям сообщили результат, еще более близкий к истине: $2 \times 2 = 6$.

Однако, как выяснилось, не все учащиеся одинаково реагировали на эту числовую путаницу.

Одни переписывали в тетрадь заново сообщаемые результаты с полным равнодушием, не нарушая интеллектуальной приверженности к игре в крестики и нолики и к леденцам на палочках.

Другие, не протестуя во всеуслышание, бунтовали внутренне.

Нашлась также небольшая группа детей, которая после уроков обратилась к учителю за разъяснениями, но тому удалось сплавить их под первым попавшимся предлогом.

Значительное большинство учащихся упорно стояло за первый вариант: $2 \times 2 = 9$, поскольку им не хотелось все время переписывать одно и то же арифметическое действие.

Воспитанные дети переписывали очередные результаты с радостью и энтузиазмом.

Невоспитанные дети испещряли стены уборных омерзительными надписями: $2 \times 2 = 4$.

Дальновидные карьеристы громко кричали на переменах (так, чтобы слышал директор), что дважды два равно трем или даже вообще одному.

Зато никто во всем классе не имел ни малейших сомнений касательно аксиомы: $2 \times 2 = 4$, поскольку каждый ребенок мог сосчитать это на пальцах.

Перевел с польского
Н. Лабковский

Васил Цонев

Хук-ниспровергатель

Есть любители пошуметь, крикуны, которые думают, что только они одни умные, а все другие, извините, репу едят. История изобилует примерами, когда утирали носы таким крикунам; учителя целыми днями вдалбливают в головы ученикам необходимость слушаться и уважать старших, но тем не менее нет-нет да и появится какой-нибудь паренек со вздернутым носом и заявит:

— Все вы глупцы, один я умный!..

Люди его племени по раз и навсегда заведенному порядку должны были каждый день сразу, как только проснутся, повторять заветы родоначальника племени, который наставлял еще их прадедов и учил, что самый напуганнейший бич для людей — это Солнце. Великий вождь в свое время завещал остерегаться его лучей, наказывал потомкам ходить в тонких, легких одеждах, строить не дома, а шалаши, сквозь стены которых может свободно туда и сюда пролетать ветер, рекомендовал обливаться время от времени холодной водой, чтобы избежать солнечного удара.

Один лишь Хук говорил, что все это глупости.

Многие увещевали его:

— Послушай, у тебя в башке все в порядке?! Это же заветы родоначальника нашего племени!..

А Хук знай твердит свое:

— Конечно же, все это глупости! Великий вождь, действительно, оставил нам такие заветы, но они были правильны только для того времени, когда наше племя жило там, наверху, в горах, на залитом солнцем плато. А ведь давным-давно уже дикари прогнали нас оттуда, и мы вынуждены были поселиться в этих сырых, холодных, темных болотах. Какого же черта вы сейчас боитесь солнечного удара? Наоборот, теперь нужно, чтобы наши люди одевались в плотные кожаные одежды, нужно строить крепкие, толстостенные дома, надо окапывать их рвами и канавами для отвода воды, вырубать кусты и деревья вокруг, чтобы хоть немного солнечных лучей прогривало ваши дурные головы! — говорил Хук.

И не только говорил. Он и на самом деле сшил себе теплую одежду, построил прочный дом, отвел от него канавами воду, разрядил вокруг чащу, чтобы на его участок проникал солнечный свет.

Это было уже слишком, и старейшины племени не нашли никакого другого выхода из создавшегося положения, как взять и изгнать Хука. А по правде говоря, что еще можно делать? Что получится, если каждый начнет оспаривать устои, подрывать основу основ, которые сплачивают племя с незапамятных времен!

Но если, как у нас говорят, заберутся человеку тараканы в голову, что ты с ним поделаешь! Собрал Хук жен и детей, поселился с ними на краю болота и построил там толстостенные жилища, отвел от домов канавами воду, сшил всем теплую одежду, такую, что только поглядишь — и уже вспотеешь.

Увидали женщины племени, как Хук живет, и подняли бунт.

— Что ж такое делается! — кричали они. — У Хука и жены в тепле и дети один здоровее другого, а наши помирают от холода и сырости!

Все знают, каково противиться разъяренным женщинам. И вынуждены были старейшины племени уступить.

— Выбирайте себе в вожди вашего Хука, — сказали они. — Только посмотрим, куда вы вместе с ним докатитесь!..

Однако женщины не испугались — выбрали Хука и послушались его, заставили мужей понастроить дома, сшили теплую одежду, осушили землю, разрешили деревья вокруг жилищ, открыли доступ к солнцу и зажили, надо признаться, куда лучше, чем прежде.

А Хук между тем отобрал молодежь покрепче, повыносливее и стал потихонечку обучать парней искусству бить врагов, умению скрытно взбираться на скалы, окружавшие болотистую равнину, где жило его племя.

Прошло какое-то время, и вот однажды темной ночью, когда дикари на разные голоса храпели на прогретом солнцем горном плато, молодчики из Хукова племени во главе с ним самим неожиданно напали на дикарей и разбили их наголову. Лишь несколько десятков побежденных бежали с гор куда глаза глядят...

Сколько тут раз «ура» кричали, сколько песен было спето, что за пляски были — рассказать невозможно!.. Правда, были жертвы и на стороне победителей. Погибло несколько парней. И даже сам Хук пропал без вести... Но ни одна война без потерь не обходится.

С той поры переселилось племя с болот обратно, на солнечное плато, и зажило мирно и тихо.

Что же все-таки случилось с Хуком? А вот что. Храбрый бунтарь первым ворвался во вражеский лагерь, рубил и колот направо-налево и, быть может, перебил бы всех дикарей, если бы один из них здоровенной жердиной не трахнул его по затылку. Да так, что Хук потерял сознание... Очнулся он лишь на следующее утро и обнаружил, что бежавшие дикари прихватили его с собой, взяли в плен, превратили в раба.

...Десять лет издевались побежденные над своим пленником, заставляли его носить воду коням, чистить конюшни, убирать навоз... Но когда дикари сочли, что Хук примирился с судьбой, и ослабили надзор за ним, он взял да и удрал!

Избежав погони, добрался он до солнечного горного плато, глянул на свое селение и встал как гром пораженный. На самой середине плато возвышалась огромная статуя с надписью:

«Это он — наш великий вождь Хук»...

А вокруг статуи стояли толстостенные дома, серые, мрачные, с маленькими, едва заметными окнами, окруженные рвами и сухими канавами, а меж домов ходили потные люди, одетые в звериные шкуры, а с неба на них лились палящие лучи солнца...

Разъяренный Хук направился к старейшинам племени. А они именно в этот момент вслух читали, слово молоту, сказанные им когда-то слова:

«Мы должны ходить в меховых, теплых одеждах, строить толстостенные, непродуваемые ветром дома, окружать их рвами и канавами для отвода воды, должны разрезать кроны деревьев, чтобы солнечные лучи падали на наши головы...»

— Поистине у вас от этих лучей последние мозги растопились! — крикнул им Хук. — Да разве можно на этом солнечном горном плато такое вытворять! Это же не холодное, сырое болото! Здесь нужно людям

ходить в легких, тонких платьях, жить в шалашах, доступных свежему ветру, нужно обливаться холодной водой и носить с собой зонтики, черт возьми, чтобы уберечься от солнечного удара!..

— Перестань смутьянить, — зарычали на него старейшины. — Не слышишь, что ли, что мы повторяем заветы нашего Хука? Того самого, под руководством которого мы наголову разбили живших здесь когда-то дикарей!..

— Кретины! — сказал им Хук. — Поглядите повнимательнее, кто стоит перед вами!

Старейшины вгляделись в него и узнали. Но никто из них, однако, не закричал «ура». Наоборот, взяли старейшины Хука за шкуру и показали ему, где раки зимуют...

Признайтесь, вы ведь сами понимаете, не могли они поступить иначе!

Перевел с болгарского

Г. Кофман

Шандор Богданфи

Мания преследования

Вы, наверное, не знаете Хукича. Но я-то знаю его уже добрых тридцать лет. Еще в детстве мы учились в одном классе, потом, во время оккупации, сидели в одном гестапо. Да и сейчас, в мирное время, мы с ним сталкиваемся постоянно. Он вечно спешит, всегда у него какие-то неотложные дела, которым нет ни конца, ни края. Вот и сейчас, когда я сижу и попиваю кофе, в вертящейся двери кафе появляется Хукич. Но неужели это действительно он? Сгорбленный, желтый, с испуганным взглядом, с неуверенной походкой.

— Что с тобой, дружище?

— Заболел я, — говорит он и буквально валится на стул против меня.

Я быстренько заказываю для него один чай с ромом и два рома без чая.

Между нами и внутри нас возникает тепло. Хукич еще по-прежнему бледен, но глаза у него начинают гореть.

— Так что же с тобой стряслось?

Хукич сперва подозрительно оглядывается вокруг, а потом, как будто поверяя мне ужасную тайну, шепчет:

— Мания преследования. Это страшно!

— А это что, кашель? — спрашиваю я его с участием.

— Да нет же! Я галлюцинирую. У меня идея-фикс. Мне кажется, что я окружен врагами, что все против меня.

— И даже я? Разве я против тебя?

— Ни слова! — прервал он меня. — Ты ангел. Да и вообще все ангелы. Но в своем болезненном воображении я представляю себе, что все люди злые. Ну болен я, что поделаешь!

— А ты принимай антибиотики. Пенициллин, мегациллин...

— Уже принимал.

— И что же?

— Ангина прошла, а это осталось. Я сумасшедший! Или, вернее сказать, с нервным расстройством. Хотя нет, самый настоящий сумасшедший!...

— Не кричи, — постарался я его успокоить. — На нас уже смотрят с других столиков. Прошу тебя, возьми себя в руки.

Хукич притих.

Мы заказали еще по рюмочке рома. Вижу, руки у него дрожат. Сидит напротив меня с закрытыми глазами и как будто отсутствует.

— Слушай, старина, — заговорил он вдруг, как в бреду. — Сегодняшний день у меня начался тоже с того, что я испугался собственной жены. Я знаю, что моя жена — сущий ангел, и все же сегодня утром мне показалось, что она хочет вонзить мне нож в спину. Разве это не страшно? Двадцать лет мы любим друг друга и живем душа в душу, и вдруг... Я убежал из дому и всю дорогу казнил себя за то, что я даже мог подумать такое о своей единственной, любимой женщине. О, я маньяк!

— Успокойся, прошу тебя. Я убежден, что это излечимо. Если ты сам так хорошо осознаешь свою болезнь...

— Да, я все прекрасно понимаю! Но представляешь, когда я пришел сегодня на службу, мой шеф, исключительно благородный человек, встретил меня приветливой улыбкой, поздоровался со мной, а у меня в ответ опять появилось это ничем не объяснимое ощущение, что он, мой шеф, тоже хочет вонзить мне нож в спину. Я работаю с ним уже десять лет, я могу поручиться тебе за него, что это добрейший, ну просто святой человек. Разве это не абсурдно — подумать, что он может вонзить мне нож в спину? Уверю тебя, я тяжело больной человек.

— Да, — согласился я, — но ты не должен отчаиваться. Сейчас это лечат очень легко. Вот плешивость — это действительно серьезно, почти неизлечимо. А эта твоя мания — пустяки.

— Пустяки? — очень заволновался Хукич. — А знаешь ли ты, что случилось потом? Я отправился к своему лучшему другу, чтобы найти утешение. Я кинулся к нему в объятия, как верующий к иконе, и почувствовал облегчение. Знаешь, он просто излучает доброту и участие. И эти его участие и доброта буквально проникли во все мои поры, во все мои клеточки. И ко мне вернулось спокойствие, я испытал тихое блаженство... И вдруг меня опять охватило...

— Что охватило?

— Да все то же! В одно мгновение, не знаю почему, меня охватило чувство, что этот мой лучший друг, мой любимый Лацика, хочет вонзить мне нож в спину.

— Это невозможно!

— Знаю, что невозможно, но мне это кажется. Это моя идефикс. Что я могу поделаться?

Я посмотрел ему прямо в глаза:

— Слушай меня, Хукич! Возьми себя в руки! Одумайся! Ты хочешь во всем до конца разобраться?

— Хочу!

— Эти трое — жена, шеф и друг — они любят тебя, да?

— Да, любят.

— Эти трое уважают тебя?

— Да, уважают.

— Ведь они хотят тебе только добра, разве не так?

— Так! Они хотят мне только добра.

Я победителем посмотрел на Хукича. Психотерапия помогала на глазах. Хукича нельзя было узнать: улыбка преобразила его лицо, глаза светились счастьем, на щеках его играл румянец.

Он смеялся.

Мы выпили еще рома, поболтали о разных пустяках.

Наконец Хукич встал и торжественным голосом объявил:

— Это мое счастье, что я тебя встретил. Что благодаря тебе и рому я освободился от этой мании. Спасибо тебе! А сейчас мне пора домой. Спасибо, друг! Прощай!

Он долго тряс мою руку, и в конце мы даже расцеловались. Хукич бодро пошел к двери. Я с радостью провожал его взглядом. И вдруг! Вдруг я увидел, что у него в спине торчат три ножа.

Перевела с сербохорватского
Н. Кондрашина



ПЕРесМЕШНИК



Лучше бейте меня, но дайте

мне смеяться.

(Ж.-Б. Мольер)



Миса, надо знать семью Цюсса-
Ковица!

Виталий Резников

Самоучитель игры на фортепиано с оркестром

В. Резников

Неплохо в хороший зимний морозный денек сыграть на фортепиано с оркестром. Спросите у всякого, и он вам пояснит, что от игры на фортепиано с оркестром исполнитель, как правило, получает громадное удовлетворение. По степени положительного эмоционального воздействия только хорошая парилка считается чуть получше игры на фортепиано с оркестром, а все остальное гораздо хуже. Фортепиано появились в России во второй половине XVIII века, когда царил просвещенный абсолютизм. Оркестры же появились раньше. По давности появления оркестры занимают место между картофелем и чаем, а по значимости они приравняются к табаку.

Итак, вы садитесь за фортепиано, или, как говорят в народе, рояль. Оркестр должен занять свое место на две-три минуты раньше. Перед тем как сделать первый аккорд, убедитесь, все ли клавиши на месте. Их должно быть 88 штук — черных и белых. Положите руки на клавиши: левую — слева, а правую — справа.

Начинает пусть оркестр. Для этого незаметно моргните дирижеру — что означает «пошел!» — и с этой минуты внимательно следите за его действиями. Сейчас он повернет в вашу сторону свое вдохновенное лицо и даст знак палочкой, что будет означать «давай!». Начинайте игру с правого бока влево — музыка будет звучать лучше (см. Первый концерт Чайковского и Пятый концерт Бетховена, если вы разбираетесь в нотах), а то получится похоронный марш вместо концерта для фортепиано с оркестром. После игры встаньте, подойдите к дирижеру, крепко пожмите ему руку, затем повернитесь налево и приблизьтесь к первой скрипке, то есть к концертмейстеру, улыбнитесь ему и по-простому также пожмите его руку. А потом вернитесь к роялю, закройте крышку и отодвиньте инструмент куда-нибудь в угол. Теперь вы свободны.

Издательские аннотации

Грибоедов. Горе от ума

Корабль, рассекая взмывавшиеся волны, медленно приближался к берегу. Вдали уже отчетливо виднелись очертания столицы. На палубе для пассажиров первого класса стоял Чацкий и

жадно всматривался в силуэты дымящихся труб столичных предприятий и учреждений. Ему был сладок и приятен этот дым его отечества. Что ждет Чацкого на берегу? Чацкого на берегу ждал грандиозный бал, куда он попадает прямо с корабля — так завязывается интрига. Чацкий умен, и в этом его горе. Это очень большое несчастье для человека — быть умнее тех, от кого он зависит, кто может дать ему работу или выйти за него замуж. Чацкий любит Софью, дочь Фамусова, считавшего Саратов, где жил Чернышевский, глушью. Чацкий понял высшее общество и гневно бросил ему: «А судьи кто?» В заключение Чацкий потребовал себе карету и уехал с бала обратно на корабль.

Лермонтов. Герой нашего времени

Будучи молодым, Лермонтов написал повесть о лишнем человеке. Печорин... Блестящий офицер в горах Северного Кавказа полюбил девушку Бэлу. Затем, спустившись с горы, Печорин влюбляет в себя другую девушку, Веру, в результате чего ему удается убить на дуэли своего лучшего друга — Грушницкого. Печорин интеллигентен, образован, культурен, блестящ, но он не находит применения этим своим дворянским качествам. Он герой своего времени — времени разгула царской реакции, аракчеевщины. Не случайно царь Николай стал личным цензором Пушкина. Лермонтову было трудно писать в таких условиях стихи, поэтому он написал повесть «Герой нашего времени», в которой удачно продолжил линию лишнего человека, начатую незадолго до него Пушкиным. Сейчас лишних людей уже нет, да они и не нужны.

Л. Н. Толстой. Анна Каренина

Героиня романа кончает жизнь самоубийством под колесами старого локомотива. Что случилось? Что толкнуло молодую интересную женщину под железные, неумолимые оси паровоза? Ее толкнула туда всепобеждающая любовь к жизни. Есть в романе и другая линия — линия Левина, служащая как бы фоном, на котором происходит развод Анны и Алексея Карениных. Анна уходит от мужа, у которого были большие уши. Любовь, семья, общественность — вот те проблемы, на которых зиждется роман. Анна очень любила Вронского, но общество не поняло молодую женщину-мать. Да и сам Вронский больше любил скачки на ипподроме, чем Анну. В наши дни ипподром — это всего лишь место культурного досуга любителей поспорить, какая лошадь пришла раньше. А во времена Толстого ипподром был значным

прибежищем нездоровых страстей. Надо ли удивляться, что на скачки ездили только богатые, светские да князья? Против них-то и направлен роман «Анна Каренина», заставляющий читателя еще больше любить лошадей и людей.

Л. Н. Толстой. Воскресение

У писателя Куприна есть повесть «Яма». Яма — это публичный дом. В нем, как писал Куприн, жили и трудились жертвы общественного темперамента. Такой жертвой была и Екатерина Маслова. Молодой князь Нехлюдов жестоко надругался над девушкой и остался безнаказанным, а Катя попала в яму, то есть в публичный дом. Таков был удел простой деревенской девушки в эпоху правления династии Романовых. В наше время женщина имеет равные права с мужчиной. Она умело водит поезда и лайнеры, умело обращается со скальпелем и ломом. Не случайно день 8 Марта стал выходным днем. Катюша Маслова будет жить! А княжеский дар ей не нужен. Лучше уйти на каторгу, чем стать княгиней! И Катя морально воскресает, идя с толпой передовых каторжан в места лишения свободы.

М. Горький. Жизнь Клима Самгина

Клим Самгин — это человек, который много думает, много говорит, а практического толку от него никакого. Самгин мог бы, если захотел, стать полезным обществу человеком: грамоты у него хватало. Он был юристом. Есть еще в Климе что-то фрейдистское, чуждое, рафинированно интеллигентское, антинародное. Большое значение в своей жизни Самгин придает женщине. Их у него было, прямо скажем, немало. Самгин гибнет под ногами разгулявшейся удали народной. Он гибнет в волнах народного гнева, когда лес рубят — щепки летят. Не будь щепкой, хоть ты и с высшим образованием, — вот в чем главная мысль этой книги Горького. Роман имеет сюжет, события стремительны, стиль афористичный, язык выпукл, сжат, легко читаем. Читаешь этот роман и невольно умнеешь...

Никита Богословский

Для вас, фантасты

Практическое пособие-самоучитель-
справочник для начинающих

Предисловие

Оговариваемся сразу — работа наша вряд ли пригодится, например, братьям Стругацким, Гору и вообще той небольшой группе литераторов, которые невесть зачем упорно придумывают новые сюжеты, пишут свои книги на высокохудожественном уровне и дают простор творческой фантазии, да еще вдобавок демонстрируют читателям свои солидные научные познания. Зачем все это? Не проще ли творить так, как это делает основная масса писателей-фантастов, любимцев областных издательств, остановившись на одном, давно полюбившемся читателям сюжете и на постоянной компании основных персонажей. И все будут довольны. И автор (тираж 300 000), и издательство (план!), и читатель (хотя вот тут, кто его знает?!).

Итак — мы начинаем!

I. Название произведения

Тут необходимо сразу проявить сноровку. Надо так назвать свое сочинение, чтобы читатель купил книгу, думая, что опус этот новый, и не раньше как через 20—30 страниц выяснил бы, что он это уже неоднократно читал.

Лучшее название для романа или повести — «Планета» или «Звезда». Причем обязательно с дополнением — для планеты с цветовым, а для звезды с буквенным. Например: «Синяя планета» (белая, зеленая, беж, желтая, черная), «Звезда X» (У, Z, L, лучше из второй половины латинского алфавита. Еще лучше — греческий язык, например: Тау, Пи, Ипсилон, Альфа, Омега, Дельта).

ВАРИАНТ: Планета какого-нибудь стихийного явления. Например: «Планета самумов», «Планета бризов», «Планета дождей», «Планета ветров слабых до умеренного».

Теперь, когда у вас уже есть название, следует избрать...

II. Место действия

Прямо скажем, выбор здесь небольшой. В основном существуют два варианта — либо Луна или Марс, либо планета из другой галактики, добираться до которой надо сотни световых лет. Венера начисто отпадает; про нее обычно герои романов вспоминают лишь в прошедшем времени и с большим отвраще-

нием. Например: «А помните, Рубен Тигранович, как мы с вами тонули в проклятых венерианских болотах?» Или: «Помнишь, камрад Рене, как мы чуть не погибли, наткнувшись на Венере у Южного полюса на гнездо ядовитых рататуев?»

Сатурн, Юпитер, Уран и т. п. совершенно непригодны — уютно и непроверено, что-то там еще не получается с массой и притяжением. Но вот зато планета АД/115-70 из созвездия Альфа—Ромео (216 световых лет) — это кусочек лакомый. Есть где разгуляться!

Мыслящие существа на планетах делятся обязательно на две категории — порабощенные-подземные и правящие-надземные. Иногда бывает наоборот, но это только в тех случаях, если под землей дышится легче. Жизнь надземная (круглосуточно летающие персонажи) допустима только для низкоразвитых организмов — у мыслящих существ полно дел непосредственно на планете: смотрение в сверхтелескопы на другие миры, строительство межпланетных кораблей и свержение существующих строев. Хотя над Венерой изредка летали какие-то разумные субъекты.

III. Действующие лица

Земные персонажи

А. Главные герои

1. КОМАНДИР КОРАБЛЯ

Очень хороший человек лет 32-х (35-ти). Высокий, широкоплечий, голубоглазый блондин. Возможен шрам на щеке, полученный при посадке на полый спутник планеты Амфибрахий-67. Женат, двое малых детей. (Два-три раза за роман его надо заставить сидящим в одиночестве перед групповым семейным портретом.) Фамилия простая, короткая, крепкая — Громов, Кедров, Седых; реже — Прохоренко. Остается в живых.

2. ЖЕНЩИНА-ВРАЧ

(Биолог, физико-химик, химико-физик). Предпочтительное имя — Вера, Надежда, Любовь. Реже — Софья. Желательно — Николаевна. 28-ми лет. Хрупкая шатенка с огромными глазами. Очень хороший человек. В отдельных случаях на мгновение робеет перед опасностью. Не замужем, но на Земле ее около двух тысяч лет ждет любимый, о чем в конце книги узнаёт следующий персонаж, а именно:

3. КОЛЯ

(Володя, Петя, Саша) — 20 лет, лаборант-практикант. Очень хороший человек. В очках. Некрасив, но с обаятельной улыбкой. Бесконечная жажда знаний. Тайно влюблен в предыду-

шую. В конце книги погибает, спасая остальных. Обожает Командира. Полное имя, отчество и фамилия этого героя выясняются только на последней странице, когда цитируется письмо Командира к Колиной старушке матери с сообщением о высших душевных качествах и героизме погибшего.

4. ПРОФЕССОР

(Археолог, геолог, физиолог, гельминтолог), 65—70 лет, слабого здоровья. Борода — эспаньолка. Академическая шапочка (даже в скафандре). Звать Марк Александрович (Михайлович). Очень знаменит и рассеян. Иногда доживает до конца экспедиции, но, как правило, гибнет в середине книги от удушья (пробитый скафандр). На протяжении всей книги несколько раз просит, чтобы друзья оставили его одного умирать на пыльных тропинках далеких планет. Вдовец. Неиссякаемый юмор, поговорки. Очень, очень хороший человек.

Б. Второстепенные герои (возраст любой)

1. РУБЕН КАЗАРЯН

Ереван, гениальный математик. Очень хороший человек.

2. ПАРШ СИНГ

Бомбей, астроном. Хороший человек.

3. РОБЕРТ ШЕЛК

Чикаго, коммерсант. Очень плохой человек.

4. ГЛЭДИС

Его дочь. Значительно лучше отца.

5. НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ И ЭКИПАЖ

Олаф Свендсен, Осло, довольно хороший человек; Билли Уайт, Ливерпуль, средний человек; Оттокар Жабка, Брно, хороший человек; Сабир Муртазов, Самарканд, очень хороший человек; Шалва Лебанидзе, Кутаиси, очень хороший; Эдуард Лейхтенштрац, Брюссель, неважный человек.

Вся эта разношерстная компания грузится в межпланетный корабль, длиной не менее трех километров, с висячими садами, скоростными лифтами, финиковыми рощами, бассейнами, молочными барами и спортивными стадионами, и отправляется на какие-нибудь 100—150 световых лет в космическую бесконечность, почти не старея в пути благодаря небезызвестному открытию А. Эйнштейна.

Инопланетные персонажи

1. ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ

Стар, высок, сед, умен, злобен, хитер. Гипнотические глаза. Всех подчинил своей воле. В финале кончает с собой.

2. ЕГО ДОЧЬ

Красавица. Миндалевидные глаза, желтого цвета, очень широко расставленные. Влюбляется в Командира корабля и спасает его и его друзей из заточения, при этом должна погибнуть сама.

3. ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Старый плешивый негодяй и вдобавок трус. Впоследствии бывает растерзан народными массами.

4. МОЛОДОЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК

Безнадежно любит дочь Правителя. В конце переходит на сторону народа и становится во главе восстания. Все зовут его с собой на Землю, а он остается со своим народом.

На Марсе, например, имя и фамилия мужчины состоят из трех букв: двух любых согласных по краям и одной гласной в середине. Простор для фантазии, опирающейся на элементарные законы теории сочетаний, тут невероятный. Например: Дал Руп, Вон Там, Мох Сух, Сап Гир, Бар Бос и так до бесконечности.

Женские же марсианские имена состоят из двух или трех только гласных букв и в возможно более нежном сочетании. Например: Ао, Эо, Оэ, Аа, Аоа, Уаа и т. д.

Чем планета отдаленнее от матушки-Земли, тем имена становятся длиннее и труднее для произношения. Причем тамошние мужчины предпочитают согласные, оставляя женщинам одни гласные. Верховный Правитель, например (а они есть на всех планетах), зовется Взркмшох, а его дочь — Ааооэиамиа. Фамилий в этих местах вселенной не бывает.

IV. Техническая терминология

Лучше всего обращаться с технической терминологией возможно небрежнее, вставляя ее в роман походя, как будто бы читателю давно известны все эти премудрые наименования. Читатель будет очень польщен такой верой в его научную эрудицию. Пример: «...Кедров включил Преобразователь Саммлина. По тусклому экрану забегали проворные парастульчаковые молнии.

— Эффект Каздалевского! — пожал плечами Марк Александрович. — Явление хорошо известное еще со времен старика Дронта с его примитивным крумолеостографом.

Упражнение: Как превратить сухую науку в художественную литературу

1. Берется строгий физический закон. Например: «Всякое тело, погруженное в воду или другую жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость».

2. Закон этот мгновенно превращается в художественную литературу следующим способом:

«...освещенный зеленоватым лучом инфрапрефастора Сичкина, трепетно струившимся из двухрамкримированного реле синфорного ногтескопа Брехта, Громов наклонился над неподвижно лежащим Муртазовым, который со вздохом открыл глаза. *«Всякое тело...»* — прошептал Сабир и, слабо улыбнувшись, потерял сознание. — *«Погруженное в воду...»* — задумчиво прошептала стоящая рядом Глэдис и, посмотрев на стрелку контрольных мураделевых весов, вдруг отчаянно вскрикнула: — *«Теряет в своем весе»* *«Столько, сколько весит»*. — спокойно отреагировал Громов. Медленными, сплегионально мерцающими струйками по полу растекалась *вытесненная им жидкость...»*

Итак, начинающий фантаст, за работу! Остается только в стабильный сюжет вставить новые названия и имена — и издание обеспечено! Правда, если останется бумага от очередного переиздания аналогичных книг более оперативных авторов.

А. Петрова

На последнем слоге

Советы авторам дамских романов

Положение писательницы я бы сравнила с положением многодетной матери. Ведь прежде чем ее детища начнут действовать, их нужно одеть, обуть, накормить, дать им жилплощадь и хоть какую-никакую обстановку. А кто это должен сделать? Ну, конечно, мы, авторессы.

Герой родился — надо его назвать, дать ему, как пишут в анкетах, ФИО. Принципы подбора имен, правда, не новы. Положительного героя можно назвать Андреем, Алексеем, в крайнем случае Сергеем (хотя в этом последнем случае он обязательно должен погибнуть. Почему-то Сергей всегда гибнет). Называть положительного героя Иваном, Петром, а тем более Кузьмой или Прохором не рекомендуется — читательница может бросить читать. Эти имена используются на подсобных работах, у Андрея (Алексея, Павла) может быть друг, славный паренек из рабочих (железнодорожников, поэтов, колхозников, аспирантов сельскохозяйственного вуза — ненужное вычеркнуть). Работа его заключается в том, что он выслушивает изложение научных взглядов, технических задумок и заветных чаяний положительного героя. Эти страницы читательницы, как правило, пропускают.

Полуположительных героев, очеловеченных отдельными недостатками, рекомендуется называть именами вроде Игорь, Леонид, Анатолий. Уменьшительные их имена зависят от того, какого элемента в герое больше — положительного или отрицательного. В первом случае Леонида будут называть в семье и в дружеском кругу Ленькой или Лехой. Но если в нем больше плохих черт, то уменьшительное имя ему дается странноватое, вроде Леонидика или Люсика. Если в романе есть отрицательная теща, то такого зятя она будет называть Лео, с французским ударением на последнем слоге.

Имена отрицательных героев уже хорошо обкатаны — это Эдуард (Эдик), Арнольд, да еще, пожалуй, Вадим. Такие имена даются развратникам, трусам и кандидатам наук, которые, как всем известно, положительными героями быть не могут. Развратники и абстракционисты должны иметь фамилии позаковыристее — Кедро Ливанович или Венесуэльский. Зажимщикам самокритики и управдомам можно давать фамилии вроде Глыга или Щуп.

В женских именах тоже есть свои тонкости, свои нюансы. Вы что думаете, назвали свою героиню Елизаветой и на этом де-

ло кончилось? Если она положительная, то будут звать эту Елизавету Лизой, если с мятущейся, гордой душой, то быть ей Ликой, а если откровенно отрицательная — то Лилькой или, прости господи, Лиззи. Роковую женщину, по паспорту числящуюся Елизаветой, можно еще назвать Вестой.

Я просто удивляюсь, что некоторые начинающие авторессы не понимают бездну, разделяющую Анастасию, которую дома зовут Настей (большие серые глаза, железобетонное целомудрие, непримиримость к тому-сему), с ее тезкой, другой Анастасией, которую дома зовут Астой (зеленые, косо поставленные глаза, черный свитер в обтяжку, разговор о Кафке и некоммуникабельности).

Самое тяжелое — женская одежда. Недалеко, казалось бы, то время, когда положительные героини носили строгие синие костюмы с плечиками, а в трудные минуты жизни кутались в серый пуховый платок. Пестрые джемперы в гардероб положительной героини тогда не входили, а джемперы с вывязанными оленями были символом полного морального разложения. Длинные шелковые халаты носили только совсем пропащие Ариадны и Эльвиры. Я лично грущу о том удобном времени: все было ясно, как хорошо выправленная стенограмма.

Но теперь все смешалось в нашей дамской литературе. Положительные героини позволяют себе носить не только длинные брюки, но даже брючонки. (Раньше положительные героини с именем типа Дуня могли носить лишь лыжные штаны, да и то только под платьем.)

Пора поговорить об обстановке. В комнаты положительных героинь ставят узкую белую девичью кровать, незастеленную, полки с книгами, на стенах хорошо развесить эстампы. Если героиню по семейному положению девичья кроватка не устроит, то вопрос о ее ложе следует обойти. Тахты и широкие мягкие кровати бывают только у отрицательных дам с именем типа Эльвира. На стенах у них висят репродукции с картин абстракциониста Модильяни (что Модильяни не абстракционист — совершенно не важно).

Да, еще. У героинь с высшим образованием ковер лежит на полу, а не висит на стене.

Уф, устала! А ведь еще остались еда и питье. В отношении напитков нельзя не пожалеть писателей-мужчин: сколько им мороки со всеми этими кальвадосами, саперави, «кровавыми Мэриями» и прочими фетясками.

Водку героини дамских романов пьют редко, — разве муж бросит или буран застанет в степи. В последнем случае (и во всех случаях, когда водка пьется не в одиночку) положительная

героиня должна закашляться. Так полагается. Иначе как отличить ее от отрицательной, которая «лихо опрокидывает рюмку».

Положительные персонажи пьют чай, отрицательные — кофе. Важное примечание: кофе подается только черный. Писать «академик пил натуральное кофе» не рекомендуется. Это некультурно. Питье чая вприкуску разрешается только комическим старухам.

Кефир твердо забронирован за положительными персонажами, цыплята-табака — за отрицательными. Положительных героев кормите тем, что отказываются есть ваши дети. Отрицательных — тем, что с удовольствием съели бы сами, если бы хватило денег.

Р. С. Что делать? Если я подпишусь, скажем, Вероника Тигроедова или Клаудия Аксимоская, — это будет надуманно. А если я подпишусь Анастасия Петрова, то кто этому поверит?



Сатира хороша
только тогда,
когда
она своевременна.
(Д. Писарев)

ПОДРАЖАНИЯ

Продолжать
смеяться легче,
чем окончить
смех.
[Козьма Прутков].



Римме Казаковой

Каждому свое

Я такая простая девчонка,
Озорная, шальная, ничья.
Я свой парень. Но где-то и в чем-то
Просто баба и женщина я.
Ах, мужчины, вы сладкоречивы,
Хоть и знаем мы вас наизусть.
Но мы сами с усами, мужчины,
Намотайте себе на ус!
Вы привыкли мыслишкою тешиться,
Все уверенней становясь,
Что на ваших плечах все держится
И все наши надежды на вас.
Сами вы себе кажетесь сильными.
Но, наивные мужички,
Шевельните своими извилинами,
Напрягите свои мозжечки:
Ведь окончилась ваша эпоха
И смешон этот гонор ваш.
Хорошо это или плохо,
Слабый пол — мы берем реванш!
Поглядите вокруг себя во поле
Или в городе наугад:
Проглядели вы, братцы, прохлопали,
И кругом уже матриархат.
Вы не бойтесь матриархата,
Сейте хлеб, обжигайте горшки.
Но учтите, что ваша хата
С краю. С краю! Вот так, мужики!

Владлен Бахнов

Евгению Винокурову

Творчество

И все же вдохновенье — кабала
Традиции. Не стоит лицемерить.
Вся соль не в нем. Отправься к отола-
Рингологу. Ступай. Гортань проверить.
Твой рот раскрыт. Язык твой смят. Не плачь.
Окупится сполна тот миг жестокий.
— Скажите: а-а! — провозглашает врач.
Ты слышишь этот зов? Зовут в пророки.
И ты ему доверься, как судьбе.
Ты это «а-а» скажи без проволоочки.
Сказавший «а» сказать обязан «б»!
Вот так, глядишь — и набегаёт строчка,
Вот так она рождается, строка,
Что жизнь твою представит по-иному...

Художник, воспитай ученика,
Води его к врачу. Хотя б к зубному!

И. Липкин

Расулу Гамзатову

Глоток воды я выпил из реки.
Но говорят недаром старики:
«Вода чиста не там, где ты нырял,
А там, где санинспектор проверял».

Я эту притчу позабыл, — и вот
Душа болит. И с ней болит живот.

И я лежу, слабее старика,
И жар души дошел до сорока.

(У нас в горах такой обычай есть —
лишь у здоровых тридцать шесть и шесть.)

Приятель мой, ты хочешь быть здоров?
Не пей воды. И слушай стариков.

Р. Кофман

Леониду Мартынову

Желания

Я желаю быть вездесущим,
Постоянно вперед летящим,
Некурящим, гудящим, зовущим,
Как весеннее солнце палящим.

Жарит солнце, как дьявол сущий,
Иссушает ручей звенящий —
Если утром туманы гуще,
От жары будет ад настоящий,
И щеглы расщебечутся в рощах,
В щедрый полдень листвою шумящих...
Жизнь бы стала намного проще,
Если было бы больше шипящих!

Александр Заславский

Евгению Евтушенко

Красота

*Копчушка в Сангарах киркою
по вечной стучит мерзлоте,
а челка льняною рекою
о вечной журчит красоте.
Шикарно взвалив под*

*Слюдянкой
цементный мешок на плечо,
с какой величавой осанкой
чалдоночка кинет: «...Ничо!»*

Е. Евтушенко

Девчонка тащила с цементом мешок,
Цемент — он, конечно, не вата.
Поэт сочинил про девчонку стишок:
Мол, хоть ей и тяжеловато,
Но пусть себе тащит девчонка, «ничо».
Поскольку шикарно сгибает плечо.
Другая девчонка, запарясь в поту,
Киркою долбила породу.
Поэт, восхитясь, про ее красоту
Сложил превосходную оду:
Глядите, как славно долбает кирка,
Глядите, как плавно взмывает рука.
А третью девчонку он в шахту спустил —
Охрана труда проглядела, —
И там, не щадя своих творческих сил,
С ней вместе он взялся за дело:
Девчонка ворочает глыбку,
Поэт воспекает улыбку.
Такое у них разделенье труда
Мда-а-а...

Владимир Лифшиц

Владимиру Солоухину

Я твердо убежден, что Архимед,
Законы открывавший прямо в ванне,
Из ванны той в конечном счете вылез.
Вернее, вышел.

А еще вернее

Сначала пятку левую подвинул
Вперед на метр (и восемь миллиметров!)
И (вдруг), как бы найдя опоры точку,
Пошел по крапиве по Медунице!
Осот, овсюг, татарник подминая,
Шел Архимед и встречным древним грекам
Он «Эврика!» с поклоном говорил.
И я подумал: отчего ж мы нынче
Обычай тот старинный потеряли,
К примеру, в Академии наук!
Приятно, скажем, ежели ученый,
Коллеге в пояс поклонясь при встрече,
По-нашему, по-русски, по-простому
Промолвит тихо «Эврика!» ему.

И ав-то-би-огра-фи-ю свою
Поведает. И про и-зо-бре-тень-я
Речет свои: ведь плох тот муж науки,
Что не зацвел цветами материнства
(А уж коли зацвел, то как сухарь).
Для недругов с ветлы готовлю прутик,
А ежели согласного узрю,
Ему ромашку, скажем, али лютик,
А может, и зубровку подарю.

Юрий Шанин

Болтаюсь, распятый уроном,
Я угробил два стула...
Все лауреаты Нобелевской премии,
Встаньте!
И вы, члены бригады коммунистического
труда

В составе Иванова,
Петрова,
Сидорова
и товарища Перепетенко,
Встаньте!
Вы бы стулья мои полюбили,
Пока они были
Несломаны и неспособные падать.
Вечная память!
Кете и Коте — встаньте!
Аптека, улица, фонарь,
Встаньте!
Военнослужащие,
демобилизованные в 1958 году из рядов
Советской Армии,
Встаньте!
Питер Брейгель-старший,
Лукас Кранах-младший
И ныне вошедший в моду Иероним Босх,
Встаньте!
Встаньте!
Встаньте!
И посмотрите,
Не торчит ли в сиденье вашего стула
Кнопка.

А. Мамонов

Юрию Ряшенцеву

Заколдованный круг

*Площадь круга... Площадь круга...
Два пи эр...
— Где вы служите, подруга?
— В АПН.*

Юрий Ряшенцев

Говорит моя подруга, чуть дыша:
— Где учился ты, голуба, в ЦПШ*?

Чашу знаний осушил ты не до дна,
Два пи эр — не площадь круга, а длина
И не круга, а окружности притом;
Учат в классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!
И наука их, как видно, не берет.
Их в банальности никак не упрекнешь,
Никаким ключом их тайн не отомкнешь.
Все б резвиться им, голубчикам, дерзать...
Образованность все хотят показать...

Александр Иванов

* ЦПШ — церковно-приходская школа.

Эдуарду Асадову

Они студентами были

Они студентами были,
они друг друга любили
И очень счастливы были
в своем коммунальном раю,
Вместе ходили в булочную,
вместе посуду мыли,
И все знакомые радовались
на крепкую их семью.
Но вот однажды, вернувшись
домой в половине шестого
С набором конфет шоколадных,
красивым и дорогим,
Подругу свою застал он
играющей в подкидного,
Представьте себе,
в подкидного играющей. Но с другим!
— Любимый, — она сказала,
и влажно блеснули зубы, —
Я еще поиграю,
а ты пойдй постирай.
Он побледнел, как наволочка,
сжал посиневшие губы
И, глядя куда-то в сторону,
глухо сказал: «Играй!»
И больше ни слова. Ни слова!
Ни всхлипа, ни стона, ни вздоха,
И тут ее как ударило:
да ведь случилась беда!
Все было просто прекрасно,
и сразу стало так плохо.
Обул он белые тапочки
и ушел навсегда.
Мещане, конечно, скажут:
подумаешь, дело какое!
Да разве за это можно
жену молодую бросать?
...Сейчас он лежит в больнице,
лечится от запоя,
А чем она занимается,
мне даже стыдно писать...

Александр ИВАНОВ

Муза, брюки и осень

Мне рваные брюки сегодня приснились,
Махали и руки сплетали в кольцо;
Но Муза тогда надо мной наклонилась,
Кричала, и пела, и дула в лицо.

Прощай, моя осень, ошибся Саврасов,
Я знаю — и завтра не станет тепло.
Я брюки чинила поэту Некрасову,
Стою, и от холода руки свело.

Потом было все — и овации зала
И вихри, летящие мимо окон;
Впервые дитя в эту ночь закричало,
Но только не нашим, своим языком.

И ветер, и тополь, и вопли метели
Оставили жесты, прибегли к словам,
И рация мне поздравленья хрипела,
И нежная влага лилась в рукава.

Недаром я руки покорно свела —
Не каждому с песнями жить припеваючи.
Недаром сама я чиста и бела:
Некрасов был гений,
А ты — начинающий...

От автора

Автор приносит искреннюю благодарность поэтам Инне Кашежевой, Светлане Кузнецовой, Юнне Мориц, Александру Николаеву, Эрнсту Портнягину и Василию Федорову, чьи стихи, опубликованные в сборнике «ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1969», дали возможность, не добавляя ничего от себя, составить этот коллективный амфибрахий.

Владимир Волин



Вилю Липатову

Сказание о директоре Внучатове и девере Февроньеве

Решение пришло, как всегда, неожиданно. «Надобно, чтобы Кеть не впадала в Обь, потому как в этом случае Обь выпадает из квартальной сводки», — индифферентно подумал Эдуард Эдуардович, сидя в своем мореной сосны кабинете в ванной из корабельного дуба, в домашних постелах, но при непременных парижских подтяжках; и третьеводнишняя медовуха круто заиграла в его кряжистом, однако крепком еще теле молодого, однако женатого, сорокатрехлетнего с небольшим директора Усть-Пиндюринского леспромхоза, равного по территории трем Бельгиям, вместе взятым, умноженным на число «пи».

Здесь автор оставляет своего героя сидящим в подтяжках в своем кабинете и переносится в недалекое прошлое, когда...

«Выберут или не выберут казначеем завкома? — волновался в президиуме Эдуард Эдуардович Внучатов. — Признают или не признают?» Профсоюзное собрание задерживалось. Ждали прихода старика Февроньева, который всем присутствующим приходился деверем. Наконец старик появился, вызвав в зале овацию. «Эдька!» — озорно крикнул он в президиум и задорно ткнул соседку в бок разводным ключом.

«Что?» — отозвался Эдуард Эдуардович. «Ничо!» — взвизгнул старик, и зал одобрительно загудел. «Умен. Силен старик, однако», — подумал Внучатов и по реакции зала понял, что признали, выберут...

Здесь автор оставляет своего героя сидящим в президиуме и переносится в недалекое будущее, когда... Ревела буря. Шумел дождь. Баргузин грозно и величественно пошевеливал вал. На капитанском мостике в итальянских мокасынах на босу ногу стоял Эдуард Эдуардович Внучатов и ждал звонка из области. Обь по-прежнему впадала в Каспийское море. План по лесосплаву был выполнен на триста процентов.

Борис Брайнин

Юрию Нагибину

Заявка на киносценарий

В кадре, на фоне камышей, титры:

Путешествие из Люксембурга в Москву

Вступают скрипки. Где-то за кадром на мотив Равеля поет дичь. Она поет торжественное болеро раннему среднерусскому утру. Из камышей, грациозно держа в зубах подранка и чему-то потаенно улыбаясь, выходит поджарая, породистая такса, чем-то похожая на царевну Несмеяну.

«Несмеяна, ко мне», — проглотив подступивший к горлу комок, в такт музыке командуя я, и она грациозной трусцой приближается к автору этих слов. Зябко позванивая медалями и сиренево мерцая смуглыми, с лукавой сумасшедшинкой, цыганскими сумерками в древних, татарских очах, она, грациозно грассируя, произносит по-французски:

«Пуркуа па, мосье? Шерше ля фам»*.

(Наплыв. Крупным планом.)

Из глубины салона на меня ласково смотрела Сикстинская мадонна. Она была без ребенка и в своей скромненькой, от Диора, форме бельгийской авиакомпании «Сабена», как будто бы только что сошла с замечательной картины художника Рафаэля, поющей торжественное аллегро-модерато счастливой матери-одиночке. Я невольно залюбовался неброскими статями этой фламандской Гретхен и, замечтавшись, мысленно уже примерял ее на роль Дарьи, героини моего будущего, еще не выстраданного мною сценария, но с грустью подумал вдруг, что сейчас опять в моде профессиональные артисты.

Между тем милая хозяйка салона что-то смущенно произнесла по-немецки, и по выражению ее лица я понял, что пора расстегивать ремень....

Многоместный лайнер, чем-то похожий на чайку из кинофильма «Чайки умирают в гавани», грациозно подруливал к конструктивно изящному зданию Люксембургского аэропорта. Бог весть, увидимся ли еще когда-нибудь с тобой, Марианна, чем-то похожая на Клеопатру?..

(Голос за кадром.)

* Проснитесь, гражданин, конечная. Самолет дальше не пойдет. Просьба освободить салоны.

Странное вообще впечатление производит на русского человека этот Люксембург. Видимо, по закону единства противоположностей столица Великого герцогства с ее магазинами, кафе и тротуарами совсем не похожа на столицу Бирмы с ее исторически сложившимся неприятием бобслея и уж ничего общего не имеет с Киото — древней столицей страны Восходящего солнца с ее гейшами, рикшами и мойщиками окон.

Нет, нет. Домой!

(В кадре восход солнца, камыши.)

На фоне вулкана Фудзияма из конструктивно изящного здания Клязьминского пансионата грациозно выходит красивый, замечательный мужчина в болотных сапогах, чем-то отдаленно где-то, кого-то напоминающий.

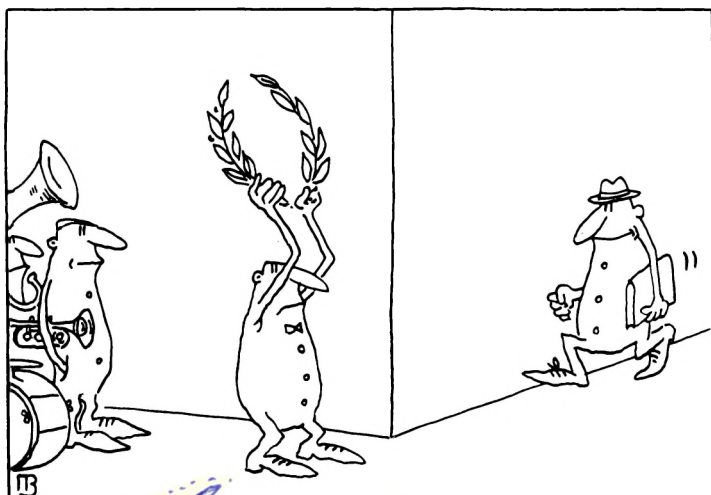
Борис Брайнин

Миша! Искренне тебе
и дня без срочи в
плабейской ведомости.

Твой Борис Брайнин
18. XII. 73г.



В. Песков



Алексей Семёну
от Виталия С.
Пескова 18.12.72.

Фразы

Станислав Ежи Лец

Непричесанные мысли

Карликам нужно низко кланяться.

Прекрасное вранье? Внимание! Это уже творчество.

Крестик около фамилии других многие принимают за плюс.

Сатира никогда не может сдать экзамен — в жюри сидят ее объекты.

Петух поет даже в то утро, когда он должен попасть в суп.

Болото производит иногда впечатление глубины.

Чаще всего выход там, где был вход.

Писатель, который не углубляется, удерживается всегда на поверхности.

Мнения обычно поделены. Между сильными.

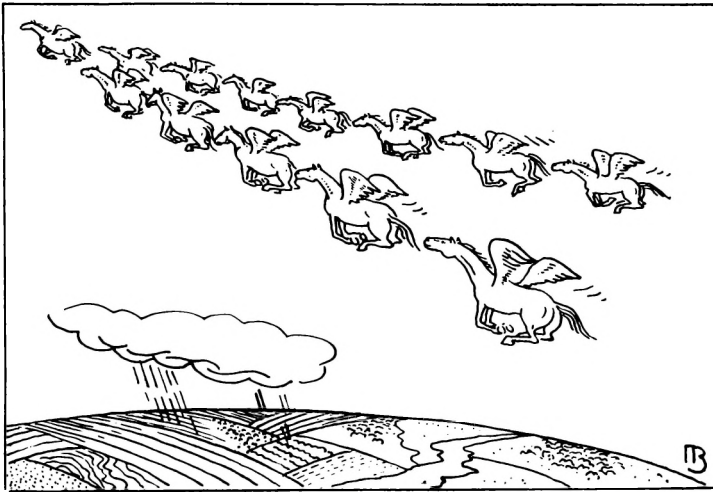
Должен ли сожранный миссионер считать свою миссию выполненной?

Шедевр поймет даже глупец. Но насколько иначе!

Легче всего заблудиться в лесу, когда его срубят.

Нелегко жить после смерти. Иногда на это нужно потратить всю жизнь.

В. Песков



любви и уверенности

Фразы

Неизменный аргумент пигмеев: «Мы ближе к земле!»

Критик ругал трагика: не смешон!

Что держит нас на этой земле, кроме силы притяжения?

Людей можно делить по-разному! Это известно всем. Можно на людей и нелюдей. И сказал удивленный палач: «А я делю их на головы и туловища».

Скатывалась ли когда-нибудь слеза из Всевидящего Ока?

Диалог полуинтеллигентов равняется монологу четвертьинтеллигента.

Можете ли вы представить себе женщину, которая позволила бы своему любовнику рассказывать 1001 ночь сказки?

Идеалисты жаждут материализации духа.

Многие нули считают себя эллипсами, по которым вращаются миры.

Нужно всегда быть лишь самим собой. Конь без гусара — всегда конь. А гусар без коня только человек.

Когда ты подпрыгнешь от радости, смотри, чтобы кто-нибудь не выбил у тебя из-под ног землю.

В. Песков



Фразы

А может быть, чистые руки должны быть длиннее?

Когда у жреца болит желудок, не приноси богам трудноперевариваемых жертв.

«Мы всегда возвращаемся к нашей первой любви». Может быть. Но всегда с новыми целями.

Страшное дело — плыть в грязной реке против течения.

Бесцветность жизни небезопасна, иногда у людей возникает желание окрасить ее кровью.

Не желать от жизни невозможного? Почему? Ведь ее возможности ограничены.

Целый день я не мог вспомнить слово «гильотина». Голова защищалась.

Не каждому человеку, который знает слишком много, известно об этом.

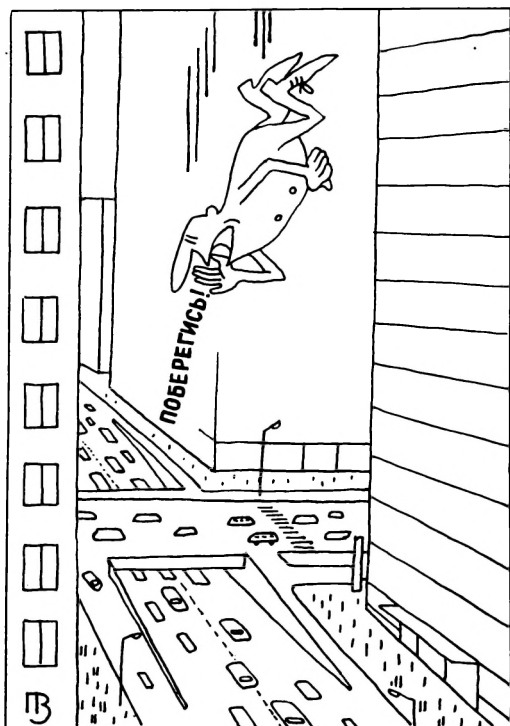
В действительности все выглядит иначе, чем на самом деле.

В начале было слово. Только потом возникло молчание.

Перевод с польского
Владимира Бурича.

От зависти не умирают.
От зависти убивают.

В. Песков



Фразы

Врач категорически запретил ему грабить банки.

Встречала свою восемьдесят третью весну.

В этой компании на каждого дурака приходилось десять умных, так что силы были примерно равны.

Эпитафия на могиле старого солдата: «Виноват, ваше благородие!»

Душа, где не ступала еще нога человека.

В. Казаков

От кораблей всегда тянет шампанским.

В. Колечицкий

Они очень любят друг друга: он — себя, она — себя.

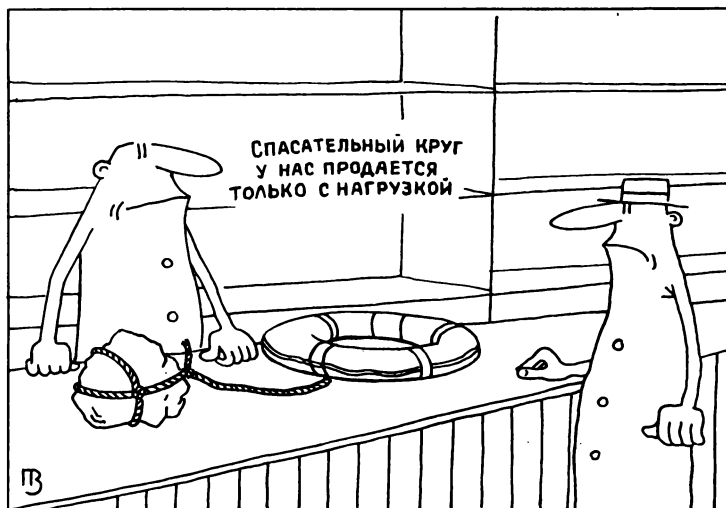
В. М. Генин - ЧАЙНИК.

Разница между графомами заключается в том, что одних печатают, а других — нет.

Редактор принимал юмор и отвергал сатиру. Ему было присуще одно лишь чувство юмора.

В. Голобородько

В. Песков



Фразы

И на похоронах Чингисхана кто-то сказал:

— Он был чуткий и отзывчивый...

Начальник пожарной команды Василий Иванович Спиридонов ненавидел Прометейя.

Т. Зульфикаров

Кто смеется последним?
Я за вами!

Ю. Базылев

Если бы Лев Толстой жил в коммунальной квартире, он стал бы Салтыковым-Щедриным.

М. Крутик

Не любить такую красивую женщину — преступление, любить — наказание.

Вал. Девятый

Отвергая новое, мотивируй это тем, что оно со временем все равно станет старым.

А. Крошкин

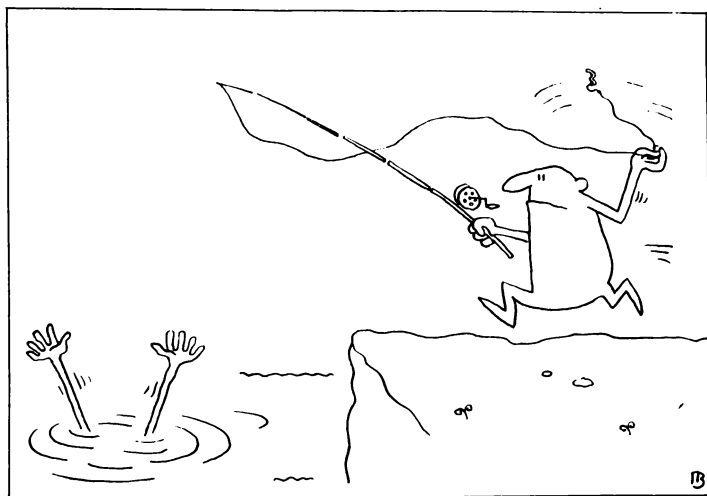
Сатирический фильм ре-выпустить в немом варианте.

Э. Дивильковский

Не сумев подняться на Парнас, он вскарабкался на Олимп.

Б. Рабий

В. Песков



Фразы

Марионетка

Мне трудно представить, кем бы я стала, если бы меня не одергивали.

Змея

А если я свернусь колечком, ты пригреешь меня на груди?

Палач

Мне тяжелее тебя: я остаюсь со своей совестью.

Яйцо

Опять меня разбила глупая курица! Ну как же мне ее не учить?

Копия

Я докажу, что на свете нет ничего оригинального.

М. Генин

«Я люблю золотую середину!» — сказала курица, став между страусом и колибри.

В. Каралюс

Долг, к сожалению, платжом красен.

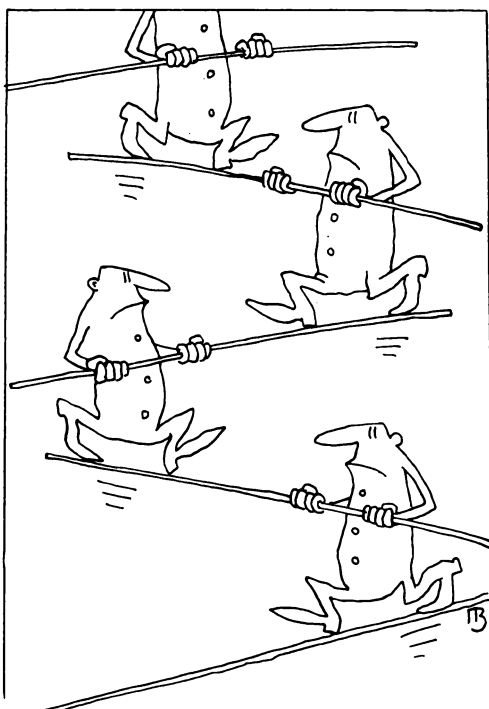
В. Влади́н

Несмотря на низкий художественный уровень, в романе имелись серьезные просчеты.

Если трудно сводить концы с концами, то можно сводить сче́ты.

Э. Гай, Б. Ганин

В. Песков



Фразы

Полцарства за троянского коня!

Где же взять столько денег, чтобы иметь сто друзей?!

В. Колечицкий

Нашего шефа нельзя не любить — он этого терпеть не может!

Не бей слабого, а тем более сильного.

В зале было так тесно, что яблоку упасть было негде, да и неоткуда.

Для того чтобы носить очки, мало быть умным, нужно еще плохо видеть.

В. Дубинский

Весной они поженились и прожили в мире и согласии до глубокой осени.

Б. Брайнин

«Мне бы крылья, — мечтал он, — я бы всех оплевал сверху!»

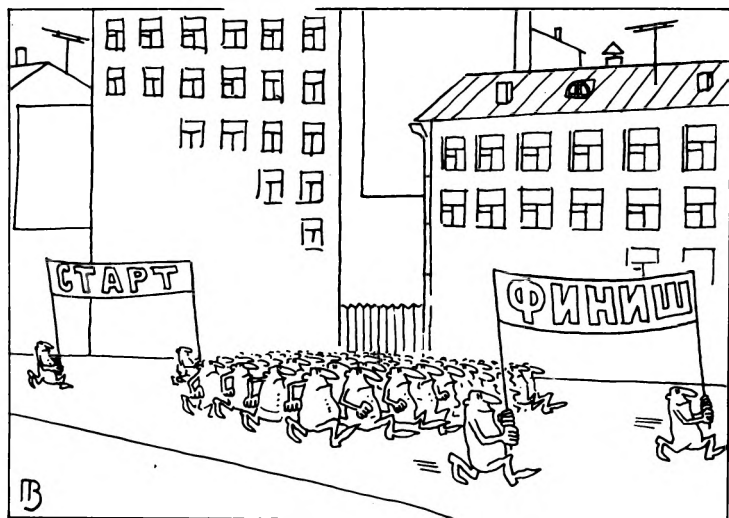
Л. Матюхин

Он посмотрел на нее по Фрейду.

Она женила его на себе. Так он и остался одиноким.

Ю. Скрылев

В. Песков



Фразы

Если юмористу не до шуток, он становится сатириком.

М. Генин

Характеристика с места работы, оформленная на предъавителя.

Был тот короткий прекрасный миг, когда солнце уже взошло, а уличное освещение еще не успели выключить.

Ю. Белоус и В. Голуб

Вот тебе, бабушка, и «Селя ви».

В. Курильченко

Скольким удалось проехать «зайцами» в поезде истории!

В. Коняхин

Поскольку я не собираюсь брать препятствия, уберите их с моего пути.

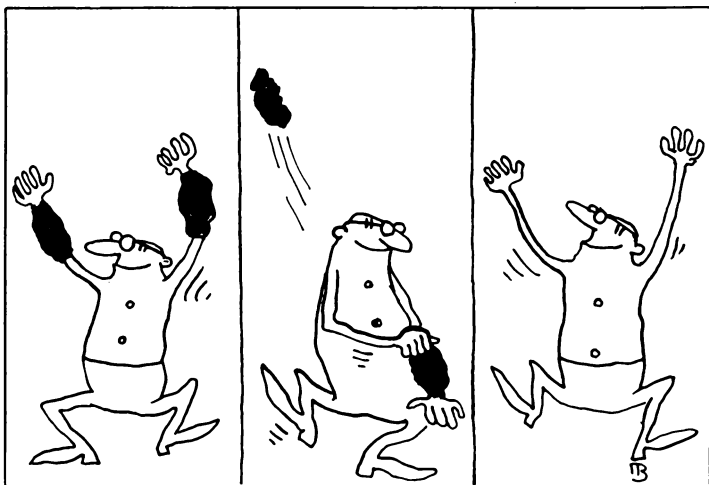
Так густо посадили деревья, что за ними не видно леса.

М. Генин

Крылатые слова: в одно ухо влетают, в другое — вылетают.

О. Сеин

В. Песков



Бюрократический стриптиз

Фразы

- Быть может, при матриархате мужчины были прекрасным полом?

Львиная доля успеха достается дрессировщику.

Сколько мрамора ушло на фиговые листочки!

«Какое антихудожественное произведение!» — восхищались в Антимире.

«А не слишком ли быстро я бегу на Ловца?» — подумал Зверь.

А. Казарян

А как должны одеваться придворные голого короля?

В. Коняхин

Зигзаги прямого пути.

«Никто из моих соплеменников не поднимался так высоко», — твердил себе заяц в когтях у орла.

В. Брюгген

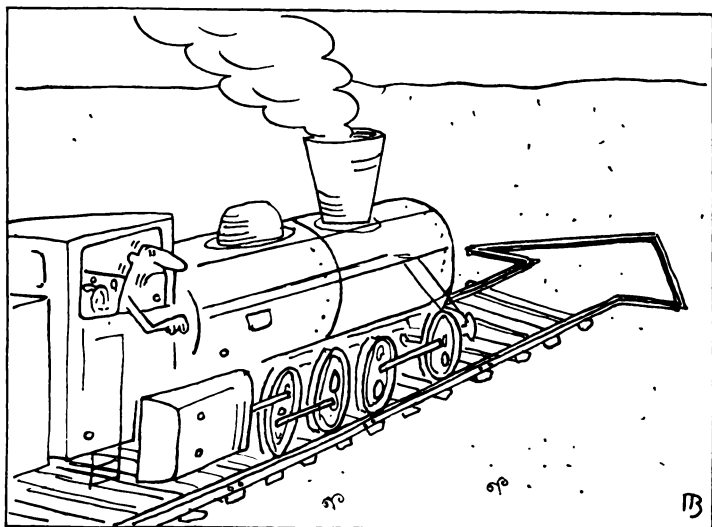
Не плюй в колодец — это неприлично!

Синоптики только предсказывают погоду, а делают ее совсем другие люди.

Гр. Клебанов

Зачем плыть против течения? Есть реки, текущие в обратном направлении.

В. Песков



Фразы

Если волки сыты, а овцы
целы, ищи злоупотребления.

Д. Мильруд

Пусть я в тупике, но тупик-то творческий!

Микробы появились на свет вместе с микроскопом.

Уберите эти строчки: они мешают читать между ними.

М. Генин

У писателя был добротный суконный язык. Но «Шинель» не выкраивалась.

В. Кольчицкий

С юридической точки зрения и дуракам закон писан.

Ю. Рыбников

Он был не робкого десятка, а робкой тысячи.

Э. Гай, Б. Ганин

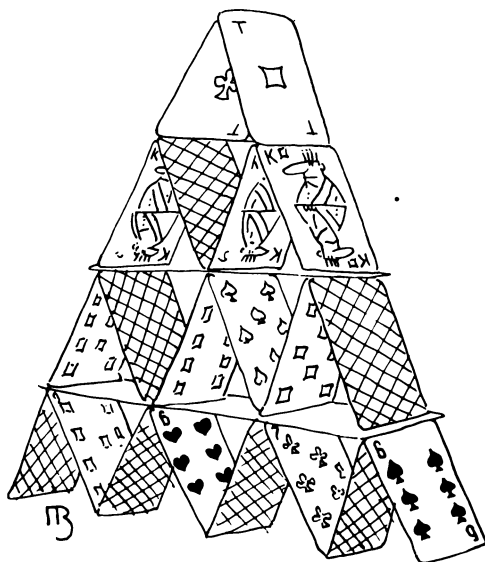
Герцог угощал нас не-отравленным вином.

Двуглазый пират.

Хотя все собравшиеся были в пиджаках и брюках, сразу было видно, что это конная гвардия.

В. Казаков

В. Песков



Фразы

К его молчанию следует прислушаться.

Н. Тараканов

«Плохие времена настанут, — говорил Людоед, — человечество может погибнуть».

Не унывай: после завтра наступит послезавтра.

Вл. Голобородько

Дураку и в лабиринте нужен компас.

Ну что может знать эта молодежь о малярии!

А. Петрилин

Стояла тихая Варфоломеевская ночь.

Ю. Базылев

Даже очень содержательный человек процентов на восемьдесят состоит из воды.

А. Бурмеев

Отбилась от стада. Пришлось стать человеком.

Ю. Скрылев

Разделяй чужое мнение и властвуй!

В. Колечицкий

Сазони- ада



ЖИЗНЬ — ЭТО БУРНЫЙ ПОТОК,
НЕ БЛУДИ В ПОТЕМКАХ
(Евг. Сазонов)

ЕВГ. САЗОНОВ

Кто не знает это уже набившее оскомину замечательное имя! Автор романа века «Бурный поток» — писатель, прозаик, литератор, эссеист, член Межпланетного Пен-клуба, людовед, душелюб, верный друг и соратник администрации «Клуба ДС» и т. д. и т. п. и др. и пр. Одним словом, писатель, каких не было, нет и не надо.

В этот раздел вошли произведения, подписанные Евг. Сазоновым.

Однажды, отвечая на вопросы журналистов, Евг. Сазонов ненароком поведал о себе:

«У нас любой может стать писателем. Здесь записаны адреса, фамилии и телефоны товарищей, большинство из которых являются писателями. Многие из них в свое время учились в средней школе. Я тоже пытался окончить школу, но родители усадили меня за роман века «Бурный поток», и с юных лет мне пришлось познать горький хлеб писателя-людоведа и душелюба... Сейчас писателем стать легко. Просто надо чего-нибудь написать. Это раньше было трудно».

Писатель часто раздумывает о месте читателя. Вот одна из его продуктивных мыслей: «Читатель должен любить писателя, просить у него автограф и активно покупать его художественные произведения. Писатели плохих книг не пишут. Если книгу издали, значит она хорошая. А плохих книг у нас не издают, потому что они никому не нужны. Литературная критика должна оберегать писателя от читателей. Бывает, что иной читатель до того распояшется, что начинает не любить того или иного писателя, создающего художественные полотна из прозы, поэзии и драматургии. Критик должен заставить читателя полюбить любое печатное слово. Читателем у нас может быть каждый...»

Так доброго тебе пути, гражданин читатель, по этому разделу, где собрано печатное слово, рожденное могучим талантом Евг. Сазонова. Спасибо тебе за внимание!

ЕВГЕНИЙ
САЗОНОВ

Роман ^{XX} века
КЕРНЫ
ПОТМОК

Пока в 2-х главах

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава I

Шли годы. Смеркалось. В дверь кто-то постучал.

— Кто там? — спросила Анна радостно, не подозревая, что ее ждет впереди.

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток**Глава I**

(Продолжение, нач. см. на стр. 264)

Ответа не последовало.

— Кто там? — повторила вопрос Анна, услышав чье-то жаркое мужское дыхание там, за дверью. — Откройте, — наконец донеслось до ее ушей.

(Продолжение следует на стр. 266)

ЕвГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток**Глава I**

(Продолжение, нач. на стр. 264)

Кровь хлынула к лицу Анны. Воспоминания обо всей прожитой жизни молниеносно пронеслись в ее голове. Все замерло вокруг. Только было слышно, как на кухне медленно и ритмично капает из крана вода.

(Продолжение следует на стр. 267)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток**Глава I**

(Продолжение, нач. на стр. 264)

— Федя?.. Ты-ы?? —
спросила Анна, будучи
почти без чувств.

— Да, Анна, это я, Фе-
дя! — донеслось из-за
двери.

— Верну - уу - уу - улся! —
закричала Анна, и слезы
бурным потоком хлыну-
ли из ее глаз.

(Продолжение следует на стр. 268)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

Утром, идя на работу, Анна чувствовала себя счастливой и всю дорогу думала о Федоре, о его немеркнущем, загубленном таланте.

(Продолжение следует на стр. 269)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток**Глава II**

(Продолжение, нач. на стр. 264)

— Теперь он мой! Мой!—
хотелось ей крикнуть на
весь троллейбус, чтобы
весь мир, весь земной
шар, все люди на свете
услышали о ее огромной
негасимой любви.

(Продолжение следует на стр. 270)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

— Вы на следующей сходите? — почему-то спросила она. И, не ожидая ответа, тут же почему-то вышла.

(Продолжение следует на стр. 271)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

— Почему вы опоздали? — спросил Анну завуч Вероника Николаевна, старая, опытная педагог.

(Продолжение следует на стр. 272)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ**Роман века****Бурный поток****Глава II**

(Продолжение, нач. на стр. 264)

Войдя в класс, Анна сразу почувствовала себя моложе. Рассказывая детям о Пушкине, она думала о Федоре. И было неизвестно, кого из них она любила больше.

(Продолжение следует на стр. 273)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

**А когда урок завер-
шился...**

(Продолжение следует на стр. 274)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

... прозвенел третий звонок. А вечером...

(Продолжение следует на стр. 275)

ЕвГЕНИЙ САЗОНОВ

Роман века

Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 264)

Вечерело...

Дома было тихо. Только было слышно, как в соседней квартире кто-то в кого-то изредка стреляет.

(Продолжение следует на стр. 276)

ЕВГЕНИЙ САЗОНОВ**Роман века****Бурный поток****Глава II**

(Продолжение, нач. на стр. 264)

„А где же Федор?“ — пронеслось у Анны по лицу. Постель была застелена...

— Уше-ее-ел! — закричала Анна, и слезы бурным потоком хлынули по ее красивой обветренной голове.

К вопросу о публикации романа века «Бурный поток»

От администрации «Клуба ДС»

Закончилась публикация второй главы романа Евгения Сазонова «Бурный поток», но уже сейчас ясно: на наших страницах обрело жизнь новое интересное произведение молодого неизвестного писателя. В редакцию поступают многочисленные письма наших читателей с просьбой рассказать подробно о творческом пути Евгения Сазонова (если он его имеет), о его семье... (если он ее не бросил)... Кроме того, некоторые читательницы, ознакомившись с творческим лицом Евгения Сазонова, мечтают посмотреть на его настоящее лицо.

Идя навстречу этим пожеланиям, мы начинаем печатать краткую биографию Евгения Сазонова.

Краткая биография Евг. Сазонова — автора романа века «Бурный поток» (Публикуется впервые)

Евгений Сазонов родился в 1936 году.
Он родился в рубашке. И с той поры любит хорошо одеваться.

(Продолжение следует).

Еще раз от администрации «Клуба ДС»

Мы предполагали, что роман века «Бурный поток» Евгения Сазонова вызовет отклики, но бурный поток писем и отзывов превзошел все ожидания. Приводим выдержки из ряда неопубликованных высказываний мировой печати и общественности.

«...автор откровенно пишет: «И было неизвестно, кого из них она любила больше». Как уже неоднократно указывалось, положительный герой не может любить одновременно двоих. Это чудовищная клевета на нашего современника, искажение его морального облика...»

*И. Иванов
(журнал «Времена года»)*

«Как ни стараются московские писатели, им не удается скрыть, что Анна плачет. Вспомним Анну Каренину — она тоже плакала. И даже бросилась под поезд. Это естественная реакция русской души на советский образ жизни.»

*Доб Пинчер
(«Нью-Йорк ньюс»)*

«Если автор глубже знает своих героев, их характеры, их живую речь, он поймет, что завуч Вероника Николаевна должна была свой извечный вопрос: «Почему вы опоздали?» — произнести так: «Почему вы опоздала?»»

Вл. Володькин
(«Литературная газета»)

«...и, хотя сказано много, остается неясным время действия: посевная или уборочная?»»

К. Фетенко
(журнал «Молодой пахарь»)

«Со мной тоже был похожий случай, но только мой Ваня

больше мне не встречался. Помогите узнать его адрес или место работы и фамилию, а также стать на очередь в ясли.»

Тамара Д.
(из писем в редакцию молодежного журнала)

«Психологическая глубина, цельные характеры, сочный язык и богатство красок ставят эту монументальную эпопею в один ряд с лучшими образцами художественной литературы всех времен и народов.»

Евгений Сазонов
(из интервью с корреспондентом «Клуба ДС»)

К сожалению, мы не имеем возможности привести все имеющиеся в распоряжении администрации Клуба материалы. Ждем дальнейших откликов и охотно ответим на все возникшие вопросы.

Краткая биография Евг. Сазонова — автора романа века «Бурный поток»

(Продолжение)

В 1944 году Евгений Сазонов поступил в первый класс. К счастью, школы тогда были мужскими и женскими...

В 1945 году Евгений Сазонов поступил во второй класс.

Встал вопрос — продолжать или не продолжать образование. Время было трудное. Сазонов решил продолжать.

В 1954 году Евгений Сазонов оканчивает десятилетку с одной тройкой и двумя золотыми медалями.

Первую золотую медаль он получил в барьерном беге на 100 метров, вторая оказалась серебряной.

Затем, с 1956 по 1960 год, Евгений Сазонов четырежды не поступает в Литературный институт.

Опять встал вопрос — продолжать или не продолжать.

На этот раз Евгений Сазонов решил: «Пора кончать!». И с этими словами он начал писать.

Прообразом завуча Вероники Николаевны послужил завхоз школы Илья Захарович Груздьев...

У Евгения Сазонова — обычная биография простого молодого писателя. Он мало видел, но много пишет. За это его и любят читатели.

Доброго пути, Евгений Сазонов!

Хроника «Клуба ДС»

Администрация «Клуба ДС» с удовлетворением сообщает, что Евг. Сазонов, автор романа века «Бурный поток», дал любезное согласие работать в штате Клуба.

Решением администрации Евг. Сазонов зачислен на должность и. о. консультанта (на полставки) без испытательного срока.

Со стола Евг. Сазонова

Уважаемая редакция!

Недавно Вы взяли на полставки известного писателя Евгения Сазонова. Я очень этому удивляюсь.

Мне кажется, что администрация «Клуба ДС» ввела Вас в заблуждение и Вы пошли у нее на поводу.

Евгений Сазонов, конечно, известный писатель. Но если разбираться по-честному, кому он обязан своей известностью, как не вверенной Вам газете. Это она ему создала умышленную рекламу слухами о мнимой смерти, которая оказалась недействительной. С такой рекламой не только гений, но и простой талантливый человек может стать Е. Сазоновым.

Я внимательно прочитал весь «Бурный поток» целиком, от корки до корки. Признаться, не понимаю, почему его всюду так хвалят. У нас есть много других значительных произведений, которые написаны не хуже. Видать, вокруг «Бурного потока» и его автора преднамеренно создана нездоровая атмосфера, благодаря которой этот роман принес такую популярность и, наверное, немалый гонорар. И автор, пользуясь такой недопустимой благожелательностью, начинает держаться нескромно, подавая плохой пример неустойчивой части нашей творческой молодежи. Не успел Сазонов приступить к работе в газете, как он стал направо и налево раздавать советы читать «Бурный поток». Почему Вы разрешаете ему рекомендовать для чтения только это произведение?

А недавно Вы вообще посвятили почти всю страницу творчеству Е. Сазонова. Нужна ли нам такая сазониада?

Нет, товарищ редактор, видно, Вы проявили близорукость и недальновидность, зачислив Сазонова на полставки, а главный бухгалтер Вас вовремя не поправил. Думаю, что на эти полставки нашлись бы более достойные писатели.

П. Петухов,
технолог

От администрации «Клуба ДС»

Публикуя в порядке обсуждения письмо технолога Петухова, администрация «Клуба ДС» хочет поставить вопрос, давно волнующий всех: «Зачем мы это сделали?»

Администрация не может отмахнуться от жгучих вопросов технолога Петухова и по примеру многих периодических изданий (молодежных и немолодежных) начинает дискуссию. Пусть решает читатель, ибо, как говорил Евг. Сазонов, «читатель всегда прав».

Итак, зачем мы это сделали? Зачем мы взяли на полставки Евг. Сазонова? Почему именно его? Может ли простой талантливый человек стать Евг. Сазоновым? Вот, грубо говоря, те проблемы, которые волнуют технолога Петухова.

Администрация уполномочена заявить, что да, может! Пример тому — сам Евг. Сазонов. Мы уже имели случай познакомиться читателей с биографией Сазонова. На его жизни можно научиться тому, как стать писателем и заслужить право работать на полставки в «Клубе ДС». Нужно только быть таким же людоведом! Надо лишь уметь вовремя сказать нужное слово нужным людям! И этим словом жечь, жечь и жечь!

Технолог Петухов справедливо пишет о том, что у нас есть и другие произведения, которые написаны не хуже романа века «Бурный поток». Не хуже, тов. Петухов, но и не лучше! А это главное! Администрация «Клуба ДС» спрашивает читателей: заслуживает ли Евг. Сазонов того, чтобы его художественные произведения видели свет:

**НУЖНА ЛИ НАМ
ТАКАЯ
САЗОНИАДА?**

Евг. Сазонов Член Пенклуба

14 октября распространенная шведская газета «Афтонбладет» поместила на своих литературных страницах статью, озаглавленную «Товарищ Сазонов». Цель ее, как пишет «Афтонбладет», состоит в том, чтобы «представить Евгения Сазонова шведской читательской публике». В статье подробно излагается

творческая биография писателя, рассказывает о его работе в «Литературной газете». «Афтонбладет» сообщает далее, что «Евгений Сазонов вместе с Сальвадором Дальбергом, Уседомом Воллином и Альфредом Вестлундом* входит в состав временного правления нового межпланетного Пенклуба».

Стокгольм

Г. Дейниченко,
соб. корр. «Известий» (специально для «Клуба ДС», по телефону)

От администрации «Клуба ДС»

Администрация «Клуба 12 стульев» благодарит редакцию газеты «Афтонбладет» за признание заслуг Евг. Сазонова перед мировой литературой.

Судя по характеру статьи, дело идет к изданию шведского перевода романа века «Бурный поток», завоевавшего огромную популярность читателей. Примечательно также и то, что статья о творчестве Евгения Сазонова появилась на страницах такой влиятельной газеты, как «Афтонбладет», в момент, когда в Шведской академии началось обсуждение кандидатур на Нобелевскую премию по литературе.

Интервью с Евг. Сазоновым

Получив сообщение из Швеции, администрация «Клуба ДС» немедленно связалась по телефону с автором романа века «Бурный поток» писателем Евг. Сазоновым, который, как известно, в настоящее время отдыхает в Ялте. К телефону подошел сам Евг. Сазонов.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Дорогой Евгений, только что в редакцию пришло известие о том, что вы избраны членом правления межпланетного Пенклуба. Как вы относитесь к этому?

САЗОНОВ.

Мне эта весть очень приятна, тем более, что как раз сегодня утром я завершил вторую редакцию «Бурного потока». Надеюсь, что скоро ее увидят читатели. Без ложной скромности скажу: это потрясающие страницы!

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Не собираетесь ли вы в ближайшее время в Швецию?

САЗОНОВ.

Я готов рассмотреть положительно любое приглашение, исходящее с территории нашего северного соседа.

* Персонажи литературной программы шведского телевидения.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Не намерены ли вы покинуть «Клуб 12 стульев» в связи с избранием в Пенклуб?

САЗОНОВ.

В настоящее время я изучаю этот вопрос.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Мы решили перевести вас с полставки на полную ставку. Кстати, этого требовали многие читатели, приславшие в ваш адрес письма протеста против наложения на вас эпиталамы.

САЗОНОВ.

Думается, что читатели во многом правы.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Что вы желаете будущим лауреатам Нобелевской премии?

САЗОНОВ.

Хочу пожелать им успеха в личной жизни и счастья в труде.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

До свидания в Москве, Евгений! Желаем вам успехов в личной жизни и счастья в труде...

САЗОНОВ.

Одну минуту...

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Да?..

САЗОНОВ.

Я хотел бы узнать, берут ли алименты с Нобелевской премии?..

На этом, к сожалению, разговор прервался по техническим причинам.

Евг. Сазонов и...*

Бурный поток

Литературный сценарий
по мотивам одноименного романа

1-я серия

По необозримым весям и селям, по кудрявым безрезкам и тихим речкам, по горам и долам плавно панорамирует камера. Медленно панорамирует. Долго. Примерно на сто полезных метров. В фонограмме: незамысловатая, какая-то задушевная, берущая за сердце мелодия на три голоса.

* Пробел предлагается заполнить режиссеру, согласившемуся поставить фильм.

По большакам и проселкам, по гатям и грунтовым, по стежкам и дорожкам идет Федор. Медленно идет. Долго. Идет, идет, идет...

Крупно: нахмурен лоб на лице героя. Ассоциативный монтаж: экспрессивные вороны над импрессионными крестами покосившейся церквушки. В фонограмме: вороний грай, собачий лай, звуки эпиталамы.

Сардонически хохочет одна из ворон и человеческим голосом вопрошает:

— Что ж ты, Федя?

Резко вскакивает с постели Федор. Крупно: на лбу — ядреные капли пота.

Где-то к концу серии на экране появляются титры: «Бурный поток». Сценарий Евг. Сазонова...» Величаво плывут титры. Долго. Примерно на одну часть.

Над кроватью Федора висит ружье.

2-я серия

Жена Федора Анна, умеренно оголив ноги, моет пол.

Параллельный монтаж: Федор с приятелями пьет водку.

Основа конфликта: отсутствие общих интересов у супругов. Анна, помыв пол, бежит на берег речки, где, прижав к груди однотомник Экзюпери, поет с подружками лирическую песню. Федор же горланит в прокуренной горнице: «Вот, допустим, захочется выпить вам...»

Развитие конфликта: сын Сережа, шестилетний сорванец, выводит на листке в три линейки: «Мой папа пьяница».

В фонограмме: звон гитары, звон разбиваемой посуды, крик, затмение, отчаяние, ночь... в общем «блоуап».

Над кроватью Федора висит ружье.

3-я серия

Крупный план газетного аншлага: «Мой папа пьяница!» Встык (без диафрагм и шторок — по-современному) монтируется общий план: Федор, обхватив голову руками, тяжело думает, сидя в пустой горнице. Ортогональная композиция подчеркивает некоммуникабельность героя. В фонограмме: контрастом депрес-

сивной линии героя звучит популярная песня «А я по шпалам, опять по шпалам...».

Контрапунктический монтаж: песня продолжает звучать, но мы уже переносимся в школу, где просветленный классный руководитель Анна ведет урок. Дети наперебой спрашивают педагога: «В чем смысл жизни?», «Что есть истина?» Слышатся отдельные восклицания: «сексуализм», «экзистенциализм» и «специфика телевидения». Ласково улыбаясь, педагог читает ребятам несколько японских трехстиший.

Над кроватью Федора висит ружье.

4-я серия

РТС. Парциальный монтаж: веялки, лобогрейки, сепараторы, сатураторы, перфокаторы. Все дышит перерождением. Текут вешние воды. Блики, зяблики, кораблики. Положительные моральные облики.

Из ворот РТС устало, но счастливой походкой славно потрудившегося человека выходит Федор. Он улыбается. Из-под замызанной телогрейки высывается белоснежная сорочка фирмы «Ничибо».

На проходной его с цветами встречает Анна. Изображение становится разноцветным. Крупно: лучезарные глаза счастливого педагога. Еще крупнее: лучезарные глаза слесаря-ремонтника, над бровью которого красуется трудовое масляное пятно.

— Ты оправдал надежды общественности, — торжественно, как-то по-домашнему говорит Анна.

— Спасибо, Анна, — отвечает Федор, обнимая грязными руками плечи жены, одетые в нейлоновую кофточку.

— Иди ты, — ласково говорит жена, глядя на масляное пятно, — в баню. Помойся.

Анна тихо и счастливо смеется.

Во весь экран — солнце. Огромное, красивое, которое вызовет ощущение гармонического финала у простого зрителя и аплодисменты в Доме кино.

В фонограмме — бархатный голос диктора:

— А какие интересные дела у них впереди! Мы обязательно расскажем об этом в следующих сериях.

Неожиданно Федор снимает со стены ружье и громко стреляет. Возникает титр:

Конец

Хроника «Клуба ДС»

Автор романа века «Бурный поток» писатель Евг. Сазонов принял решение вступить в законный брак. В связи с этим администрация «Клуба ДС» дала указание возобновить с 20 ноября с. г. деятельность сектора Гименяя, открытого в порядке эксперимента в марте текущего года. Сегодня задачей сектора Гименяя является подыскание невесты, согласной стать верным, преданным другом жизни автора романа века.

Администрация «Клуба ДС» просит заинтересованных лиц в самый кратчайший срок представить руководству клуба свою биографию и заявление. Просьба плохих биографий не присылать.

Вл. Владин

Свадьба века

...И вот я на месте. Огни иллюминации, вереницы автомобилей. Через рупор объявляют:

— Машину писателя Индюкова, к подъезду!

— Машину поэтессы Золотухиной, к подъезду!

С трудом пробираюсь через толпу, поднимаюсь на двенадцатый этаж. Скромная пятикомнатная квартира с кухней, ковры, мебель. На стенах много живописи: «Сазонов кушает компот», «Сазонов в президиуме», «Сазонов отвечает на вопросы читателей — работников Конного завода им. Айвенго». Одно полотно меня особенно взволновало: необъятные просторы, посередине — трактор, за рулем Евгений читает свой «Бурный поток», а вокруг, куда ни кинешь взгляд, колосится пшено... Картину написал его брат — художник, тоже Евгений.

Кабинет Сазонова весь завален книгами и журналами. В углу арфа — подарок Горнораввинской мебельной фабрики.

Сегодня здесь, как написал бы Л. Толстой, «вся Москва». Мелькают знакомые лица писателей, художников, актеров. Много, очень много творческой интеллигенции. Сначала среди всей этой творческой интеллигенции невозможно различить, кто же Сазонов. Но потом привыкаешь, начинаешь отличать одного от другого. У кого-то носки другой расцветки, кто-то пишет другой авторучкой...

Ну вот и сам виновник. На нем строгий черный костюм, любимая вышитая рубашка. С трудом проби-

раюсь к жениху, здороваюсь за руку, — Сазонов демократичен, прост, подчеркнуто скромн.

С волнением задаю первый вопрос:

— Скажите, Женя, где вы достали печень трески?

Евгений с гордостью оглядывает стол:

— Прислали читатели — рыбаки Каспия. У них недавно давали.

Знакомлюсь с невестой. Широкое, открытое, простое, хорошее, с эдакой лукавинкой лицо. Что-то в глазах такое... в улыбке... К Сазонову, чувствуется, относится дружелюбно, но приветлива и с остальными гостями — настоящая хозяйка. Говорит мало, но как-то очень точно, умно, метко: «Сюда садитесь... сюда... а вы сюда...» Чувствуется, что такая все может — и полы вымыть, и песню спеть, и посадить, если надо.

Звучит свадебный марш Мендельштама. Все садятся за стол. Первый тост произносит самый почетный гость — дед Евгения, старый кадровый подсобный рабочий:

— Это, как в старину говорилось, муж и жена — одна сатана!

Общий хохот. Остроумный старик, да и вся у них семья такая — бунтари!

Следует тост за тостом. Молодой, слегка захмелевший поэт вдруг с размаху бьет кулаком по столу и кричит: «Горько!»

Сазонов, строгий, подтянутый, крепко, с достоинством целует невесту. Чувствуется, что ему хорошо.

За столом непринужденная обстановка, рассказывают анекдоты, когда выходят женщины, читают отрывки из своих произведений. И вдруг сквозь гомон и шум прорываются первые аккорды гармонии. Звучит Эпиталама из оперы Рубинштейна «Нерон».

Поет молодая невеста. Дробно стучат ее каблучки по паркетному полу, в руках откуда-то появляется «Бурный поток», и она им уже игриво и призывно помахивает над головой.

Вот вступает другой голос:

Полюбила журналиста,
Журналиста юного...
Пусть уж лучше журналист,
Лишь бы не сюрреалист...

Бьет двенадцать ударов...

— Женя, — кричат со всех сторон, — Женя! Новый год!

Сазонов перестает целоваться. Он серьезен, подтянут. Поднимает бокал и молча, под гром оваций, пьет за свои творческие успехи в Новом году.

Далеко за полночь гости начинают расходиться. У всех на душе радостный осадок.

И только мне еще предстоит работа — первая ночь молодых пройдет в интервью. Я вынимаю блокнот и ручку...

Со стола Евг. Сазонова

'Я, граф и др.

Из путевого блокнота автора романа века

В предыдущих номерах газеты рассказывалось о зарубежном турне автора романа века и его супруги. Отмечалось, что серебристый лайнер с Евг. Сазоновым на борту взмыл с бетонных дорожек Стокгольмского аэропорта и взял курс в неизвестном направлении. Вот что было потом...

Очнулся я в Люксембурге. Рядом находилась супруга. С этой страной я давно связан полюбившейся мне опереттой «Граф Люксембург». Сначала подумалось: «За что, за что, о боже мой, за что, за что, о боже мой?» Потом в голову пришла мысль о чемоданах со шведскими сувенирами: на месте ли? Оказалось, на месте.

Люксембург встретил нас дождливой погодой. Туман, ветер, слякоть. Но нам было тепло от рукопожатий люксембуржцев.

Люксембург — страна контрастов: как всегда, рядом с лачугами бедняков уживаются дворцы богатей, рядом с фешенебельными ресторанами уживаются и другие предприятия общественного питания.

Наш маршрут был обычным: универмаг, затем читательская конференция по роману «Бурный поток», организованная буржуазной прессой. Вечером — затянувшийся до утра конкурс красоты среди девушек этой небольшой страны. В зале полно мужчин, а девушки выходят на эстраду в купальных принадлежно-

стях. А ведь человек прежде всего красив в труде, а не на пляже!

Вечерело... Я возвращался из магазина в отель, и меня остановила сомнительная девица, которая в наших условиях могла бы стать полезной для общества. Я гордо прошел мимо нее, бросив ей в лицо гневную фразу: «Я не один!»

Поздними вечерами мне приходилось активно посещать заведения под кричащим названием «Найт-клуб» или ходить в кинематограф на какой-нибудь очередной секс-боевик. Жену же я специально оставлял ночевать в отеле, чтобы она не разлагалась под тлетворным влиянием.

На читательской конференции меня все время спрашивали про художественную литературу. Интересовались моим мнением о разных писателях и поэтах. Приходилось давать достойные ответы. Спрашивают, например: «Какой сейчас у вас писатель самый модный?» Отвечаю: «Если бы вы читали «Бурный поток», то не задавали бы непродуманных вопросов».

В один из солнечных дней меня пригласили на местный стадион. Здесь шел футбол на какое-то первенство. Радио разнесло весть о том, что на футболе присутствует писатель Евг. Сазонов. Меня, естественно, позвали к центру поля произвести первый удар по мячу. Я вышел на центр, попросил игроков занять свои места, особенно вратарей, ибо я еще не решил, в какую сторону буду бить. Свисток, неторопливо отхожу, закрываю глаза, разбегаюсь и что есть силы ударяю по мячику! Стадион, конечно, взревел. Судья показал на центр. В чем дело? Что такое? Оказывается, мяч от моего удара влетел в одни из ворот и счет стал 1:0.

— Ничего, говорю, давайте, так сказать, для равновесия я ударю и по другим воротам.

Все согласились. Мяч снова на центре.

— Вратарь! — кричу. — Готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот. — А сам так с лукавинкой улыбаюсь.

Свисток. Разбегаюсь. Удар! 1:1. С этого счета и началась игра.

Когда на пресс-конференции акула пера Боб Пинчер спросил меня, как я расцениваю свои футбольные успехи, я скромно ответил, что давно уже живу

футбольным законом: не важно куда бить, главное — быть в центре поля.

На следующий день наша супружеская чета была приглашена к знаменитому графу Люксембургу. Элегантный парень. И одет неплохо. Мы говорили о художественной литературе. Я подарил ему роман «Бурный поток» на русском языке и гранки корректуры на языке люксембургском. Потом пригласил графа к себе домой в качестве личного гостя в удобное для него время. Он с удовольствием принял приглашение и сказал, что о дне визита он договорится по дипломатическому каналу. Встреча прошла в дружественной атмосфере.

Потом я был приглашен в ЛГУ — Люксембургский государственный университет имени графа Люксембурга. Выступил перед студентами с чтением отрывков из «Бурного потока». Молодежь от всей души аплодировала и забросала меня вопросами о моих творческих планах. Пришлось мне еще раз прочитать свои отрывки и серьезно поговорить со студентами и студентками о настоящей литературе, понятие о которой, как мне показалось, запущено в этом высшем учебном заведении.

В общем, поездка оказалась тяжелой. Домой, домой! Покоя сердце просит.

Западная Европа,
проездом

Евг. Сазонов.

Творческая лаборатория Евг. Сазонова

Первый вариант

Жевал я
люксембургский сыр
И вспомнил: есть на солнце
пятна.
Как непонятен этот мир
И все на свете непонятно!

Окончательный вариант

Я ел вчера наш вкусный сыр
И думал: пусть на солнце
пятна,
Но мне понятен этот мир
И остальное все понятно!

Со стола Евг. Сазонова

Возвратясь из отпуска, Евгений Сазонов свой первый взгляд бросил на молодых. «Они — мое будущее», — решил он. Писатель века предложил вниманию администрации «Клуба 12 стульев» творческие портреты своих учеников.

Вот край, где я родился,
Где детство я провел,
Как он преобразился,
Какой

вид
приобрел!

Эти стихи переливаются верными красками.

Должен заметить, что при всей несхожести манер трех молодых авторов объединяет удивительная скромность таланта. Но они не должны зазнаваться. Им следует много и плодотворно трудиться. Будут они и знаменитыми и талантливыми.

Невольно вспоминается молодость... И вот успех, слава, мировое признание, самый расцвет моего дарования. Думается, что не случайно все это. Не случайно я вышел на большую дорогу. Не сверну с нее никогда. Доброго пути!

Со стола Евг. Сазонова

Читатели «Клуба ДС» уже знакомы с мыслями и рассуждениями Евг. Сазонова о музыке. С не меньшим интересом встретят они еще один жанр, в котором плодотворно трудится писатель-людовед. Это мини-эссе о литературе. По зрелости содержания, отточенности формы и поразительной емкости двустихия эти по праву стоят вровень с лучшими страницами «Бурного потока». Шарм, интим, наив в сочетании с тонким пониманием литературного процесса — вот в чем волнительность этих мини-атюр. Мини-эссе Сазонова о литературе ярко свидетельствуют: перед нами — большой мастер слова, подлинный эссензатор.

Мини-эссе о литературе

Совсем не фокус —
печь тома
Бригадным методом Дюма!

Знает весь микрорайон,
За что повешен был Вийон.

Миша!
Это тоже сочинил я —
Володе
Валчин.

И мы писать романы
могем,
Как Сомерсет, простите,
Мозм.

Всегда передо мной
дилемма:
Читать Немцова или Лема?

Я в мастерстве —
пари держу —
Не уступаю Занд Жоржу!

Люблю пить чай
за файвоклоком
Я с беллетристом
Поль де Коком.

Сядь в ванну,
яблоко очисти —
И превзойдешь
Агату Кристи!

Лишь я один во всей
Европе
Сравним с самим
де Вегой Лопе!

Хемингуэй работал стоя
И потому не знал простоя!

Бальзак писатель мой
любимый.
Где брал он кофе
растворимый?..

Быть лордом — лучше,
чем бароном:
Давно доказано
Байроном.

Неподражаем я. Не так ли?
Ответь, Андроников
Ираклий!

Афоризмы

(Из записной книжки Евг. Сазонова)

- * Жизнь — вредная штука: от нее умирают.
- * Редактор — это специалист, который, плохо зная, что такое хорошо, хорошо знает, что такое плохо.
- * Любовники приходят и уходят, а мужья остаются.
- * Если хочешь подрубить сук, на котором сидишь, то сперва слезь с него.
- * У Петра I с Екатериной I за двадцать два года родилось одиннадцать детей. Молодцы!

Философемсы

— Меня смущают неумеренные похвалы, раздающиеся в мой адрес, — сказал мне как-то в доверительной беседе Евгений Сазонов. — Несколько раз я читал и слышал применительно к своему творчеству определение «гениально». Как бы это ни тешило авторское самолюбие, я более трезво смотрю на вещи. Будущее покажет, что я был просто большим писателем с широким творческим диапазоном.

Речь зашла о последних работах Сазонова, и он признался, что не без успеха пробует свои силы в новом для него жанре — философемсах. К своему стыду, я не знал, что это такое.

— Не мудрено, — усмехнулся писатель. — До меня этот жанр почти не разрабатывался. Философемса — это восьмистишие с философским уклоном. Форма чрезвычайно емкая, позволяющая вложить в себя два, три и более смысла. «Ни дня без философемсы, а то и без двух!» — это стало моим девизом. Вскоре я издам их отдельной книгой, которую вместе с читателями буду ждать с большим нетерпением.

Несколько философемс мы публикуем с разрешения автора.

Вл. Лифшиц

Коробка

Моя черепная коробка
Полна всевозможных чудес.
Сейчас, например, эфиопка
Там пляшет в одеждах и без.
Бывает, газету листаю,
Беседую мирно с женой,
А сам среди галактик летаю
В коробке своей. Черепной.

На даче

Выпал птенчик из гнезда,
Скачет по дорожке —
Калорийная еда
Для хозяйской кошки.
Но и кошку — выйдет срок —
Загрызет собака.
Как, однако, мир жесток.
Как жесток, однако.

Воспоминание

Когда я слышу звуки
Фагота иль кларнета,
Мне трепетное что-то
Напоминает это.
Когда я слышу звуки
Кларнета иль фагота,
Напоминает это
Мне трепетное что-то.

Сюжетный поворот

У нас чудачества нередки,
И мой приятель Кондаков
Хранит в альбоме этикетки
Вин, водок, пив и коньяков.
Вот тут-то вас и поджидает
Сюжета новый поворот:
Он этикетки собирает,
Но в рот абсолютно ни капли спиртного не берет.

Предчувствие

Когда-нибудь, надеюсь, что не скоро,
Возможно, в полночь, может, поутру
Я, с музой не закончив разговора,
Вдруг вытянусь на койке и помру.

Да, я умру. Двух быть не может мнений.
Умру, и мой портрет на стенку ты повесь.
«Нет, весь я не помру!» — сказал когда-то гений.
Но я не гений. И помру я весь.

Доверие

По земле нашей,
Круглой, как глобус,
Без кондуктора
Мчится автобус.
Быстро мчится
И вскорости скроется...
Все кругом
На доверии строится.

Порядок

Люблю порядок всех родов,
Во всем люблю порядок:
Порядок воинских рядов
И огородных грядок,
Порядок стихотворных строк
Люблю в своей тетрадке.
Я лишь в порядке вижу прок,
Не вижу — в беспорядке.

Гены

Поверь, читатель: я вполне земной.
Куда мне от наследственности деться?
Как прадед, квас люблю я в летний зной,
Как дед, зимой люблю пивком погреться,
Как у отца, при виде коньяка,
Моя ладонь другую нежно гладит...
Во мне живут отец, и дед, и прадед, —
У генов путь-дорожка далека.

Воображение

Когда гляжу я на хлебá
Под синим небом,
Мне представляются хлебá
Печеным хлебом:
Пшеничным, ситным, заварным,
Орловским, минским,
Обдирным, рижским, аржаным
И бородинским.

Данте Алигьери ^{от} и Вл. Визюк

Божественная комедия, или Сущий ад

(Авторизованный перевод
с латинского Евг. Сазонова)

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Я до песен страшно лютый
И охотно услужу.
Дайте мне скорей валюту¹

4 Я в страну теней схожу...

Эй, входящие, вниманье:
Здесь оставьте упованья!

7 Ты играй, моя кифара,

Музыкой дари меня.
Мы споем сейчас на пару

10 С Франческой да Римини².

Ой, подружка Беатриче,
Это ль не идиллия?

13 Ходит Данте твой по Аду
В обществе Вергилия.

16 Милка Цербер гонит лаем

Кардинала Николая.
Коля, Коля, Николай³,
В круге третьем погуляй!

19 Как у дроли у Хорона⁴
На носу сидит ворона.
Прилетела та ворона

22 Из-под города Верона.

Мы плывем по Ахерону⁵
По-над нами Южный Крест

Над водост
деревьев
кранов,
Трямо в
душу
Лезет ветвь
От такого
Ахерона
Можно крест
умереть.

- 25
А для кормчего Хорона
Ното поміні лупус ест⁶.
Потому что наш Хорон
- 28
Прибыл прямо с похорон.
- 37
А у нашего Аида⁷
Нет садов Семирамиды,
Только нервный тик-с,
- 40
Да речушка Стикс...⁸
- От райского от дерева
Эх, накося да выкуси!
- 43
Мы с тобой два берега
У одного Стикса...
- 46
Продолжай играть, кифара,
Эх, да на гулянке!
Дайте в руки гонорара⁹
Золотые бланки!

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

- 49
Эх!
- (Печатается с некоторыми сокращениями.)

Биографическая справка

Данте Алигьери родился во Флоренции в 1265 году. Евгений Сазонов родился в городе Бараний Рог в 1936 году. В 1302 году Данте из-за интриг своих политических противников переехал в Верону. В 1954 году после окончания средней школы № 18 Сазонов вынужден был переехать в Москву.

Однажды Данте встретил девушку по имени Беатриче, и у поэта возникла глубокая и трогательная по своей наивности любовь. Беатриче рано умерла, так и не узнав об этом, так как Данте она видела всего пару раз и то мельком. Все это вызвало к жизни и во многом обусловило пафос «Божественной комедии», которую автор писал четырнадцать лет.

Сазонов познакомился со своей будущей женой в парке культуры и отдыха. Они расписались в районном Дворце бракосочетаний 31 декабря 1968 года. Сазонов писал свой «Бурный поток» две недели.

Данте писал свою поэму так называемыми «терцинами» — трехстрочными ямбическими строфами с перекрещивающимися рифмами.

Талант Сазонова-переводчика не смог уложиться в узкие рамки терцин — Евгений раздвинул грани, созданные великим флорентийцем. Автор «Бурного потока» стал переводить «Божественную комедию», по-своему, творчески переосмысливая ее поэтический лад. У Данте тридцать четыре песни. В переводе Сазонова их — тридцать шесть. Но в этом-то не только своеобразие, но и ценность нового перевода!

Примечания и комментарии

1 Неточность перевода. У Данте читается не «валюту», а «лютню».

2 Франческа да Римини — любовница Малатеста, брата своего мужа. Муж их за это обоих и убил. В средневековой Флоренции подобные случаи бытовали среди распущенной местной знати. У Евг. Сазонова был вариант перевода:

Я бы рассказал еще про Малатеста,
Да, к сожалению, и так много текста.

3 Ошибка. По-видимому, имеется в виду не кардинал Николай, а папа Иоанн. Так что следует читать не «Коля, Коля, Николай», а «Ваня, Ваня, Иоанн»...

4 Хорон — перевозил души умерших через речку Ахерон (по легенде).

5 Ахерон — см. 4 (легенда).

6 Ното homini lupus est — человек человеку волк (лат). Фраза, взятая на вооружение зарвавшимися мракобесами от реакции. На самом деле все наоборот. Неясно, почему Евг. Сазонов не перевел эту фразу в соответствии с исторической правдой.

7 Анд — владыка царства теней (легенда).

8 Стикс — приток Ахерона (легенда).

9 Гонорар — бешеные деньги, выплачиваемые авторам за художественные произведения (легенда).

Раздумины

1. О пользе серьезной музыки

Однажды я отдых воскресный прервал,
Пойдя на концерт пианиста,
Который в тот памятный вечер играл
Рапсодии Ференца Листа.
Ах, как он играл!
Зал почти не дышал,
Но я опечален был, ибо
Мне музыку слушать ужасно мешал
Мой кашель — наследие гриппа.
Не мог наслаждаться я дивной игрой,
Не мог я отдаться мелодии
И кашлял надсадно во время второй
Всемирно известной рапсодии.
Мне было неловко. Но дело не в том:
Я кашлял, не ведая даже,
Что запись концерта идет
И потом
Найду я пластинку в продаже.
Купил я пластинку, где этот концерт,
Включил радиолу я дома
И вместе с рапсодией
Где-то в конце
Услышал свой кашель знакомый.
Да, это мой кашель! Конечно же, мой!
Звучал он так ясно, так чисто!
И снова и снова весь вечер с женой
Мы слушали кашель и Листа.
Мне в вечность открылась высокая дверь,
Бессмертием я обеспечен:
Ведь с Ференцем Листом
Мой кашель теперь
В грамзаписи увековечен!
Ходите, товарищи, в консерваторию
И так же, как я,
Попадете в историю!

2. Старое и новое

На плоской крыше синхрофазотрона
Сидела неприметная ворона.
Сидела и не ведала про то она,
Простая недоразвитая птица,
Что там, под ней, проносятся протоны
И за частицей гонится частица.
А я подумал: вот прогресса вехи,
Все изменилось на земле-старушке...
Живи ворона эта в прошлом веке,
На чем она сидела б?
На церквушке.
Сидела бы она, объята дремой,
На избах, крытых ржавою соломой.
А нынче
Та же самая ворона
Сидит на крыше синхрофазотрона!
Прносятся протоны да нейтроны,
Идут в природе всякие процессы,
И если даже, скажем, ты ворона,
Ты все равно зависишь от прогресса!

3. О поэте и его лирическом герое

Во избежанье недоразумений
Я как поэт скажу вам не тая:
Лирический герой моих творений
Отнюдь не то же самое, что я.
Коль, скажем, я пишу, что стар и сед
И развожу об этом тары-бары,
Не думайте, что стар и сед поэт,
О нет: его герой седой и старый.
Коль я пишу, мол, на душе тревога,
Мол, выхожу один я на дорогу —
Совсем не значит, что ночной порой
Я сам иду пешком. Нет, слава богу,
Я за столом сижу,
А на дорогу
Выходит мой лирический герой.
И коль пишу я, что иду вперед,
То значит мой герой вперед идет,

А я — я повторяю вам опять —
Могу стоять на месте иль лежать.
Так что оставьте ваши подозренья;
Что, дескать, я пленен теперь другой...
Да, я ей посвящал стихотворенья,
Но в ресторан ходил с ней в воскресенье
Не я,
А мой лирический герой!

4. Стихи с недоговорками

По реке по голубой
Нашу лодочку несло,
И друг друга мы с тобой
Понимали с полусло...
Говорил я на заре
О любви моей слова,
И мои стихотворе...
Тебя очень волнова...
Мы бродили при луне,
Был тебе я по душе.
Почему ж ты вдруг ко мне
Изменила отноше?...
Иль былое пустяки,
Все забыто от и до?
Иль теперь мои стихи
Для тебя малохудо?...
Нет покою мне нигде,
Изменился я в лице.
Да, мои произведе...
Ты теперь недооце!..
Говорят недаром все:
Ходишь ты с другим уже —
То ли, может, с Евтуше?...
То ли, может, с Вознесе?...
Если так — конец мечте,
Ни к чему теперь слова!
Больше я на эту те...
Не желаю разгова!..

5. В день развода

Я никак, родная, не повинный
В том, что нам расстаться суждено:
Не всегда, увы, две половины
Составляют целое одно.
Два пол-литра — литр, все это знают,
Но должна ты согласиться,
Что
Два полупальто не составляют
Одного единого пальто.
И сложить семью не так-то просто,
Много лет с тобой я горевал,
Но
Два полуострова — не остров,
Два полуподвала —
Не подвал...
Вот и нам не жить семьей единой,
Но не виноват я, видит бог:
Два полуботинка —
Не ботинок,
Два полусапожка —
Не сапог!

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Сборник

Редактор
Е. Г. Сабашникова

Художественный
редактор
Е. Е. Смирнов

Технический
редактор
Р. П. Бачек

Корректор
З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 21/XII 1971 г.
Подписано к печати 9/IV 1973 г.
A09112.

Формат издания 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная.
Условных печатных л. 15,96.
Учетно-издательских л. 14,355.
Тираж 100000 (1-й завод 1—50000) экз.
Издательский № 1116.
Издательство «Искусство».
Москва, К-51, Цветной бульвар, 25.
Ордена Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и
книжной торговли, г. Калинин,
проспект Ленина, 5. Заказ 895.
Цена 1 р. 09 к.

1 р. 09 к.

